Резцов

ОКТЯБРЬ
в
ТУРКЕСТАНЕ

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ГИЗО
Р2(81)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

1917-1927

Отдел Сред.-Аз. Бюро ЦК ВКП(б) по изучению истории партии и Октябрьской революции.

ИСТПАРТ

ГИ105
Р491

Л. Резцов

ОКТЯБРЬ В ТУРКЕСТАНЕ

Ташкент
Изд. акц. об-ва «Средазкнига»
1927 г.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

1917-1927

Отдел Сред.-Аз. Бюро ЦК ВКП(б) по изучению истории партии и Октябрьской революции.

ИСТПАРТ

ГИ105 р
Р491

Л. Резцов

ОКТЯБРЬ В ТУРКЕСТАНЕ

Ташкент
Изд. акц. об-ва «Средазкнига»
1927 г.

1-экз

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

ТИПО-ЛИТО-ЦИНКОГРАФИЯ
Акционерного Общества
„СРЕДАЗКНИГА"
Заказ № 547.
Окрлит № 491
Тираж 3.000

ГИ105 р
Р491

БИБЛИОТЕКА
Ин-та Мат... при Ц...КПСС
879004

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА ЛЕНИНА

9691
(758
33)
6680 ст.

БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
Спец. фонд

От Истпарта Средазбюро ЦК ВКП(б)

В настоящей работе впервые систематизируется документальный материал по истории Октября в Туркестане.

Работа затрагивает ряд интереснейших моментов—роль колонизаторского капитала, взаимоотношение национально-освободительного и европейско-классового движения, отношение трудящихся масс местного населения к февралю и последующим этапам борьбы, своеобразие «блока», в который большевики вступили с левыми элементами соглашательских партий в 17 году.

Но работа не может претендовать на исчерпывающий анализ, поскольку автору был дан крайне ограниченный срок, а сохранившиеся материалы страдают большими пробелами. (особенно в освещении событий на местах).

Истпарт намерен провести более детальную проработку материала коллективно—при участии того же автора: Октябрь в Туркестане представляет особо актуальный интерес, подтвердив всю верность ленинской установки: отсталые страны могут притти к коммунизму «не через капиталистическое развитие, а путем развития классового самосознания под руководством сознательного пролетариата передовых стран».

Для выполнения поставленной Истпартом задачи было бы крайне важно получить помощь от товарищей, сохранивших на руках материалы, относящиеся к революции в Туркестане, а также имеющиеся замечания по данной работе.

Истпарт.

В проработке фактического материала (особенно главы V и IX) большая помощь оказана сотрудником Истпарта Ф. Божко, которому автор приносит товарищескую благодарность.
Л. Р.

1. От диктатуры буржуазии к диктатуре пролетариата.

Февральская революция в России ударила по самодержавию, как «общенародная» революция. Но катастрофический обвал Февраля обнажил классовые силы, вставшие ныне уже лицом к лицу; дальнейшего сдвига не смогла затормозить буржуазия, несмотря на широко разветвленную работу своей прямой и скрытой агентуры.

Для того, чтобы «опрокинуть телегу романовской монархии», «кроме необыкновенного ускорения всемирной истории, нужны были особенно крутые повороты ее», «необходим был великий, могучий, всесильный «режиссер», который, с одной стороны, в состоянии был ускорить в громадных размерах течение всемирной истории, а с другой стороны—породить невиданной силы всемирные кризисы экономические, политические, национальные и интернациональные», «... Этим всесильным «режиссером», этим могучим ускорителем явилась всемирная империалистическая война»*).

Но и после российского Февраля путь капиталистической Европы шел под уклон—война вырывала новые сотни тысяч жертв, война подрывала в конец могучие хозяйственные организмы народов, Республике, возглавляемой Временным Правительством, предстояло—либо обрушиться под откос, либо... либо превратиться в Республику Советов.

При общей сумме внутренних условий российского государства, при данной расстановке классовых сил, путь от «февраля» к «октябрю» был для России неизбежен—даже если бы «февраль» пришел не в буре империалистической канонады, даже если бы царизм оказался свергнут в обстановке «мирного» капиталитического развития. Вопрос в темпе развития от «февраля» к «октябрю». Всего восемь месяцев отделяют страну полуазиатского деспотизма от страны Советов. Существуют «могучие ускорители», которые не только приближают наступление переворота, но и позволяют революции—локомотиву истории—развивать неимоверную скорость, сжимая десятилетия в годы и годы в месяцы. В такие периоды бешено бьется пульс событий и, чутко к нему прислушиваясь, схватить настоящее и будущее процесса может только г е н и а л ь н ы й человек, ставший во главе партии и класса, сумевший как

*) Ленин, том XIV, ч. I, стр. 6.

бы сосредоточить в себе разум и волю революционного класса. В 1917 году—под ленинским руководством—лихорадочное возбуждение масс, разрушительные силы удара были направлены по верной тактической цели. «Ускорение и замедление (общего хода развития) в сильной степени зависят от «случайностей», среди которых фигурирует также и такой «случай», как характер людей, стоящих вначале во главе движения»*)

Революция в России имела не только исключительно благоприятную в н е ш н ю ю обстановку для своего развития (мировой военный кризис, ожесточенная война империалистических групп), но и особо благоприятные в н у т р е н н и е данные**), из которых не на последнем плане стоят руководящая роль большевиков партии в целом и Ленина, в частности.

Развернувшаяся за 8-ми месячный период коалиционного правительства борьба, которая об'ективно с первых же дней была борьбой за власть Советов, хотя и не все участвующие в ней отдавали себе в этом ясный отчет,—имеет значение колоссального исторического урока для пролетарской революции всех стран и народов, несмотря на всю к о н к р е т н о с т ь и, следовательно, н е п о в т о р я е м о с т ь этой борьбы в ее отдельных эпизодах, в ее драматических перебоях, в ее нарастающей устремленности к новому типу государства, к новому типу общественного строя.

Февраль развязал массам руки для борьбы, но на первых этапах борьба за власть Советов велась с о з н а т е л ь н о лишь ядром большевиков и пролетариями-передовиками (особенно после апрельских тезисов Ленина); она шла с т и х и й н о, поскольку мы говорим о подавляющей массе рабочих, солдат и беднейших слоев крестьянства, стихийно в том смысле, что массы стали осознавать лишь общее направление борьбы, но не отдавали себе ясного отчета ни в своих силах, ни в своих задачах.

Налицо было «двоевластие»: буржуазное Временное Правительство и Рабоче-Солдатско-Крестьянские советы. Реальная сила была за массами.

«Нельзя забывать, что фактически в Питере власть в руках рабочих и солдат; насилия над ними новое правительство не производит и не может произвести, ибо ни полиции, ни особой от народа армии, ни стоящего всесильно над народом чиновничества н е т»***).

«В марте и апреле 1917 года неизвестно было, находится ли реальная власть в руках правительства или в руках Советов»****),

*) Маркс—Кугельману 17/IV—1871 г.

**) Характеристика их, например, у Сталина («Вопросы Ленинизма).

***) Ленин, т. XIV, ч. I, стр. 30, апрель 1917 г.

****) Там же, часть II, стр. 15.

«Петроградский Совет... ...добровольно передает государственную власть буржуазии и ее Временному Правительству»*).

«Большинство населения, т.-е. Советы, т.-е. рабочие и крестьяне, имели бы полную возможность спасти положение, помешать капиталистам дезорганизовывать и останавливать производство, взять его немедленно на деле под свой контроль, если бы не «соглашательская» политика народнических и меньшевистских вождей».**).

«Дело в этапе обще-народной революции. ...Этот этап (этап «мелко-буржуазных иллюзий, мелко-буржуазных фраз») нужно изжить. Поможем скорее и безболезненнее изжить его. Он приведет к избавлению народа от последних мелко-буржуазных иллюзий, переходу власти в руки революционного класса»***).

В последних словах особенно ясно выражено, что в основном только «иллюзии» заграждают в этот период массам путь к власти. Власть можно было взять. Революционный порыв масс саботировали оппортунисты (особенно засевшие в Советах). Основными задачами вставало: разоблачение перед массами истинного характера Временного Правительства (буржуазного) и политики соглашателей (предательской), «раз'яснение массам, что Совет Рабочих Депутатов есть единственно возможная форма революционного правительства» и (пока) только «раз'яснение ошибок и тактики», «пока это правительство поддается влиянию буржуазии» (апрельские тезисы Ленина).

По мере того, как воспитываются на политическом опыте массы, начиная перерастать свой соглашательский штаб, по мере того, как массы начинают большевизироваться, над страной сгущаются реакционные тучи. «Политика, усвоенная вождями Советов, имеет свою логику, и эта логика ведет к усилению во вне и внутри России антиреволюционных сил»****).

Точка перелома—могучие июльские демонстрации в Петрограде. «Цикл развития классовой и партийной борьбы в России с 27 февраля по 4 июля закончился»*****). «Мирный путь развития сделан невозможным. Начался немирный наиболее болезненный путь», «власть нельзя уже сейчас мирно взять. Ее можно получить только победив в решительной борьбе действительных обладателей властью в данный момент, именно военную шайку, Кавеньяков, опирающихся на привезенные в

*) Там же, часть I, стр. 40.
**) Там же, стр. 210, май.
***) Там же, июнь месяц.
****) Том XIV, ч. I, стр. 306, 30 июля.
*****) Ч. II, стр. 18.

Питер реакционные войска, на кадетов и монархистов»*). Тактика партии применяется к обстановке. С изменением обстановки необходимо соответствующее изменение лозунгов. «Всю агитацию в народе надо перестроить так, чтобы она учитывала конкретный опыт теперешней революции и в особенности июльских дней»**). А вот этот конкретный опыт: «урок русской революции: трудящимся массам нет спасения от железных тисков войны, голода, порабощенья помещикам и капиталистам иначе, как в полном разрыве с партиями эс-эров и меньшевиков, в ясном сознании их предательской роли, в отказе от каких бы то ни было соглашательств с буржуазией, в решительном переходе на сторону революционных рабочих»***). Как основной тактический лозунг, VI с'езд партии выдвигает «полную ликвидацию диктатуры контр-революционной буржуазии», Ленин на исторических примерах показывает, как идет подготовка бонапартизма, Ленин зовет «сломить сопротивление капиталистов, повести народ к завоеванию земли без выкупа, к полной свободе, к победе над голодом, к победе над войной, к справедливому и прочному миру»****). Ленин предвидит эпоху, когда «большинство трудящихся вынуждено будет доверить свою судьбу революционному пролетариату»*****).

По мере того, как изживало себя «двоевластие», перерастая в бонапартистскую диктатуру буржуазии, исчерпывалась и (необходимая)******) стадия буржуазно-демократической революции, не сумевшей и не могущей решить свои основные задачи (ликвидация крепостнических пережитков)*******). Над страной явственно вставал призрак гражданской войны.

Следующий этап—решительный сдвиг масс в сторону большевистской программы, большевистских лозунгов. Фактическое наступление гражданской войны—выступление Корнилова. Прогрессирующая большевизация Советов (в частности Петроградского, что особенно важно). 13(26) сентября Петроградский Совет Рабочих Депутатов принимает резолюцию, основная мысль которой выражена так: «нетерпимы, далее, ни исключительные полномочия Временного Правительства, ни его безответственность. единственный выход в создании власти из пред-

---

*) Там же, ч. II, стр. 15, июль.
**) Часть II, 17.
***) Часть II, 42.
****) Ч. II, стр. 43.
*****) Там же, стр. 56.
******) Подчеркиваем это слово, чтобы еще раз отмежеваться от троцкистской концепции беспересадочного сообщения от царя к рабочему правительству.
*******) «Буржуазно-демократические преобразования, говорили и доказали делом мы, есть побочный продукт пролетарской, т.-е. социалистич. революции. ...Первая перерастает во вторую. Вторая мимоходом решает вопросы первой» т. XVIII, ч. I, стр. 336.

ставителей революционного пролетариата и крестьянства». 23 (6/X)—сентября создается новый президиум Петросовета во главе с Л. Д. Троцким.

Руководивший из подполья революцией Ленин, гений политической арифметики («политика — умение считать миллионами»), взвешивает рессурсы и шансы «за», пробирает «парочку товарищей, растерявших свои принципы» (Каменев, Зиновьев), потерявших мужество перед решительным боем, и торопит, зовет к этому бою партию. Письма и статьи Ленина являются незаменимой характеристикой периода кануна Октября: безошибочный учет и анализ обстановки, гениальное чутье стратега, напряженное перед решающей боевой операцией, неукротимая страсть революционера, знающего, что он говорит от имени масс... Россия перед Октябрем, пролетариат перед Октябрем стоят в ленинских строках, как вылитые.

II. Октябрь в царской колонии и задачи текущего дня.

Октябрьский толчок передвинул в новую социальную орбиту народы российского государства—десятую часть всего населения земной поверхности. В октябрьские дни встал у власти пролетариат, поднимая за собой к власти, к строительству, к борьбе многонациональные миллионы трудящихся. Если основные силы пролетарской революции были сосредоточены в колонизаторской Великороссии, и именно петроградские рабочие и солдаты повернули в решающий час рычаг истории,—то тем не менее было бы грубой ошибкой думать, что далекая периферия страны, в частности ее колониальные окраины, получили власть Советов по «телеграфу», из рук авангарда и центра.

В общероссийском (тогда была еще «Россия») масштабе мобилизовались массы, вели подготовку в массах революционные элементы социал-демократии, вливая растущее возбуждение и гнев масс в четкие кованые берега политических требований и лозунгов. И в том же масштабе вела контр-революция работу по физическому и моральному обезоруживанию масс, работу провокации, клеветы и травли; терроризованная революцией буржуазия рассчитывала ее терроризовать чудовищными карикатурами «разложения», «анархии», «германского шпионажа», «предательства» и проч., а затем имелся в виду переход и к террору «всерьез»—сподвижники неудачного Бонапарта-Керенского вплоть до провинциальных генералов типа Черкеса и Коровиченко (Ташкентские «герои») проявили бы царскую щедрость в день расплаты с непокорными организациями и массами.

На громадной, повторяем, территории идет процесс сосредоточения сил революции и контр-революции. Идет он неравномерно, но в основных чертах это единый процесс. И единство это вытекает отнюдь не только в результате тех средств связи с центром, которыми располагали окраинные организации и массы, но—и это главным образом—в результате общих тенденций процесса, известной общности обстановки, условий, размещения классовых сил и их соотношения.

Однако, чтобы понять Октябрьскую революцию во всей полноте и насыщенности ее отдельных этапов, во всех противоречиях, которые ее породили, развернули, привели к победному финалу, во всей сложности ее взаимодействующих сил и факторов,

необходимо присмотреться к развертыванию классовой борьбы в тех конкретных формах, в которых оно проходило «на местах».

На истории нашего Октября учатся бороться за диктатуру пролетариата коммунистические партии всех стран, а картина пролетарского Октября была бы неполной, если бы мы игнорировали те вспомогательные, но важные моменты, из которых она слагается, если бы мы игнорировали, в частности, конкретные особенности революционного процесса на колониальной периферии бывшей империи.

Это первое основание к тому, чтобы уделить внимание истории Октября в Туркестане.

Второе. Колониальный и полуколониальный Восток, бывший в течение десятилетий экономической и отчасти военной (вспомнить «цветные» войска империалистической войны) базой империализма, на наших глазах превращается в революционный Восток*), становится базой и резервом пролетарской революции, бьющей по международному империализму. Средняя Азия—советский аванпост на Востоке. Но экономический и культурно-бытовой уклад Средней Азии имеет много черт, исторически родственных и роднящих ее с сопредельными странами. Некоторые из них (Турция, например) уже пережили свой классовый и национальный «февраль», другим он еще предстоит (Персия, Индия), в третьих (Китай) бурные события развертываются совершенно своеобразно, тем не менее наличие некоторых (и существенных) общих черт в экономике и быту дает возможность использовать опыт революции в Средней Азии для более внимательного и углубленного анализа перспектив революции в сопредельных странах Востока. Пути истории извилисты и в деталях неповторимы, и марксизм требует изучения конкретного в его своеобразии, и широкого—в порядке обобщения—использования опыта революционной борьбы, ее неудач, достижений, традиций. История Октября в Средней Азии дает много поучительного материала для сравнения с данными и перспективами мировой колониальной революции.

В мировое революционное движение (классовое и подчиненное ему национальное) входит, как часть в целое, и закладка социалистического фундамента нашей экономики, входит каждое наше сознательное усилие, вдвигающее лишний кирпич в возводимые стены социализма. Нелегко строить социализм в обстановке застывших столетиями «традиций», рутинного производства, задушенной активности масс, «привычки» этих масс к варварскому гнету. Нелегко решать задачи насыщения стра-

*) «Усиление революционного движения во всех без исключения колониях и в зависимых странах... в корне подрывает позиции капитализма, превращая колонии и зависимые страны из резервов империализма в резервы пролетарской революции» (Сталин).

ны советскими, социалистическими элементами хозяйства и культуры — в обстановке не полностью еще изжитых национальных трений и конфликтов, националистических предрассудков. Для ориентировки в социальных силах средне-азиатского города и кишлака, для правильного их учета и правильного ими руководства также дает ценный материал изучение периода революционного переворота: «Жизнь становится необыкновенно богата, на политическую сцену активным борцом выступает масса, всегда стоящая в тени и часто поэтому игнорируемая или даже презираемая поверхностными наблюдателями. Эта масса учится на практике у всех перед глазами, делая пробные шаги, ощупывая путь, намечая задачи, проверяя себя и теории всех своих идеологов» *). «Не становится ли именно тогда массовый разум живой действенной, а не кабинетной силой? Именно революционные периоды отличаются большой широтой, большим богатством, большой сознательностью, большой планомерностью, большой смелостью и яркостью исторического творчества по сравнению с периодом мещанского, кадетского, реформистского прогресса»**).

На опыте революции учатся массы, на опыте революции учатся и руководить массою. Это положение сохраняет силу в применении не только к европейской, но и к туземной части населения. Несмотря на всю незаконченность процесса классовой дифференциации в местном населении, подспудные, столетиями придавленные силы еще до 17 года заговорили и заставили о себе заговорить. А значительная затяжка аграрной революции и ряда реформ общесоциального и государственного порядка при Совстах—заставляет нас присматриваться к кишлаку 17-го года тем пристальнее. Кишлак—с некоторым запозданием—прошел через такую грандиозную ломку и в то же время такое напряжение сил нужно было (и нужно еще), чтобы поставить его на новые пути, что изучение старого дореволюционного кишлака (и изучение элементов старого в новом) представляет исключительный и притом практический интерес. В частности, важным моментом, и также не только «историческим», но сохранившим добрую долю актуальной свежести, является характер взаимоотношений между европейцами и местным населением в 17 году—практикой масс на оселке революции стихийно были испытаны и намечены характернейшие тенденции, не утратившие силы и до нашего времени. Изучение Октября есть в известной степени изучение исторической почвы текущего партийного и советского строительства; так вкратце можно сформулировать третий мотив, приковывающий наше внимание к изучению революции в Средней Азии.

---

*) Ленин т VI, стр. 63.
**) Т. VII «Победа кадетов и задачи рабочей партии».

III. Под гнетом империализма.*)

Как известно, дореволюционная Россия, с одной стороны, составляла полуколониальный придаток к более передовым капиталистическим странам Запада («Царская Россия—величайший резерв западного империализма» **), Сталин), с другой—проводила издавна беспощадную политику захвата и колонизации по отношению к более слабым и отсталым соседним народностям.

У многих марксистов-исследователей, пишущих о Средней Азии, проскальзывает, иногда молчаливо подразумевается, тенденция мыслить и представлять Туркестан доколонизационного периода в тонах патриархального благополучия и благосостояния. Дескать, явились российские колонизаторы и в погоне за легкой наживой ввергли благоденствующий край «в пучину бедствий и порока».

Достаточно вспомнить историческую полемику между русскими марксистами и народниками, чтобы почувствовать необходимость эту простецкую постановку большой проблемы углубить и уточнить. Отстаивая интересы мелкого самостоятельного производителя, народники в своих построениях скользили по поверхности процесса, чувствуя под собой развертывавшуюся бездну капиталистического развития, но не осознавая тех элементов действительного исторического прогресса, которые несет с собой капитализм, и тех могучих сил, которые только при капитализме могут создаться и развернуть решительную борьбу против всех видов и способов эксплоатации. Иные марксисты прекрасно переварили и усвоили всю реакционность народнического «бунта на коленях» перед надвигающейся лавиной капитализма; но, затушевывая прогрессивную роль (прогрессивную в некоторых существеннейших отношениях) колонизаторской политики царизма, рисуя эту политику, как реакционную и во всех отношениях реакционную,

---

*) Некоторые положения этой главы даются для настоящей брошюры, рассчитанной на широкий круг читателей, в сжатом виде. Они будут развиты в специальной статье (см. ближ. №№ «Коммун. Мысли»)

**) Продолжим цитату: «не только в том смысле, что она давала свободный доступ заграничному капиталу, держащему в руках такие решающие отрасли народного хозяйства России, как топливо и металлургия, но и в том смысле, что она могла поставить в пользу западных империалистов миллионы солдат». Следует пример войны 14 года.

эти марксисты сами скатываются на давно уже сгнившие рельсы народнических предрассудков.

„Приход русских в Туркестан вызвал настоящую революцию в хозяйственных отношениях", говорит Г. Сафаров *) и уточняет через страницу (там же): „Колониальный захват Туркестана русскими насильственно подвинул вперед переход коренного населения от феодализма и феодально-патриархального быта к торговому капитализму", а в известной степени и к промышленному, добавили бы мы. Это бесспорное положение нужно взять за исходную точку при характеристике роли русского колонизационного капитала в Средней Азии.

В „Коммунистическом Манифесте" читаем:

„Буржуазия сыграла в истории в высшей степени революционную роль".

„Повсюду, где буржуазия достигла власти, она разрушала все феодальные, патриархальные, идиллические отношения. Она безжалостно порвала пестрые феодальные нити, привязывавшие человека к его естественным начальникам, и оставила между людьми одну только связь, голый интерес, бесчувственный „наличный платеж"... Она поставила на место эксплоатации, прикрытой политическими и религиозными иллюзиями, открытую, бесстыдную, прямую, сухую эксплоатацию."

„...К великому огорчению реакционеров буржуазия вырвала из под ног промышленности национальную почву. Старинные национальные отрасли промышленности уничтожены и с каждым днем продолжают уничтожаться. Их вытесняют новые отрасли промышленности".

„...Быстрым улучшением всех орудий производства, бесконечным облегчением сношений буржуазия вовлекает на путь цивилизации все народы, даже варварские".

„Буржуазия подчинила деревню господству города. Она создала громадные города, она в высокой степени увеличила число городского населения по отношению к сельскому и, таким образом, освободила значительную часть населения от идиотизма деревенской жизни. И подобно тому, как она сделала деревню зависимой от города, она поставила варварские страны в зависимость от стран цивилизованных, крестьянские народы от буржуазных народов, Восток от Запада".

Мы позволили себе привести такую громоздкую выдержку, потому что она как нельзя лучше характеризует в общих чертах историческое значение колонизаторского русского капитала для Средней Азии. Да, и р у с с к о г о. Вот, что писал, правда, еще до захвата Туркестана Россией, Энгельс, сравнивая Россию с Польшей (письмо Марксу, 1851 г.): „Россия же наоборот, по сравнению с Востоком, действительно прогрессивна. Русское господство со всей его пошлостью, со всей его

*) «Колониальная Революция», Госиздат, 1921 г. стр. 29.

славянской грязью было цивилизующим для Черного и Каспийского морей и для Центральной Азии, для башкир и татар... Уже одно то, что русское дворянство занимается фабричным производством, спекулирует, падувает, поддается на подкупы и обделывает всевозможные христианские и еврейские делишки, начиная с императора и князя Демидова вплоть до самого вшивого барина—14-го класса, носящего титул простого благородия,—уже одно это преимущество". Эта характеристика, блестяще предвосхищающая, в частности, появление «господ ташкенцев»*), особенно любопытна, потому что относится к временам, когда Россия была реакционным страшилищем для передовых течений западной общественности, подлинной цитаделью обще-европейской реакции. Несмотря на это, Энгельс признает «цивилизующее» значение нечистоплотных операций российских буржуа и помещиков на окраинах. Конечно, это признание подавно сохраняет свою силу для позднейшего периода, когда «царизм заведомо и бесспорно перестал быть главным оплотом реакции, во-первых, вследствие поддержки его международным финансовым капиталом, особенно Франции, во вторых, в силу 1905 года»**)

«Развитие производительных сил общественного труда—это историческая задача, оправдание капитала» (Маркс). «Прогрессивную историческую роль капитализма можно резюмировать двумя краткими положениями: повышение производительных сил общественного труда и обобществление его. Но оба эти факта проявляются в весьма разнообразных процесах в различных областях народного хозяйства»***); и далее следует указание на «целый ряд ошибок народнических писателей»,—который «проистекает из попыток доказать, что непропорциональное, скачкообразное, азартное развитие (техники) не есть развитие». Эти слова мы берем из заключительной главы «Развития капитализма в России» и отсылаем читателя к страницам подлинника, чтобы воочию убедиться, с какими незначительными поправками и изменениями положения, выдвигаемые Лениным применительно, главным образом, к центральной России, сохраняют силу и для сравнительно отсталых окраин. Но в той же работе (и в тесной логической увязке с оценкой той же «миссии капитализма») мы находим строки, специально рисующие колониальную политику царизма:

«...Руский капитализм втягивал таким образом Кавказ в мировое товарное обращение, нивеллировал его местные особенности—остаток старинной патриархальной замкнутости, создавал себе рынок для своих фабрик. Страна, слабо заселенная в начале переформенного периода и заселенная

*) См. блестящий очерк Салтыкова-Щедрина.
**) Ленин, т. XIV, ч. 2, стр. 200.
***) Ленин, том III, стр. 486.

горцами, стоявшими в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории, превращалась в страну нефтепромышленников, торговцев вином, фабрикантов пшеницы и табаку, и господин «купон» безжалостно переряживал гордого горца из его поэтического национального костюма в костюм европейского лакея. Рядом с процессом усиленной колонизации Кавказа и усиленного роста его земледельческого населения, шел также (прикрываемый этим ростом) процесс отвлечения населения от земледелия к промышленности. Городское население Кавказа возросло с 350 тыс. в 1863 г. до ок. 900 тыс. в 1897 г. (все население Кавказа возросло с 1851 г. по 1897 г. на 95%). Нам нет надобности добавлять, что то же самое происходило и происходит и в Средней Азии и в Сибири, и т. д.» (там же стр. 484, курсив наш).

Специфические качества российского капитала (промышленного и торгового) в сложном переплете с особенностями местного хозяйственного уклада создали в Средней Азии действительно потрясающую картину эксплоатации и обнищания масс. Дехкан попал под тройной пресс: его попрежнему (и даже сильнее) душит свой «доморощенный» эксплоататор—ростовщик и скупщик. Его душат посредники и агенты пришлого капитала, разжигаемого перспективами высокой прибыли, стремительно товаризующего хозяйство, создающего дороговизну и избыточные кадры рабочей силы, беззастенчиво и хищнически использующего и примитивные формы производства во имя скорейшего накопления—по общему принципу капиталистического хозяйства: «после нас—хоть потоп». Наконец, дехкана душит государственный аппарат царизма, частично сливающийся с названными эксплоататорскими силами, но имеющий и свои хищнические аппетиты, причем в глазах населения, конечно, сливалось (да сливалось и по существу) в одну «цельную» картину: сбор налогов в государственную казну и—столь же обязательная система взяточничества и лихоимства, «нормальное» уплотнение туземцев русскими переселенцами и—конфискация прадедовской земли и имущества в порядке репрессии за «ослушание» и «непокорство», организованная военная расправа с «бунтовщиками» и—безудержное самодурство и произвол низового стражника или «администратора», вымещающего свое раболепие перед начальством над беззащитным туземцем.

Громоздкий механизм правительственной системы царизма обрушивался на туземное население дополнительными «накладными расходами». Уступаем слово одному из активных деятелей царистского цивилизаторства (военный губернатор Ферганской области Иванов—в отчете о «беспорядках» 16 года): «Туземец сразу же, при переходе от первобытных чисто-патриархальных норм, запутался в лабиринте государственной законодательной системы со сложным процессуальным делопро

изводством». Это изменение правовых отношений было, конечно, следствием экономических пертурбаций, т.-е. колоссального роста в хозяйстве элементов обмена и крайне усложнившегося отсюда переплета имущественных отношений. Но цитируем дальше: «Сразу сказалась острая потребность в руководителях, которые не замедлили появиться в виде легионов адвокатов, присяжных, частных, подпольных, русских и иностранцев. Эта клика начала быстро обогащаться, эксплоатируя и недостатки местной законодательной системы, и народное невежество». «Собирая обильную жатву, местная адвокатура, особенно подпольная, не только шла охотно навстречу со своей «юридической помощью», но и начала создавать дела, причем с одинаковой убедительностью выступала то на стороне грабителей, то ограбленных».

Наблюдения полковника Иванова при всей их (в данном случае) правильности скользят по поверхности фактов. В лице охарактеризованных «закунчи» он склонен видеть чуть ли не основное социальное зло, скопившее в массах к 16-му году изрядные запасы горючего материала. Гораздо более «марксистски» подходит к этой теме в своем рапорте (адресованном военному министру с просьбой представить «его императорскому величеству»*) туркестанский генерал-губернатор Куропаткин (он же герой Японской войны).

879004

Вот что говорит Куропаткин «о причинах, кои в течение последних 30 лет накапливали недовольство своим положением среди различных групп туземного населения Туркестана».

«...Развитие хлопкового хозяйства, особенно в Фергане, вызвало прилив в край огромных денежных сумм. Образовалась небольшая группа очень богатых туземцев наряду с обеднением мелких землевладельцев. Быстро развившееся в хлопковом деле машинное капиталистическое хозяйство сделало кустарный труд хозяев мелких земельных участков малопроизводительным. Явилась задолженность и потеря этих участков. Происходит скупка земель богатыми туземцами, в том числе и туземными евреями, увеличивая число безземельных... Насколько велика задолженность населения, видно из того, что только в Ферганской области за 1914 и 1915 г.г. предъявлено было ко взысканию исполнительных листов на сумму свыше 16 миллионов рублей (!).

... За долги у туземцев продавали во многих случаях все без исключения земельное имущество и инвентарь».

Дальше в рапорте сообщается об экспроприяциях («были отобраны») земли у киргизского населения, о злоупотреблениях и бесчинствах лесной стражи (в Киргизии, «вредной и опасной власти» охранных агентов в Туркмении (охранка переусердствовала).

*) Помеченный 22 февраля 1917 года рапорт вряд ли успел дойти по назначению

БИБЛИОТЕКА ИМЭЛ Спец. фонд

Железнодорожное строительство (80—90-ые годы), введение культуры американского хлопка (80-ые годы), диктуемые капиталом «голодные» цены на хлопок, скупка и конфискация земель—вот основные экономические моменты, конкретизирующие товаризацию хозяйства края, с одной стороны, пролетаризацию масс—с другой.

Вышеохарактеризованный тройной гнет, лежащий на дехканстве Туркестана, основным своим результатом имел: решительное разорение мелкого производителя, «освобождение» его от обычных условий труда, причем при стремительном темпе наступления капитала процесс принимал особо болезненную форму: ведущий свое карликовое натуральное хозяйство дехкан—либо миновал вовсе промежуточную стадию самостоятельного товаропроизводителя, пролетаризуясь непосредственно, либо, искусственно задерживаемый на этой стадии ростовщическим капиталом, доходил до такой степени нищеты, что малейшего толчка было достаточно, чтобы он бросил свое надорванное в конец хозяйство.

Дехканство Средней Азии задыхалось в тисках капитализма, при чем причудливо комбинировались первые шаги промышленного развития края с архаическо-феодальными элементами и методами ростовщичества и с последними «достижениями» эпохи финансового капитала—бешеной спекулятивной игрой и монополистическим протекционизмом (высокие пошлины против заграничного фабриката, главным образом, английского).

Масса пауперизованных (разоренных) дехкан шла на сезонные работы (в том же сельском хозяйстве), но шла и в город, шла и на фабрику.

«Переход к капиталистическому индустриализму не может произойти без ужасного перелома внутри общества, без исчезновения целых классов и их превращения в другие классы; а какие громадные страдания, какая растрата человеческих жизней и производительных сил необходимо предполагается такими переменами, это мы видели уже, хотя и в меньшем масштабе (подразумевается: чем в России)—в истории Западной Европы (Энгельс—Николаю-ону, письмо от 17/X-1893 г.).

Колониальные захваты—одна из основных и традиционных форм «первоначального накопления» капитала, но методы колониального хозяйничанья остаются варварско-хищническими в своей основе, идет ли о XVII или XX столетии, идет ли речь о «российской цивилизации», насаждаемой в Туркестане, или об «английской цивилизации», более успешно, пожалуй, насажденной в Индии, идет ли речь о подлинном первоначальном накоплении или о накоплении капитала эпохи его предсмертных «эксцессов» и потрясений.

Аналогия Англии-Индии, с одной стороны, России-Туркестана, с другой, напрашивается по ряду характерных черт. То

же частичное использование сохранившейся феодально-патриархальной системы (вплоть до раджей в Индии) в целях твердого режима и государственного фиска. То же отсутствие самомалейшей заботы о материальных правах и потребностях населения, брошенного под «Джагернаутову колесницу» наступающего капитала.

В 1913 году Ленин так характеризовал «две исторические тенденции развивающегося капитализма в национальном вопросе»: «первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств. Вторая: развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д.». Причем «вторая характеризует зрелый и идущий к своему превращению в социалистическое общество капитализм»*).

А в 1916 году Ленин дает уточняющую формулировку: «экономическое различие между колониями и европейскими народами—по крайней мере, большинством последних—состояло прежде всего в том, что колонии втягивались в обмен товаров, но еще не в капиталистическое производство. Империализм это изменил. Империализм есть, между прочим, вывоз капитала. Капиталистическое производство все более и более ускоренно пересаживается в колонии»**).

Перенесенное в колонии капиталистическое производство создает новые очаги революционных сил. В колониях зарождается и крепнет местная буржуазия и неизбежный ее спутник—пролетариат.

Именно из факта предварительного назревания в колониях капитализма, занесенного из метрополии, и вытекает, что «интернациональный отказ от колониальной экспансии, которого пролетариат может добиться только путем революционной борьбы, ни в коем случае не будет означать для неразвитых капиталистических стран возвращения к варварству, как это утверждают социал-империалисты. В важнейших странах Востока (Турция, Китай, Индия) в течение многих лет наблюдается рост буржуазных элементов, которые в состоянии самостоятельно выполнить стоящую там перед капитализмом задачу развития производительных сил»***).

Именно отсюда и вытекает возможность характеризующих эпоху империализма широких национально-освободительных движений в колониях, движений, возглавляемых на первых

---

*) Т. XIЦ стр. 46.

**) Там же стр. 196.

***) Там же, стр. 257, из тезисов, принятых на январской конференции большевиков в 1912 году.

порах, как общее правило, местной буржуазией и перерастающих в рабоче-крестьянские восстания—в зависимости от того или иного соотношения сил.

После империалистической войны 1914—1918 г.г. становится возможным утверждать безоговорочно:

«Иностранный империализм, насильно привитый восточным народам, безусловно, затормозил их общественное и хозяйственное развитие и отнял у них возможность достигнуть того уровня, какого достигла Европа и Америка, благодаря империалистической политике, стремящейся задержать промышленное развитие в колониях*)».

Война, разорвавшая мировые хозяйственные связи, дала сильнейший толчок индустриализации колоний, экономическая опека империализма в колониях становится явно-реакционной.

Загнивание (экономическое) империализма в колониях и для колоний в основном проявляется в том, что финансовый капитал метрополий начинает душить становящуюся уже на собственные ноги местную колониально-отечественную промышленность. Вывоз капитала в колонии, существеннейший и необходимый признак всей системы империализма, имеет неизбежным результатом создание могущественнейшей противоимпериалистической силы: национальной революции, идущей сначала под руководством (местной, национальной) буржуазии.

Из всего вышесказанного следуют для характеристики Средней Азии дореволюционной и после революционной после февральской) важнейшие положения.

1) Европейский капитал проделал в Средней Азии громадную разрушительную работу—работу по разложению натурального хозяйства и патриархально-феодальных отношений. Обнищание масс и сосредоточение материальной мощи на другом полюсе общества—таковы об'ективные предпосылки к перенесению в край отношений промышленного капитализма; эти предпосылки создавались торгово-ростовщическим капиталом, который об'ективно прокладывал дорогу к промышленному, несмотря на наличие и тормозящих контр-тенденций, детально указанных в имеющейся литературе, вытекающих из специфических качеств торгово-ростовщического капитала вообще и российского в особенности. Разорение и обнищание масс, резкое обострение классовых противоречий об'ясняет нам, почему трудовые массы коренного населения почувствовали социальный смысл событий 1917 года—в их тенденции к октябрю, как полному классовому и национальному раскрепощению. Отсюда—иначе необ'яснимое—отсутствие (почти абсолютное) националистических эксцессов, в 1917 году, несмотря на провокационную пропаганду, которую вели евро-

*) Тезисы, принятые 2-м Конгрессом Коминтерна, т. XIX стр. 272.

пейские и местные реакционеры, несмотря на крайнее ослабление власти в крае; отсюда (почти абсолютное) отсутствие в 1917 году сепаратистских тенденций, всего лишь год тому назад (1916 год) ярко проявившихся; отсюда и стихийная тяга к советам, несмотря на то, что меньшевистско-эс-эровские советы всего меньше занимались проведением правильной политической линии.

2) Европейский капитал в эпоху своего вторжения в Среднюю Азию переживал уже стадию «загнивания», но для русской колонии, Туркестана, варварски-жестокая политика капитала еще не означала экономического регресса, потому что не была еще достаточно расчищена почва для насаждения промышленных предприятий в большом масштабе, а следовательно и не могла еще возникнуть политика удушения местной капиталистической промышленности, что служит основным признаком «загнивания» капитализма в колониях и для колоний (полуколоний). (Классическим примером экономически-реакционного действия капитала на полуколониальную страну может служить Китай). Отсюда нам становится ясным, почему такую ничтожную роль сыграли в истории Ср. Азии Средне-Азиатской революции джадиды—представители только еще нарождавшейся местной промышленной буржуазии: им не на что и не на кого было опереться.

3) Еще предстоявшая до Ср. Азии при господстве великодержавного правительства эпоха вторжения промышленного капитала, эпоха неизбежной жестокой борьбы между пришлым и местным промышленным капиталом означала бы для трудовых масс такой чудовищный процесс вырождения и вымирания, о котором ныне освобожденные народы советского Востока могут получить представление только на примерах Китая, Индии и т. д.

Революция пресекла линию развития капитализма в Ср. Азии. Революция задушила колонизаторский капитал в Ср. Азии прежде, чем он успел лопнуть от пресыщения. Революция сократила муки общественного развития Ср. Азии, которой предстояло бы пойти сквозь строй усовершенствованной, истинно «европейской» системы эксплоатации. Весенняя гроза Февраля прорвала плотину старого режима; октябрьская буря бросила Туркестан на новые исторические пути.

IV. Революционное движение в Туркестане до 1917 г.

Исторические условия не дали царизму довести свою колонизаторскую миссию до конца, т.-е. до того предела, когда национально-освободительное движение оформляет программу действий и борьбы и выступает против поработителей более или менее подготовленно и сплоченно, с шансами на победу.

«Отделение колоний и пролетарская революция у себя дома свергнет капиталистический строй в Европе», так говорится в тезисах (по нац. и колон. вопросу), принятых 2-м Конгрессом Коминтерна. Иначе говоря: на помощь пролетарской революции в капиталистических «отечествах», «у себя дома» выступает, как мощная союзная сила, национальное освободительное движение в колониях.

В Российской Империи эти национально-революционные силы на более отсталых окраинах не успели еще организоваться.

Царистская система угнетения классов и наций была взорвана изнутри, пожар занялся в самой метрополии, были поражены центральные нервные узлы самодержавия. А уже как результат были парализованы конечности чудовища, власть его на колониальной периферии.

Но это относится к февральской революции.

С Февраля же по Октябрь Туркестан проходит в своеобразных вариантах обще-российские этапы движения; массы, не только европейские, но и коренного населения, в это движение втягиваются; массы учатся видеть в лице советов—органы борьбы и власти; попытки задушить движение терпят полный провал; развертываются силы, которые пыталось сковать ставшее во главе «единой, неделимой» России буржуазное Временное Правительство; элементы буржуазного и даже феодального туземного сепаратизма причудливо переплетаются с элементами народной борьбы против классового гнета; к станции «Октябрь» оказались подвезенными и невольные пассажиры—нарождавшиеся руководители нарождавшегося буржуазного национализма; трудящиеся коренного населения еще летом 17 года, задолго до Октября, видят в советах органы самозащиты трудящихся и зачатки новой власти и в лице лучших своих элементов поддерживают русских рабочих и солдат в борьбе с контр-революцией.

В свержении самодержавия трудящиеся Туркестана непосредственно не участвовали. Это—немудрено. Чтобы свалить царизм, достаточно оказалось дать толчок, но этот толчок должен был исходить из центра, где были сосредоточены нити управления страной.

Говорить о подготовке февральской революции в Туркестане, означает лишь говорить: о конкретных условиях края, создавших общую (с другими областями и районами Империи) ненависть к царизму и создавших отсутствие какой бы ни было реальной силы, стоящей за ним, готовой защищать его.

Другое дело—Октябрь.

К Октябрю Туркестан приходит «в одну голову» с центральной Россией, с рабочими и солдатскими организациями во главе, с широким использованием скопленного за 8 месяцев опыта, в условиях общего распада буржуазного государства и тесной связи с рабочими и солдатами центральной России.

Только имея перед глазами опыт революционной борьбы при царизме, можно понять, почему так восторженно встретил Туркестан весть о свержении царизма и почему так активно—считаясь с неизбежностью жертв—выступили массы на борьбу с контр-революцией, на борьбу за власть советов—в позднейший предоктябрьский и октябрьский период.

Этот опыт необходимо в основных чертах и этапах восстановить в памяти.

1905 год.

Ленин неоднократно указывал, что русско-японская война и последующая революция 1905 г. дали сильный толчок национально-революционному движению колониальных и полуколониальных стран азиатского Востока—Персии, Турции, Китая, даже Индии и Индонезии*). Казалось, было бы правильным заключение, что это национально-революционное движение получило не меньший размах в странах, непосредственно зависимых от царского самодержавия. Но это заключение требует существенных оговорок.

В индустриальных районах европейской, а отчасти и азиатской России, старый режим получил такую встряску, что готов был пойти на решительные уступки и на кое-какие уступки, под грозным нажимом массового движения—пошел; на отсталых окраинах, где диктатура правительства издавна носила характер военной, а потому трижды свирепой диктатуры, она не потеряла равновесия. Пользуясь прямым применением силы штыков, политической развращенностью общественных верхов туземного населения, а также нарочито культивируемой отчужденностью между европейцами и коренным

*) XIX т., стр. 25.

населением, правительство сумело затянуть узду и свести на нет мизерные «права» и «свободы» 1905 г., примерно, также быстро и круто, как это было сделано в Европейской России, в то время, как за рубежами Туркестана взрыв 1905 г. с неутихающей силой отдавался в течение ряда лет.

Революция 1905 г. и в Европейской России не сумела выйти победоносно за кадетско-буржуазные рамки; штурмовые колонны рабочих и крестьян, выступавшие раз'единенно, были разбиты; верная большевистская линия не могла еще найти в массах широкого упора; а буржуазия трусливо отметнулась вспять, в лагерь помещичьей контр-революции, лишь почувствовала крепчающий ветер снизу—из рабочих кварталов и мужицких изб.

Общероссийская реакция ударила по Туркестану—с тем большей силой, что зарождавшемуся национальному движению предстояло пойти совершенно иными путями, чем европейской рабочей части населения. Именно предстояло еще. Как в России разгар революционно-аграрного движения крестьянства приходит с запозданием (а рабочий класс был разбит, выступив без крестьянской поддержки), так и в Туркестане движение масс коренного населения раскачивается и принимает широкие размеры лишь в период уже настушившей реакции, достигая наибольшего размаха к 1916 году.

Поэтому все исследователи указывают на отсутствие связи между национально-местным и классово-европейскими руслами движения (1905 г.). Поэтому нам приходится рассмотреть ту и иную форму противоцаристского движения в отдельности, ограничившись общим указанием, данным уже вначале главы: удар 1905 г. не мог не расшатать политических и идейных твердынь самодержавия в колониальных окраинах; если 1905 г. и не был для местного населения Туркестана «генеральной репетицией» грядущих битв, то он за то наглядно продемонстрировал перед лицом всего мира, Запада и Востока, зарубежного и внутриимперского Востока, как репетируют русский рабочий и крестьянин штурм капиталистически-помещичьей колонизаторской монархии.

Активные стачечные выступления рабочих начинаются (в Ташкенте) с февраля, охватывая не только железнодорожников—застрельщиков движения—но и рабочих трамвая, типографий, приказчиков. Стачка железнодорожников, поднимаясь после перерывов с новой силой, принимает широкий, краевой масштаб, присоединяясь осенью к Всероссийской. Еще весной перебрасываясь в казармы, движение спадает только во второй половине 1906 г. (если не считать продолжающегося и позднее эс-эровского террора).

Отличительные черты событий 1905 г. в Туркестане, поскольку они охватили европейскую часть населения:

1. Энергичные выступления воинских частей. Заброшен-

ные за тысячи верст от родины в непривычные и трудные условия, рассыпанные по краю небольшими отрядами при слабой связи между ними и центром, солдаты (особенно саперные и ж.-д. батальоны) были очень податливы на революционную пропаганду, несмотря на сугубо-жестокую расправу, которая ожидала их почти неминуемо.

2. Намечающийся уже в то время союз между солдатами и рабочими (последние, конечно, представляли основную и активнейшую часть движения); зачастую выступления солдат имели непосредственной задачей поддержку рабочих выступлений. Этой замаскированной форме рабоче-крестьянского союза предстояло развернуться в 1917 г.

3. Преобладающая деятельность эс-эровских организаций. Среди социал-демократии количественно преобладали меньшевики, компрометируя своим оппортунизмом социал-демократическую организацию в целом в глазах революционно настроенных рабочих; это было одной из причин отхода рабочих к эс-эрам, развивавшим практику террора и экспроприаций. Если судить по воспоминаниям участников, то заметно, что наиболее яркий след в памяти оставила за этот период именно бунтарская деятельность эс-эров; большевики (фракции социал-демократической партии появились в конце 1905 г.) насчитывались единицами, охватить влиянием и повести за собой массу не могли, но рыли глубже, бросая в сознание масс семена, которым предстояло взойти в 17-м году.

Либеральное движение в Туркестане этих годов, за отсутствием многочисленной и сколоченной буржуазии соответствующего типа, проходит бледно, стушевываясь даже в крупнейших центрах края (Ташкент, Коканд) перед более левыми, мелко буржуазными по существу течениями (меньшевики, с-р*)).

Правительство и массы событиями 1905 г. оказались резче противопоставлены, чем в центральной России, где именно массивное, выросшее за много десятилетий, мещанско-буржуазное средостение ослабило, частично парализовало удар. Но к 1908 г. правительственные репрессии и в Туркестане загоняют движение глубоко внутрь.

Если кадетствующая буржуазия не сумела (или не успела) проявить себя, как значительная сила среди европейской части населения Туркестана, то среди местного населения 1905 год вызывает в жизни некое пособие российского либерализма. Мы подразумеваем интеллигентско-культурническое течение, только позже принявшее политический оттенок,—джадидизм.

О классовой характеристике джадидизма идут споры. Наи-

*) Показательно, что депутатом от Ташкента во II Гос. Думу прошел В. Наливкин, либерал-народник по духу, но открыто заявивший о своих социал-демократических убеждениях. Оппозиция царизму на далекой окраине явно приняла более резкий и решительный характер, левые течения играли явно доминирующую роль.

более правильней нам представляется определение, данное Г. Туркестанским*): джадиды—идеологи общественной группировки, защищавшей нарождавшиеся отношения промышленного капитализма. Отсюда их оппозиционность по отношению к царизму, обективно подготовлявшему почву для промышленности, но «расчищавшего» эту почву настолько основательно, что иные за деревьями не видели леса. Отсюда и нерешительность, трусливый характер джадидской оппозиции: вне связи с европейским капиталом они не мыслили возможности капиталистического развития края, в какие бы формы не вылилось это развитие.

Можно, однако, считать установленным, что трудовые низы населения остались почти не затронуты пропагандой джадидов. Не имея под собой твердой исторической почвы (см. гл. III), джадиды именно культурнически-ограниченным характером своих требований подрывали возможность завоевать в массах авторитет. Издаваемую в Ташкенте (1906 г.) джадидскую газету «Тараккы», только В. Наливкин, определявший социализм, как «общественность», никому не угрожающую и не для кого не страшную,—смог назвать «социалистической»**). Но представляет громадный интерес упоминание того же Наливкина, что эта газета была правительством закрыта по настоянию баев, казиев и представителей туземной администрации. Это показатель борьбы, которую предстояло вести либералам-джадидам, с одной стороны, и реакционной, торгово-ростовщической почти поголовно, местной буржуазии в союзе с духовенством, с другой. Массы остались под влиянием своих непосредственных угнетателей, место которых не отказалась бы занять намечающаяся группировка, возглавляемая джаджидами.

Движение масс коренного населения в 1905 г. активно не проявилось.

Е. Федоров тщательно подобрал материал, характеризующий движение 1905 г., поскольку в нем принимало участие коренное население Туркестана***), но он выпускает очень важный момент в своем исследовании, именно, кто же представлял силу, непосредственно будирующую и организующую подспудное брожение масс? По некоторым данным эту силу представляло преимущественно низшее духовенство; эксплоатируя духовную темноту масс, ишаны, муллы, ходжи видели, как неизбежно сжимаются источники их доходов; религиозно-националистический фанатизм был прозрачной оболочкой, сквозь которую явным для всех, но отнюдь не компромети-

*) «Кто такие были джадиды», изд. САКУ. Отдельные путные замечания в этой брошюре перемешаны с изрядным количеством путанницы, сдобренной наезднически-«полемическим» тоном.

**) «Туркестанские Ведомости». Май 1917 г.

***) «1905 г. и коренное население». Журн. «Новый Восток», 1925 г., № 10-11.

рующим образом выступало стремление: сбросить гнет иноземцев-поработителей, обрекающих на муки обнищания и голода и «паству» и «пастырей».

Не принявшее широкого размаха движение угрожало в тенденции ударить не только по самодержавию, но и по всей массе российского пришлого населения. Здесь играли роль:

1) панисламистские настроения;

2) двойственная позиция, занятая большинством «квалифицированных» идеологов движения—высшим духовенством, которое успело тесно связаться с военно-бюрократическим аппаратом и не решалось направлять удары непосредственно против его;

3) колонизаторские навыки, привитые всей системой царского воспитания европейскому населению;

4) зачастую прямо колонизаторская (эс-эры), а в лучшем случае пассивно безразличная (меньшевики) тактика даже более левых и более «революционных» партий европейской части населения*).

Во время октябрьско-ноябрьской железно-дорожной забастовки «киргизы проявляют заметное недовольство приостановкой товарного движения» (официальное сообщение местных властей военному министру), так что создалась даже угроза «неприязненных действий против всего русского населения». Правда, киргиз, видимо, подстрекали волостные управители и кулацко-манапские элементы (а, может быть, и участковые пристава, предполагает т. Федоров); напрашивается предположение о некоей «классовой солидарности» между царистским аппаратом и туземной администрацией, выступающими совместно против бастующих железно-дорожников; но остается фактом таившееся в массах ожесточение против русских вообще и, во всяком случае, налицо полное непонимание классового движения русских рабочих.

Такой же классово-недифференцированный (в смысле руководства) и классово-неоформленный (в смысле задач) характер носил движение и в других районах Туркестана в 1905 г., хотя кое-где, по донесениям правительственной агентуры, дело доходило до массовой нелегальной скупки оружия.

1916 г. После революционных потрясений с новой силой приливает капитал в Ср. Азию. С новой энергией ведет и переселенческую политику правительство, стремясь за счет киргиз и частично узбеков и туркмен смягчить земельный голод России и гарантировать себя от новой вспышки аграрных волнений.

И то, и другое приводит к хроническому обострению положения масс, вкратце охарактеризованного выше (гл. III).

---

*) См. там же, стр. 41, 39.

Урок 1905 г. тоже не прошел бесследно—недаром правительство и его ставленники неоднократно выражали тогда тревогу, что «забастовки и революционеры» подорвут авторитет власти и подготовят восстание (например, телеграмма Витте Туркестанскому генерал-губернатору). Горючий материал скапливается вплоть до 1916 г., готовый воспламениться от первого толчка.

Война приносит дополнительные бедствия трудовым слоям: наряду с ростом общей дороговизны, жестокую нормировку цен на хлопок, мобилизацию лошадей, беспощадные поборы под флагом «добровольных пожертвований»; ударило и стихийное бедствие—неурожай хлебов вследствие засухи.

В массах значительно усиливается пропаганда панисламизма; официальные правительственные донесения констатируют, что паломничество в Мекку принимает массовый характер; мусульманское население не имеет никаких оснований желать победы «белому царю» и его «доблестному воинству», наряду с этим имеет ряд оснований желать успеха Турции, причем за симпатиями расового и религиозного порядка прозрачно скрывается надежда освободиться от колонизаторского гнета; помимо интенсивной переписки отдельные представители туземной буржуазии пересылают в Турцию значительные суммы денег, организуя на действительно-добровольных началах сборы среди населения.

В июне 1916 г. последовало «Высочайшее повеление о реквизиции инородцев Империи на тыловые военные-работы действующей армии».

Движение началось еще до опубликования приказа по краю о разверстке призываемых, что говорит о напряженном политическом внимании и настороженности масс, вопреки ходячему представлению о их забитости и политическом безразличии*).

Население, уступая грубой силе, давало себя грабить законными и незаконными способами, выносило д в о й н о й грабеж во время войны; но решительно отказалось дать фронту человеческую силу.

Это было восстание и против русской буржуазии, эксплоатирующей край,—и против империалистской, воинствующей политики русской буржуазии; против русских помещиков, заполнявших край пореселенцами, чтобы отвести от своей шеи топор мужицкого восстания,—и против русского крестьянина, на приволье окулачившегося и усвоившего почти помещичьи замашки в завоеванном крае (в Семиречьи); против царского режима и режима опричников и держиморд,—и против безстенчивой национальной политики царизма, рассчитывавшего

*) См. замечания Шестакова во II томе «Историка-Марксиста»: «Восстание в Ср. Азии в 1916 г.».

в Ср. Азии найти резервы пушечного мяса, чтобы ими заткнуть дымящиеся пробоины на западном фронте. Наконец, восстание имело и непосредственно-экономические мотивы: проведение призыва приходилось на месяцы полевой страды, и отрыв наиболее трудоспособной части населения обрекал на полное разорение десятки тысяч хозяйств.

Охватившее почти всю Среднюю Азию, унесшее десятки тысяч жизней туземцев и тысячи жертв пришлых европейцев (пострадала не столько армия, сколько гражданское население),—восстание было классовым по основным участвовавшим в нем силам. В хлопковых районах таковыми были—кишлачная беднота, батрачество, отдельные группы наемных рабочих; в Киргизии движение приняло резко-аграрный характер. Участие (а иногда и руководящее участие) феодально-реакционных групп, насыщавших борьбу масс националистическими и исламистскими лозунгами, не противоречат основной характеристике движения, как демократического, низового по существу. В 1913 г. Ленин пишет о «демократическом движении» в голландских колониях, в частности, на острове Яве, «носителями» которого «являются народные массы, среди которых пробудилось националистическое движение под знаменем ислама».*) Этот особо резко выраженный демократически-классовый характер восстания особенно подчеркнут ролью, занятой в нем туземной буржуазией и буржуазной интеллигенцией. Эти слои вели в основном тактику «нейтралитета», вначале движения, отклонявшегося в сторону поддержки его (движения), а под конец в сторону прямого пособничества карательным операциям власти.

Та же картина, примерно, как в России 1905 г.: буржуазия терроризована размахом движения низов; буржуазия вступает в союз с заграничной реакцией (заем во Франции 1905 г.). Напоминаем еще раз, что колонизаторский царизм представлял «сторожевого пса империализма на Востоке Европы», «агентуру западного империализма» (Сталин), представлял своего рода колонию капиталистической Европы.

Но аналогия с 1905 г. этим и исчерпывается. Если активнейшей частью движения в 1905 г. (мы говорим о России в целом) был пролетариат, и движение в силу этого было интернационально, охватило все национальные лоскутья, из которых была сшита мантия самодержца, вызвало могучий рефлекс в сопредельных и даже в отдаленных странах, то революция 1916 г. в Туркестане носила—в порядке классовой ее характеристики—преимущественно крестьянский характер, во-первых, была национальной по охвату и по значению, во-вторых. А произойдя в тех условиях, когда во всей России еще не развернулась всерьез буржуазно-демократическая рево-

*) XIX т., стр. 25.

люция (ей предстояло развернуться в 1917 г., тут же перерастая в следующую стадию*)), в условиях тщательно культивируемой отчужденности и розни между великороссами и «инородцами»,—события 1916 г., как и 1905 г., в Туркестане не успели привести к интернациональному союзу трудящихся против эксплоататоров, напротив того—антирусское возбуждение туземцев вызвало частичный отпор со стороны русских, не только крестьян, но и рабочих. Междунациональная щель как бы расширилась, в сознании русских крестьян и рабочих как бы выросли элементы контр-революционного (потому что колонизаторского) национализма. Но мы говорим «как бы», потому что дальнейшие события 17 г. показали всю иллюзорность попыток самодержавия и вообще реакционных сил создать себе надежную опору, играя на национальной розне и недоверии. Здоровый классовый инстинкт масс плюс интернационалистская линия революционных марксистов взяли свое—в обстановке всероссийского революционного переворота.

Подытоживая, мы видим, что сравнение 16 года в его значении для Туркестана—с 1905 г. в его значении для России не выдерживает критики. Достаточно напомнить еще раз:

1) о национальном и преимущественно-аграрно-крестьянском характере движения 1916 г.;

2) о полном его поражении. Царизм, разгромив повстанцев, полностью добился цели, забрав в тыловые дружины до 120 т. чел. А революция 1905 г. кое-какие, хотя и очень ограниченные, в роде куцой конституции, прямые результаты все же имела;

3) Туркестан уже успел пережить свой 1905 г. одновременно с Россией, хотя пережить и в своеобразных формах.

Прецедентов и аналогий революции 1916 г. можно искать только в истории колониальных же стран Востока.

Историческое значение 1916 г. сводится к следующему:

1) психологическая подготовка масс коренного населения к свержению самодержавия (к февралю);

2) начавшееся выявление той двойственной роли, которую играет буржуазия и буржуазная интеллигенция (местная) в освободительном движении и подготовка масс к борьбе с этими элементами, которой предстояло развернуться в иной обстановке;

3) наметившаяся вчерне общая расстановка и соотношение сил в местном населении накануне решительных событий 1917 г.

*) См. Ленина «Четыре года советской власти» (т. XVIII).

V. 1917-й год.

Первый этап.

Распад связей экономического организма Российской Империи, надорванного военным перенапряжением сил, особенно чувствительно отразился на высоко-товарном колониальном хозяйстве Туркестана. Туркестан—производитель хлопка—в значительной степени питался русским хлебом, промышленные фабрикаты получал исключительно из метрополии. Уменьшение производства хлебных продуктов в сельско-хозяйственных районах России, вследствие из'ятия основных кадров производителей, сжатие производства фабрикатов широкого потребления (ввиду необходимости обслуживания огромной армии), расстройство и загруженность транспорта военными перевозками,—все это обусловило в Туркестане острый недостаток самых жизненных, самых необходимых продуктов и резкое спекулятивное поднятие цен на них. (Для борьбы с дороговизной и спекуляцией в Ташкенте в конце 1916 г. создается Городской Продовольственный Комитет).

Уже в конце 1915 и в начале 1916 г. в отдаленных от железной дороги кишлаках дехканин мог лишь с большим трудом и по чрезвычайно высоким ценам достать муку, сахар, мануфактуру и т. д.

В городах растут хвосты. Цены на товары поднимаются в 3—4 раза. Все это резко било по наемным рабочим и служилому элементу—заработная плата их оставалась почти неизменной. В марте 1916 г. в Ташкенте, в Андижане и др. городах происходят базарные беспорядки, погромы лавок, с живейшим участием женщин, так называемые «бабьи бунты». Расцветает пышным цветом спекулятивная вакханалия, оргии рыцарей легкой наживы на глазах у полуголодных масс, и сами продовольственные комитеты из орудия борьбы со спекуляцией превращаются в источник легкой наживы их деятелей. Спекулянты, бросая деньгами, «сращиваются» с аппаратом власти. Взяточничество, рвачество в'едаются все глубже в систему колониального режима, разжигая недовольство и гнев масс, в первую очередь, рабочих.

Вот как характеризует Д. Манжара в своих воспоминаниях настроение рабочих Бородинских (ныне Первомайских) железно-дорожных мастерских в Ташкенте в тот период.—«Еще до переворота началось недовольство среди рабочих, среди служащих на почве продовольственных затруднений. Отсутствова-

ла только партийная организация, которая могла бы недовольство соответствующим образом сконцентрировать и дать ему организационное направление. Из всего было видно, что у рабочей массы настолько уже накипело, что нужен был только сигнал для того, чтобы произвести выступление».

Не в лучшем положении находились и дехкане-хлопкоробы. Цены на хлеб, на фабрикаты, на руки сезонных рабочих, которыми хлопкороб в момент окучки хлопка должен пользоваться, неумолимо росли, нормированные же цены на хлопок, установленные правительством в угоду текстильным фабрикантам, далеко отставали. К наместникам края от хлопкоробов поступало много заявлений, рисовавших разорительность нормировки цен на хлопок для дехкан. Вот одно из них, представленное в 1916 г. от лица 117 арендаторов хлопкоробов:—«Не только мы, туземцы, но и русские поселенцы, привозящие хлопок на Голодностепский базар, положительно возмущены несправедливой нормировкой, не могущей покрыть затраты на производство. Настроение русских граничит с открытым возмущением, что может повлечь за собой нежелательные неприятности. Вся жизнь вздорожала, между тем, как цены на хлопок остались почти прежними, что крайне несправедливо, в угоду фабрикантам, продающим ситец вместо 12 коп. аршин по 30 коп. и дороже*)» (характерна дипломатическая ссылка на возмущенных р у с с к и х поселенцев).

Местное трудовое население Туркестана, терроризованное кровавым разгромом восстания 1916 г., зажатое в тиски военной диктатуры, глубоко затаило ненависть к колониальным угнетателям и все свои надежды связывало с крушением царской власти (хотя бы в порядке военного поражения царизма и отхода Туркестана от России).

Европейская буржуазия и демократическая интеллигенция, как и в остальных частях империи, все решительнее вставали в оппозицию к царскому строю, не справлявшемуся ни с войной, ни с внутренними затруднениями

В такой обстановке застает Туркестан февральская революция. Телеграммы из России колониальная администрация скрывает от населения. Генерал-губернатор Куропаткин выжидает. Для него еще неясно на чьей стороне перевес сил. Колониальная верхушка царского аппарата, в случае затяжки борьбы в центре, в случае, если бы царское правительство сумело мобилизовать внушительные силы, постаралась бы превратить Туркестан в одну из баз монархической контр-революции. Однако, почва под ногами туркестанских властей начинает дрожать. Население, лишенное точной информации о событиях, пользуется частными туманными слухами и только 1-го марта

*) Из материалов Цуардела.

в Ташкенте с железно-дорожного и правительственного телеграфа служащие передают о полученных сообщениях.

Насыщенное недовольство всех слоев общества царским строем разрядилось в восторженных митингах, манифестациях, в которых принимали участие и рабочие, и солдаты, и мелко-буржуазная демократия и либеральная буржуазия. Улицы города покрылись ликующими толпами народа.

На следующий день (2-го марта) рабочие жел. дор. мастерских бросают работу и избирают Совет Рабочих Депутатов.

На вечер в Городской Думе назначается собрание представителей всех общественных организаций. Встает вопрос о власти. Для всех ясно, что надо создать новую власть. Однако, руководители либеральной буржуазии из городской думы и адвокатского сословия предварительно идут испросить разрешения на сей счет у генерал-губернатора. Вместе с ними идут и представители рабочих (меньшевики). Куропаткин принял делегацию, информировал о событиях, не возражал против организации общественности, предупредил насчет предотвращения возможных беспорядков, начальнически пожурил рабочих за оставление ими работ «в столь трудные дни», обещал снять политическую цензуру с телеграфа.

В Ташкенте организуется Временный Комитет общественных организаций, который «должен ведать всей общественной, политической и экономической жизнью города».

Весть о революции проникает во все города Туркестана. 4-го марта во всех газетах публикуются телеграммы, об отречении Николая и Михаила от престола, о создании Временного Правительства и приказ Куропаткина о подчинении Временному Правительству, как «законному правительству», возникшему «по почину Государственной Думы» и с санкции императора.

10-го марта по всем городам и крупным поселениям Туркестана по официальному предложению генерал-губернатора происходят благодарственные молебны, парады войск и присяга Временному Правительству. Подчиненный военному министерству край принимал революцию со всем казенным благолепием.

Бюрократический аппарат, честно служивший помещичье-буржуазной монархии, переходит на службу буржуазии.

Либеральная буржуазия стремится к сохранению этого аппарата. Она не решается ломать его, боясь потерять свое руководство и влияние над массами. Эта боязнь замаскированно проявляется в усиленной кампании «за спокойствие и порядок». Муссируются панические настроения. О беспорядках усиленно говорит Куропаткин. Данная Куропаткиным тема развивается цензовиками, как глубокомысленная политическая платформа,—«да здравствует революция, долой беспорядки».

Правда, вопрос ставится весьма отвлеченно и туманно; какие беспорядки, со стороны каких слоев общества,—об этом по большей части никто не говорит. В подоплеке этой кампании лежит чрезвычайно конкретная установка на установление твердой генеральско-буржуазной власти, на усечение развертывающегося движения народных низов.

9-го марта андижанская газета «Туркестанский Голос» пишет: «Губернатор Иванов усиленно подчеркивает, что русские в крае составляют 2%. Он имел в виду подчеркнуть то обстоятельство, что на туземцев рассчитывать нельзя и что падение режима насилия, произвола должно повести к беспорядкам».

Но «широкая демократия», представлявшая собой конгломерат промышленно-торговой мелкой буржуазии, демократической интеллигенции, рабочих и солдат, возглавляемая в целом мелко-буржуазными демократами,—эс-эрами и меньшевиками, начинает вести борьбу. Под давлением низов об'единенный фронт демократии сначала открывает огонь по полицейски-административному аппарату в городах. Краевая же власть генерал-губернатора Куропаткина, особо ревностно поддержанная кадетствующей буржуазией, не подвергалась особенному обстрелу до тех пор, пока в крупнейших городах, в частности, и в Ташкенте, не укрепилась власть мелко-буржуазной демократии в виде Временных Комитетов (то же: «Комитет Общественной Безопасности», «Исполнительный Комитет Общественных Организаций»), работавших в контакте с Советами Рабочих и Солдатских Депутатов и ими поддерживаемых. Только после этого революционная демократия протягивает руку и к краевой власти.

В первые дни революции основное внимание всех общественных слоев обращено на самоорганизацию. Эта задача заслоняет другие политические вопросы. Рабочие создают Советы. Идет широкая организация профсоюзов. Одиночки, социал-демократы, активные передовики рабочие об'единяются в социал-демократические группы. Создаются Советы Солдатских Депутатов, сначала находившиеся под влиянием офицеров, а затем ушедшие из под офицерского руководства к Советам Рабочих Депутатов. Рабочие и солдатские массы под влиянием мелко-буржуазных социалистов меньшевиков и эс-эров, еще почти не дифференцировавшихся и пользующихся авторитетом по традиции. В то же время организуются и буржуазные группы—кадеты, офицерские союзы и т. д.

Дехканское население узнает о перевороте значительно позднее. Смутным слухам о свержении «белого царя», проникающим в кишлак, сначала боятся верить. Грозный «белый царь»—олицетворение беспощадного гнета в течение десятков лет,—свергнут—массы жадно порываются узнать точно и в полном об'еме о происшедших событиях.

19-го марта ферганская газета печатает следующее обращение от населения кишлаков к гражданам города Скобелева:

«Граждане селений Учкурган, Аунь и др. обращаются к гражданам г. Скобелева с просьбой поделиться с ними сведениями о событиях текущих дней. Лишь смутные сведения доходят до них. Сообщаемые сведения радуют их. Радостные события туземцы желали бы отпраздновать согласно их обычая, устройством, особого «саиля», в кишлаке Актеп, куда и приглашают граждан г. Скобелева».

В газете «Асхабад» описывается, как узнали о революции в туркменских аулах.

«В местечке Иолатань был устроен десятого марта митинг. Выступали ораторами туркмены. Характерна речь одного сарыка*). Он сказал:—«нас покорили русские—хорошо сделали, но царь русский, как только покорил нас, то сделал из нас шашлык и плов... Потом русский царь превратил нас в собак, стал натравливать одних туркмен на других, хотел нас сделать нищими, напустил на нас приставов и волостных. Долой их всех! Пусть будут у нас все новые люди от нового правительства, которого мы должны слушаться и которому мы должны верить...

...Весть о свержении старого правительства быстро разнеслась по всем аулам, и теперь нет юрты, где бы не рассуждали о свершившихся событиях. Конечно, есть запуганные, для которых слово о том, что «ак-падша» отстранен от власти, вызывает страх и замыкает рот. В некоторых юртах нас встречают и сознательно поздравляют с праздником... «Великий боже, неужели это правда? Если да, то я отрекаюсь от своей старой жизни. Я родился снова, я живу только 12-й день,» —говорит нам седой старик, только, что выпущенный из тюрьмы, политический**)...

Многие туркмены жмут нам руки и говорят слова приветствий. Всех старых правителей они в разговоре называют «волки»...

Представитель от туркмен-сарыков обещал, что теперь же он представит список богачей, которые имеют запасы пшеницы, в Мервский Исполнительный Комитет***)».

Власть царя для дехкан как бы символизировала не только правительственную систему угнетения, как таковую, но и все социально-мрачные стороны кишлачно-аульной жизни.

Мы видим из последнего сообщения, что дехкане восприняли переворот в его тенденциях к социальному перево-

---

*) Сарыки—туркменское племя.

**) Очевидно, заключенный в связи с событиями 16 г. и выпущенный после общероссийской амнистии Вр. Правит.

***) Курсив наш. («Асхабад», 28/III—17 г. № 71).

роту. Переход власти в руки буржуазии, понятно, не ставил еще на очередь вопрос об экспроприации богачей. Классовым инстинктом дехканство как бы предчувствовало перерастание революции в следующую стадию.

После первых впечатлений кишлачное население остается в недоумении. Ак-падша сверг ут, а перемен нет никаких. Низовая власть, с которой им непосредственно приходится иметь дело, не поколеблена. Власть проводит старую политику и даже скрывает от кишлачных масс сведения о революции. Только 19-го марта Ферганский военный губернатор обращается к туземному населению с сообщением о перевороте, причем тут же добавляет, что власть в Туркестане остается на своих местах и исполняет распоряжение «обновленного правительства» (обновленного, а не нового).

Отсталое политически, неорганизованное население кишлака все надежды возлагает на город—город должен организовать их, научить и повести под своим руководством к новым порядкам общественного бытия (каким,—это еще не было вполне ясно). Необходимо отметить полное отсутствие каких бы то ни было проявлений национализма, шовинизма, со стороны местного населения—резкий контраст с восстанием 1916 г. Население уже шло к пониманию классового характера колониального угнетения и стремилось перестраивать жизнь совместно с широкими кругами русской демократии, при ее помощи и руководстве.

Но сознательную политическую деятельность среди коренных национальностей стали проявлять, в первую очередь, городские круги интеллигенции и буржуазии, а затем связанная с ними кишлачная байско-ростовщическая верхушка и духовенство.

В старом Ташкенте 7-го марта по инициативе интеллигентов-националов создается Комитет «туземцев». В Фергане в комитеты общественной безопасности вовлекаются отдельные представители национальной интеллигенции и буржуазии. 19-го марта в Андижане проводятся широкие на демократической основе выборы в Комитет общественной безопасности, в выборах участвует население туземного города.

В городах создается общество просветительски-буржуазного характера «Шура-Исламия»*) с задачами «творить свободу согласно с шариатом», об'единившие в начале мелко-буржуазных прогрессистов-джадидов и реакционную буржуазно-байско-поповскую группу.

Национальная буржуазия после переворота берет курс на закрепление политического влияния на массы, имея ввиду затем эксплоатировать их в блоке с капиталистическим правительством «революционной России».

---

*) Совет Исламистов.

Под руководством городской буржуазии байско-кулацкие слои кишлака начинают проявлять политическую инициативу, опираясь на трудовое население кишлака, не желающее старой власти, но не выдвинувшее еще своих людей. Аксакалы*), волостные управители, старая администрация кое-где на местах отстраняются от власти, создаются комитеты, возглавляемые в большинстве случаев теми же баями и духовенством—в новых группах и комбинациях.

Коренная ломка краевого правительственного аппарата Туркестана затянулась на целый месяц окончательно завершилась лишь 30-го марта. Временное правительство не устраняло Куропаткина, верой и правдой послужившего не только империи, но и буржуазному империализму. Рабочие и солдаты, организовавшиеся уже в советы, партии, профсоюзы, решительно требуют довершения Февраля.

Конфликты с Куропаткиным нарастают. Его политику может характеризировать следующее распоряжение: 8-го марта он предлагает создать по городам общественное управление на основе «городского положения 1892 г.», допускающего к участию в самоуправлении только цензовые элементы, крупных собственников. Рабочие и солдаты, мелкая буржуазия эту отрыжку старого режима, конечно, провалили.

В областных городах административные посты переходят к демократическим комитетам. В середине марта под давлением временного комитета общественных организаций уходит в отставку военный губернатор Закаспийской области и его заменяет председатель комитета в качестве областного комиссара. В Фергане 19-го марта областной с'езд Советов Рабочих и Солдатских Депутатов постановляет снять с должности губернатора, «устранить из аппарата представителей старой власти» и избирает нового губернатора (не из членов Совета), переименовавшегося в дальнейшем в областного комиссара.

Старая администрация остается лишь в тех органах, которые не имели непосредственного политического значения,—суд, казенные палаты и т. п. Новая областная власть снимает царских чиновников-администраторов с особо громкой «репутацией» и в уездных городах, где сильного нажима снизу не было, ввиду отсутствия значительных масс рабочих и солдат.

Краевая военно-бюрократическая верхушка виснет в воздухе. Ташкентский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, непосредственно сталкивающийся с краевой властью, первый открывает против нее борьбу.

Мы берем выдержки из отчета Ташк. Совета Рабочих Депутатов по вопросу об отношении Советов к представителям старой власти.

---

*) Старшины.

«Представители Совета Рабочих Депутатов... требовали решительных мер к смене всех представителей старой власти, в частности местного генерал-губернатора Куропаткина и его сподвижников.

Генерал Куропаткин весьма дипломатично делал попытку через головы рабочих показать, что он есть представитель новой власти. С этой целью был вызван по телефону к Куропаткину Председатель Совета Рабочих Депутатов, которому было передано, что он (Куропаткин) желал бы быть принятым в Совет Рабочих Депутатов, но под тем условием, чтобы это было без присутствия солдатских депутатов и посторонней публики. Генералу было заявлено, что Совет Рабочих Депутатов никаких разговоров с ним вести не может, чем было выражено ему полное недоверие. Наряду с этим Совет Рабочих Депутатов подчеркивал необходимость немедленной смены всех полицейских и жандармских чинов, не только в Ташкенте, но и во всем Туркестане.

Несмотря на такую яркую, непримиримую позицию, занятую рабочим классом, старая власть, как военная, так и гражданская, в особенности же Куропаткин, продолжала оставаться на своих насиженных местах и вела двойственную, опасную для дела свободы политику.

...На многочисленных собраниях разных партий, рабочих и солдатских депутатов стали раздаваться грозные голоса о немедленном смещении генерала Куропаткина.

...Надо сказать, что решающий голос в отношении генерала Куропаткина был внесен сначала Советом Солдатских Депутатов».*)

Формальным предлогом для смещения Куропаткина явились тревожные слухи о тайном вооружении населения в целях натравить одну часть населения на другую. Ходили слухи об отправке оружия в Семиречье. Представитель голодностепских крестьян на заседании Совета заявил, что в «Джизаке царит тревога по случаю привоза оружия для русского населения».

Попыткой обострить национальные отношения Куропаткин надеялся восстановить пошатнувшееся равновесие социальных сил,—укрепить свою власть.

Уже на конфликте с Куропаткиным мелко-буржуазная демократия успела показать свою политическую трусость и двой-

---

*) Об «авторитете» Куропаткина в солдатской массе можно судить по следующим эпизодам. Выступая перед солдатами, он «по привычке» вставляет в свою речь: «За веру, царя и отечество!» Генералу приходится извиняться перед возмущенными солдатами. 10-го марта в Троицких лагерях Куропаткин требует от 2-го Сибирского полка (по поводу желания солдат перевести их в Ташкент) подчинения распоряжениям Временного Правительства (т.-е. в данном случае его, Куропаткина, распоряжениям). «Долой, рви погоны!»—кричат ему солдаты в ответ.

ственность. Подталкиваемые рабочими и солдатами, мелкобуржуазные демократы наступали на старую власть. Но атака на Куропаткина—представителя Временного Правительства—казалось им слишком резким шагом вперед.

На об'единенном заседании (30-го марта) Совета Р. и С. Д. совместно с Исполнительным Комитетом общественных организаций и мусульманскими депутатами, депутаты, в том числе меньшевики и эс-эры, возглавлявшие Советы, предлагали к вопросу о Куропаткине подойти осторожнее, не спешить, подождать до полномочного краевого с'езда.

Однако, рабоче-солдатская масса меньшевистского хорошего тона в обращении с царскими генералами признать не желала.

„Вон в Питере сняли голову, а нам здесь осталось только хвостик сковырнуть, да и то говорят «подумайте»"—такую оценку трусости и двурушничества мелкой буржуазии дал выступавший на этом собрании солдат.

Против Куропаткина решительно высказались и представители туземного населения старого города. «Вернемся в город, сказал один из них,—нас спросят—а что теперь в России—свобода?—Свобода.—Свобода... а генерал Куропаткин на месте» (дословно).

Колеблющимся оппортунистам, не решавшимся снять Куропаткина до краевого с'езда, представитель крестьян голодностепского района дал хороший урок по оценке руководящей роли города в политической борьбе, заявив: «как постановят в Ташкенте, так должно быть принято и в других местах».

Куропаткин был снят—рабоче-солдатские массы 30-го марта одержали первую крупную победу.

VI. 17 год. Второй этап.

Первый этап буржуазно-демократической революции, обозначавший организационную ломку аппарата управления в смысле смещения царских ставленников с ответственнейших постов, в Туркестане, можно считать, заканчивается 30 марта когда об'единенное заседание Советов Солдатских и Рабочих депутатов, Ташкентского Исполнительного Комитета, с представительством членов Совета Мусульманских Депутатов и крестьянских союзов Ташкентского Голодностепского районов постановляют отстранить от должности и подвергнуть домашнему аресту генерал-губернатора Куропаткина с его ближайшими сотрудниками.

Всеоб'емлющие прерогативы Куропаткина были поделены: Командующим Войск Округа был выбран комендант города полковник Черкес, гражданская власть передана трем членам Ташкентского Исполнительного Комитета (—«впредь до определения порядка управления края общекраевым С'ездом представителей Временного Правительства, местных гражданских Комитетов и Советов Солдатских и Рабочих Депутатов», —так сообщал на места телеграфом сменивший Куропаткина Черкес).

На местах далеко не всюду смещение Куропаткина было встречено буржуазной демократией с полным одобрением; например, в Фергане эс-эры (правые) были склонны рассматривать это, как акт «самоуправства»; нужно было, дескать, подождать до Краевого С'езда советов несколько напоминает общесоглашательские призывы «дождаться Учредительного Собрания»; боязнь масс, корсерватизм и нерешительность—даже в вопросе о снятии такого прославленного борца за «царя и отечество», каким себя зарекомендовал Куропаткин. Мы приводим этот эпизод, чтобы лишний раз подчеркнуть те передовые позиции в развертывающейся борьбе, которые сумели занять Ташкентские рабочие и солдаты; а им приходилось прислушиваться к голосу края. Проводимая меньшевиками и эсерами линия на торможение событий дает себя чувствовать всюду, следовательно, и в Ташкенте, где руководство советами принадлежит этим же партиям; но в Ташкенте эта линия зачастую сглаживается и стушевывается под напором масс.

Массы и на местах, и в городе и даже в кишлаке начинали жить политической жизнью, чутко прислушиваясь ко всему происходящему, оживленно обсуждая события.

Кишлачное население получило возможность свободно, самостоятельно приняться за урегулирование своих внутренних—районных застарелых вопросов, например о распределении воды. Под давлением трудовой части кишлака кое где снимаются старые арык-аксакалы («Наша Газета» 24 мая 1917 г. сообщает о снятии Ферганским Областным Ирригационным Советом 20 арык-аксакалов; снятие это произошло, конечно, под давлением низов). Между отдельными кишлаками подчас из-за воды разгораются затяжные тяжбы. Главное внимание дехкан было направлено на полевые работы, на заботу о своем хозяйстве, расшатанном войной, восстанием 1916 г. и проведением призыва на тыловые военные работы; но массы кишлака втягиваются и в ту борьбу, которую вели между собой враждующие «партии»—байские и духовные группы.

Расслоение кишлака, несмотря на устойчивость и консерватизм родовых связей за последние годы далеко ушедшее вперед, начинает проявляться в растущей активности не только байской верхушки, но и бедняцко-дехканских масс.

В ряде случаев баям приходится свое влияние покупать дорогой ценой. Так, «в Ходженте один из баев купил в продовольственном комитете вагон муки и роздал ее беднякам, чтобы добиться их расположения. Баи учитывают близкие выборы в Думу, а потому прибегают к приемам, подобным описанному»*).

Наряду с этим в других районах наиболее мощные представители байства устанавливают настоящую диктатуру. Приведем в качестве примера Мир-Камиля, андижанского миллионера, крупного земельного собственника и капиталиста, державшего в кабале целый район**).

Кишлачные массы, не могущие справиться самостоятельно с засилием баев, ищут защиты и поддержки в городе. Но город не представляет единого целого, он раздирается внутренней борьбой. Трудящимся кишлака приходится ориентироваться либо на рабоче-солдатский блок, либо на контр-революционные элементы города. Своим классовым чутьем они тянутся к более близким им рабоче-солдатским организациям.

В Ходжентском уезде отмечается, как общее явление, посылка представителей от Совета Солдатских Депутатов в кишлаки для разрешения многочисленных конфликтов из-за воды,

---

*) Из протокола Краевого Совета от 25-го июня 1917 года.

**) Мир-Камиль создал в лице Андижанского Шура-Исламия реакционный орган, вполне подчиненный его воле, и использовал его для проведения зависимых от него лиц на посты комиссаров. Подготовка к погрому неугодных лиц и ряд дел чисто уголовного порядка при абсолютной безнаказанности Мир-Камиля, от которого фактически зависело все население района,—дополняют характеристику этого сатрапа (по материалам КРАС'а).

при чем не по инициативе Советов, а по настоятельным запросам из кишлаков. «Перед выборами в волостные комитеты туземцы (Ходжентского уезда) всегда просят прислать депутата Сов. Рабочих и Сол. Депутатов для организации выборов, и Совет идет навстречу. Но все же в большинстве комитеты состоят из баев. Засилье последних велико».

«В Джизакском уезде в волостных комитетах также преобладают баи, так как участковых комиссаров нет, и население без помощи не в состоянии организоваться. Совет Солдатских Депутатов пользуется доверием мусульман, но не имеет достаточно людей для посылки в уезд»*).

Факты, подобные изложенным выше, наблюдаются и в Ташкентском уезде. (7/V 17 г. Ташкентский Совет Р. Д. постановляет: «выбрать комиссию для поездки в Ташкентский уезд по просьбе мусульман для организации и выборов»), и в Фергане, и в др. районах.

Как мы видели, представители организованных рабочих и солдат довольно редко появлялись в кишлаке. Сил для посылки на работу в кишлак не хватало. Политическая активность передового слоя рабочих и солдат шла своими путями.

Приведем текстуально еще один любопытный документ.

Телеграмма из Пишпека (Киргизия): «Нашем уезде развито манапство. Лица, желающие хранить манапство и иметь власть, а также буржуазия заняли видные места, оказывают двоевластие. Несмотря на свободы и равенство, нас держат прежнем угнетенном положении. Нет лиц, защищающих наши интересы и знающих наше положение. По приезде из Ташкента депутатов под председательством Колмакова мы стали чувствовать немного лучше и свободнее, так как последние, выезжая по организации волостей, поняли, в чем дело и стали защищать наши интересы. Этим они вызвали против себя буржуазов, манапов, анархистов (вероятно, монархистов), которые, донося ложное на Колмакова, арестовали последнего безвинно. В виду вышеизложенного слезно просим оставить здесь Колмакова до окончания организации уезда, как более справедливо чувствующего положение пролетариев; а иначе наше положение безвыходное. Доверенный шести волостей Кодебаев и защитник союза «Фукара» (беднота) Оторбаев.

Несмотря на всю наивность стиля, в этих словах чувствуется пробуждающийся здоровый классовый инстинкт. Актуальной помощи дехканству низовые Советы, несмотря на то что меньшевистко-эс-эровское руководство на местах испытывало более непосредственное давление рабоче-солдатских масс, не всегда умеют и могут оказать. Краевой же Совет в вопросе национальных взаимоотношений, как общее правило, держит равнение на политику правительства Керенского (напр., запрещение отдельных организаций солдат-мусульман, проведение организационной и агитационной работы среди местного населения почти исключительно через буржуазные группы—Шура-Исламия).

*) Выдержки из протоколов Краевого Совета.

Политическая восприимчивость и любознательность дехкан не успела еще принять активно-революционных форм. Массы медленно раскачивались к участию в самоорганизации и строительстве.

Дополнительным тормозом для активизации дехкан и действенного вовлечения их в революционную борьбу европейцев была тройная рутина правительственно-административного аппарата в колонии, где диктатура самодержавия носила особо жесткий, военный характер, а коренные массы кровавыми уроками подавленных восстаний были приучены к повиновению и пассивности.

Чтобы закончить с характеристикой пживавших себя остатков старого правительственного аппарата укажем на одну существенную его черту. Колониальная власть была тесно связана с верхушками европейской (а отчасти и местной) крупной буржузии. Отсюда и указанная нами, как характерная, слабость русского «либерализма» в 1905 году. Отсюда и консервативная сила (проявившаяся кое-где на местах в 1917 году) старого аппарата, около которого окопались колонизаторские (не в психологическом, а в настоящем экономическом понимании этого слова) элементы.

Вообще внутреннее размежевание среди европейской части буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции приняло здесь резкие формы. Наследственные бюрократы, карьеристы, рвачи и гешефтмахеры (а такие, пожалуй, представляли большинство) скатились вправо при первых признаках безостановочного революционного сдвига масс; правда, политическая реакционность этих элементов была прямо пропорциональна их политической трусости. Обывательская интеллигенция укрылась за щитом политического индиферентизма. Отдельные же элементы буржуазии и особенно интеллигенции, игравшей в либерализм, «лево»-настроенное крыло интеллигенции отталкивалось влево же (к началу революции и в первые ее дни) под впечатлением обнаженно-классовой и обнаженно-жестокой политики правительства, проявлявшего себя в колониальных окраинах, как черносотенно-реакционная сила,—даже в сравнительно спокойные периоды (пробным камнем в создании этих левых настроений «хронически» служил национальный момент). Туркестан (до 1905 года) служил для царизма одним из «мест не столь отдаленных»—ссыльные элементы тоже сыграли здесь некоторую роль. Мы видим ряд таких оригинальных фигур, как великий князь Николай Константинович (оригинал и самодур большой руки, судя по рассказам, но тоже «ссыльный», приобрел большую популярность среди мелкой буржуазии своей бескорыстно филантропической деятельностью) или вице-губернатор Наливкин, о коем мы уже упоминали выше. Конечно, велико-княжеского или вице-губернаторского «демократизма» не могло хватить, что-

бы докатиться до активного участия в работе социалистических партий. Не такие «сановные», с более скромным положением в обществе люди—«докатывались». Благодаря своему культурному багажу и умению владеть речью, они, случалось, занимали руководящее положение—массы требовали руководства. Процесс, характерный для Германии 80-90 годов, когда под впечатлением реакционной политики правительства в ряды социал-демократии нахлынула мелко-буржуазная интеллигенция, заражая рабочую массу свойственным ей оппортунизмом,—этот процесс своеобразно повторился в России до 17-го и в 17-ом году, а в особо отчетливых формах, может быть, именно в Туркестане, где городская мелкая буржуазия как бы «замещала» отсутствующее, как революционная сила, крестьянство (другим и более активно «замещающим» элементом были воинские части). «Гигантская мелко-буржуазная волна», захлестнувшая, по словам Ленина (апрель 1917 г.) «очень широкие круги рабочих мелко-буржуазными взглядами на политику», была, может быть, выше в Туркестане, чем в центральной России. Но затопить классовое чутье, обмануть и свести на нет революционное требование масс она не смогла. Большевизация советов шла за большевизацией масс. Большевизация советов м е д л е н н е е шла за большевизацией масс, чем это было в центральной России.

Манжара в своих воспоминаниях утверждает, что уже в марте и начале апреля «рабочая часть была настроена революционно и готова была пойти, на что бы ее ни повели». На массу действовали особенно возбуждающе обостренное продовольственное положение и растущая спекулятивная горячка (справиться с которой были бессильны «власти»).

В армейских частях уже начала разлагаться старая дисциплина.

В дальнейшем близость с рабочими была важным фактором в революционизировании солдат и р е ш а ю щ и м фактором в сосредоточении реальной силы в Ташкенте ко времени переворота.

Однако, на Краевом С'езде представителей Советов Солдатских и Рабочих Депутатов большевистски настроенные элементы еще отсутствовали.

Этот С'езд открывается 7 апреля и совпадает с прибытием в Ташкент назначенного Временным Правительством Туркестанского Комитета с кадетом Щепкиным во главе.

Основные вопросы этого с'езда?—те же вопросы, которыми жила вся революционная Россия: вопросы власти, войны, и экономического развала страны.

Отдельные делегаты сумели прямиком подойти к последнему вопросу: «какие меры необходимо принять против спекулянтов?». Но с'езд передал этот вопрос в комиссию.

По отношению к войне с'езд заявил: «война должна быть доведена до полного сокрушения германского милитаризма в

полном согласии с союзниками», причем далее следуют обычные оговорки о свободе самоопределения для всех народов, о том, чтобы проливы были международными и т. д.

По отношению к Временному Правительству с'езд принял сдержанную резолюцию о поддержке его «доколе оно идет по пути исполнения принятых на себя обязательств».

Мы видим здесь типичную позицию оборончества и соглашательства. Но если мы утверждаем, что щель между массами и советами обозначалась в Ташкенте уже для этого периода резче и шире, чем в России,—мы этим хотим указать лишь тенденции более быстрого левения масс, а не на более правую, сравнительно с Россией, позицию советов. Революционизирование масс находит себе об'яснение не только в кризисе хозяйства (подчеркиваем, он особенно сильно чувствовался в Туркестане, жившем привозным хлебом), но и в том, что массы начинали уже чувствовать, что они представляют собой непреодолимую силу в этом крае—ведь, позже, в сентябре, власть, перешла к советам совершенно безболезненно и Временному Правительству пришлось для ликвидации переворота высылать карательные части «из центра». Соглашательская линия Краевого С'езда целиком соответствовала линии центральных российских советов.

В течение всего лета 17 года советы в России не могли ничего сделать для установления фактического контроля над фабрикантами и спекулирующей буржуазией (в Ташкенте в этом смысле, как увидим выше, кое что было сделано). Ленин писал уже в июле: «Голод опять надвигается. Все видят, что капиталисты и богатые бессовестно обманывают казну на военных поставках (война стоит теперь народу 50 милл. рублей ежедневно), наживают неслыханные прибыли на высоких ценах, а для серьезного учета производства продуктов и распределения их рабочими ровно ничего не сделано».

Устами своего председателя Чхеидзе заявило как бы большинство Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов о своем «благожелательном контроле» над Временным Правительством.

Ленин имел в виду о б щ е - р о с с и й с к и й м а с ш т а б, устанавливая, что в «пункте» революционного оборончества «массы иначе поддаются, чем вожди, и и н а ч е, иным ходом развития, иным способом высвобождаются» (XIV том, ч. 1, стр. 44). И несмотря на слабость, почти отсутствие большевистского руководства, несмотря на туркестанскую обстановку, в которой, может быть, особенно сильно чувствовалось «подлое развращение великорусского народа царизмом, приучавшим видеть в других народах нечто низшее, нечто «по праву» принадлежащее Великороссии» (Ленин),—несмотря на все это рабоче-солдатские массы стихийно поднимаются до идей интернациона-

лизма и солидарной борьбы трудящихся всех наций против буржуазии всех наций.

Но необходимо оговориться: вопросы международного положения, большой политики, включая даже злободневнейший вопрос о войне,—ещенестояли в центре внимания масс. Громадная отдаленность фронтовой полосы и освобождения туркестанцев (включая европейцев) от военной службы за первый период войны, в связи с этим отсутствие европейцев—солдат, демобилизованных и дезертирующих—все это стушевывало вопрос о войне перед актуальнейшей и важнейшей задачей—самоорганизации масс. А эта задача при ее успешном решении, в условиях края, включала задачу борьбы за власть, как и показали дальнейшие события.

Если в городах центральной России «война за мир» непосредственно была связана с борьбой против империалистического правительства, и удар по милюковскому империализму одновременно означал удар по Милюкову, как министру (отставка его 27 апреля), то здесь, на окраине, эта связь чувствовалась слабее и вопрос о войне с большей наглядностью занял положение подчиненное—подчиненное «коренному вопросу революции—вопросу о власти» (Ленин).

Инстинктивная, стихийно сложившаяся политическая установка масс полностью соответствовала сознательной, продуманной, взятой из расширенного и обобщенного опыта массовой борьбы, установке Ленина: «нельзя выскочить из империалистской войны, нельзя добиться демократического, не насильнического, мира без свержения власти капитала, без перехода государственной власти к другому классу, пролетариату» *).

«Большинству не ясно их (советов) классовое значение, их роль в русской революции» (там же), но «долго продержаться такой «переплет» (двоевластие) не в состоянии», «двух властей в государстве быть не может», и «одна из них должна сойти на нет», «вся буржуазия российская уже работает изо всех сил, всяческими способами, повсюду над устранением и обессилением, сведением на нет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, над созданием единовластия буржуазии. **).

В Туркестане, как уже видно из предыдущего, реакционные потуги буржуазии без помощи извне не были опасны; а стихийная тяга масс к самоорганизации в условиях крайней слабости буржуазии уже сама по себе об'ективно означала тягу к утверждению единовластия советов.

В апреле мы уже имеем вполне конституировавшуюся систему советов солдатских и рабочих депутатов (обращаем внимание на этот порядок—сначала «солдатских», а потом «рабо-

---

*) Том XIV, часть 1, стр. 46.
**) Там же, стр. 41.

чих»; это не случайная обмолвка, а постоянное обозначение для того времени, оно характерно передает значительный удельный вес солдатских Советов в общей советской системе). Она возглавлялась Краевым Советом, оппортунистически-меньшевистским по составу и по принятой в ряде вопросов линии. (Ближе стоявшие к массам городские советы, особенно Ташкентский, реагировали на ее запросы быстрее и энергичнее). Нужно заметить, кроме того, что в ряде моментов КРАС (Краевой Совет) маскирует отсутствие революционной линии... отказом от всякой самостоятельной линии. Вот выдержки из типичных протоколов заседаний КРАС'а (за апрель и начало мая).

Самаркандский Совет Солдатских Депутатов, видимо, с'агитированный офицерством, «просит принять самые решительные меры к устранению дезорганизующей деятельности Ленина и ленинцев». Постановление КРАС'а: ссылка на соответствующую резолюцию Петроградского Совета с оговоркой на счет обязательности проведения «резолюций руководящих органов». Собственного мнения нет, отсутствует и раз'яснение важнейшего политического вопроса.

Некий генерал Акко отказывается подчиниться решению Краевого С'езда о непереброске депутатов Совета без его, Совета, согласия. КРАС постановляет «просить Командущего войсками раз'яснить генералу Акко, как он должен вести себя по отношению к Советам Солдатских Депутатов».

Сообщение «о действиях термезских солдат, а именно: они угрозой погрома заставили Исполнительный Комитет назначить определенные цены и конфисковать товары». Постановление КРАС'а: «препроводить (очевидно, сообщение препроводить) Термезскому Совету с просьбой сообщить о происшедшем» (!)

Краевой Совет—это особенно чувствуется в начале его деятельности—явно плыл по течению, не пытаясь руководить событиями, беспомощно пассивный в обстановке, которая требовала авторитетного и выдержанного руководства в краевом масштабе.

Ташкентский Совет в ряде случаев проявляет более твердую и решительную линию. Он отклоняет представительство (в свой состав) учащихся; требует освобождения женщин, осужденных за выступление против спекуляции в 16 году; организует массы для бойкота правобуржуазной газеты «Туркестанский Курьер», занявшейся дискредитизацией и травлей Белькова, председателя Совета; посылает своих членов в типографию для принудительного снятия с набора одной из статей «Туркестанского Курьера», требует немедленного отстранения назначенных на ответственнейшие должности Тризны (быв. уездный начальник) и Иванова (б. участковый пристав); пытается даже, явно выходя за свою непосредственную «сферу влияния», воздействовать на бухарского эмира, круто распра-

вившегося с представителями младобухарской (либеральной) оппозиции.

Уже 28 марта Советы Солдатских и Рабочих Депутатов соединяются. Верхушка остается прежней, председателем об'единенного Совета становится Бройдо, быв. председатель Совета Солдатских Депутатов. Но и эта меньшевистская верхушка развивает большую работу—под напором вырастающего самосознания масс. К этому же, примерно, моменту прибывают в Ташкент партийные работники (Кобозев, Шумилов), благодаря которым начинается постепенное размежевание внутри социал-демократической организации, отслоение внутри ее революционных большевистских элементов и, правда, в скрытых и сдержанных формах начинается борьба большевиков с меньшевиками за влияние на массу. В большинстве случаев в еще более смягченных и затушеванных формах—этот же процесс происходит и на местах.

Совет Солдатских и Рабочих Депутатов до мая м-ца не сходит с позиции «благожелательного контроля» над деятельностью представленного Туркестанским Комитетом Временного Правительства, не проявляет и особой инициативы по вмешательству в делах—управления городским хозяйством, он старается нащупать политическую линию и наибольшее внимание сосредотачивает на вопросах организационного порядка.

Массы идут за Советом и, правильно определяя его роль, как роль прежде всего политического организатора и руководителя, создают и иные организационные формы для обслуживания своих вырастающих интересов и потребностей. По воспоминаниям Д.Манжары еще 10 марта рабочие обсуждают необходимость организации профсоюзов—«Совет Рабочих Депутатов это одно, а нужна какая то еще организация». И профсоюзы организуются.

Местное население раскачивается, как уже указано выше, медленнее. Чистка старой власти на низах идет не повсеместно. Демократическое руководство (нового города) в кишлаке для этого периода чувствуется очень слабо, и если даже рабочие и солдаты выдвинули консервативно-соглашательское руководящее ядро (как известно, меньшевистско-эсеровское засилие в советах представляло для того периода повсеместное, обще-российское явление), то среди местного населения роль вождей, организаторов в большинстве случаев берут на себя байские элементы и духовенство, т.-е. несомненно—реакционные силы. Несмотря на большую политическую энергию, проявленную в городах национальной буржуазией (т.-е. элементами сравнительно прогрессивными) взаимоотношения между этими основными группами национально-эксплоататорской верхушки представляют настолько значительный интерес, что необходимо остановиться подробнее на их развитии в основных этапах.

7 мая созывается 1-й Туркестанский Мусульманский С'езд Обществ «Шура-Исламия». Исламисты об'единяются в краевом масштабе и избирают Совет, присвоив ему наименование Краевого Совета Мусульманских Депутатов. Узбекские феодально-буржуазные группы, таким образом, претендуют выступать от имени всех туземных наций края.

Туркмены, среди которых капитал не успел произвести глубокой классовой борозды, и племенные родовые отношения распадались медленнее,—не создали еще классовых организаций (туркменские национальные верхи участвовали в обще демократических организациях русских городов представляя собою племена в целом); в среде киргиз-казаков демократическая интеллигенция создала свои организации, создала краевой Совет Киргизских Депутатов, пытаясь представлять собою все казакские и киргизские массы Туркестана: к киргизам в основном можно отнести характеристику, данную нами туркменам с поправкой на отсутствие у них племенных об'единений. Привилегированные верхи узбекского народа, как наиболее классово-дифференцированные (ввиду развития товарных элементов в хозяйстве), теснее связанные с мусульманским миром и культурой Ислама, под лозунгом обще-национального, общемусульманского об'единения народов Туркестана стремятся захватить политическую гегемонию над ними.

Национальная эксплоататорская верхушка, закрепляя свои позиции в кишлаке и в национальной части городов, тянется уже к участию в обще-государственной жизни страны, тихой сапой продвигается кверху, стремясь принять участие в краевых руководящих органах, в разрешении обще-краевых вопросов.

Для достижения этой цели реакционные элементы—крупно-буржуазная, байски-поповская «Улема» и мелко-буржуазная прогрессивная демократическая группа, растворившая в себе джадидов, образует одну организацию.

В течение летних месяцев у Шура Исламия назревает и оформляется раскол. Крупная буржуазия, баи, муллы—«Улема», панически противодействующие активизации масс и всяким демократическим тенденциям и нововведениям, настроены контрреволюционно, ведут политику на зажим масс, стремятся к блоку вправо, со старыми чиновниками, быв. губернаторами и т. д. Прогрессисты добиваются демократических преобразований, приобщения широких слоев населения к общественно-политической жизни, реорганизации школы,—они в основном проявляют национально-освободительные тенденции*) и блоки-

*) Эти тенденции для данного периода в известном смысле запоздали, ибо революция ударила по сознанию масс, как освобождающая сила—в ее устремлении к полному, т.-е. в первую очередь социальному освобождению, что повело к сильному сглаживанию национальных протиpоречий и соответствующих националистических настроений.

руются с меньшевистско-эсеровской демократией, с Советами Рабочих и Солдатских Депутатов; некоторые из них вступают в партию эсеров.

Первые организации трудящихся местного населения создаются лишь в июне-июле, когда «на верхах» уже оформляется раскол.

В Коканде, Самарканде, Ходженте и др. городах создаются «Союзы трудящихся мусульман». Эти организации отличаются пестротой по своему социальному составу. В основном это были об'единения мелко-буржуазных трудовых слоев, и рабочие в них не преобладали*) «В Коканде состоял союз из кустарей—ремесленников, интеллигенции (незначительный процент), учащихся медрессе, мелких торговцев, крестьян (их было очень мало)»**). «Иттифак»***) (в Самарканде) представлял собой Союз ремесленников, кустарей, групп строительных рабочих, кожевников и т. д. В это об'единение входила и мелкая буржуазия, наиболее прогрессивная часть интеллигенции и разная мелкота—торговцы—чайханщики. В Иттифоке была также группа горожан, занимавшихся сельским хозяйством и имевших непосредственные связи с окружающим дехканством****).

Наиболее радикальные представители демократов-прогрессистов, отрывавшиеся от Улемы, стремятся опереться на мелко-буржуазные слои, в том числе и на союзы трудящихся мусульман, и в большинстве случаев добиваются в них возглавляющей роли. Рабочая часть союзов противопоставляет ориентации верхушки на руководство партии эс-эров—тягу к организациям русских рабочих; и там, где налицо сложившиеся большевитские группы, переходят под их влияние. Тенденцию к бойкоту реакционных улемистов можно проследить еще в мае, когда собравшийся в Ташкенте Совет Народных (дехканских) Депутатов отмежевывается, кроме вопросов морально-духовного порядка, от Шура-Исламии, а в вопросах продовольственных выражает доверие т о л ь к о Совету Рабочих и Солдатских Депутатов, связываясь тут же с ним через своих

Национальное движение в Средней Азии впоследствии (в обстановке обще-российской гражданской войны) развернулось в болезненных и уродливых противосоветских формах басмачества. С точки зрения э т о й «перспективы» пропаганда исламистов—17 года была беспочвенной и, так сказать, «преждевременной».

*) Программные требования союзов трудящихся мусульман носят типичный мелко-буржуазный характер. Мы встречаем здесь требования наделения землей безземельных крестьян законодательного ограждения собственности мелких землевладельцев от захватчиков—ростовщиков и т. д. В части политической программа повторяет основные требования, характерные для русских демократических партий (эсеры, меньшевики).

**) Из воспоминаний Юсупова.

***) Иттифак—союз трудящихся.

****) Из воспоминаний Билика.

представителей. Эта тяга дехканского с'езда к рабоче-солдатским Советам проявляется особенно рельефно на фоне очевидного взаимного недоверия между дехканами и местными русскими крестьянами; в июле с'езд делегатов Совета Народных Депутатов вступает в пререкания с местным (Ташкентского уезда) Советом Крестьянских Депутатов по вопросу: какая из этих двух организаций «главнее» и должна растворить в себе другую. Конфликт остался неразрешенным, наглядно показав полную неоправданность претензий русских крестьян на гегемонию.

Союз трудящихся, несмотря на мелко-буржуазный характер программы и руководства, как массовая организация, не мог не столкнуться с контр-революционной Улемой. Обостренные формы это столкновение и принимает в период выборов в городские думы.

10-го сентября во время выборов в городскую думу в старом Самарканде население, выступавшее за список «мусульманской трудовой партии», избивало агитировавших за список № 1—реакционный блок Улемы и домовладельцев.

Однако, в Ташкенте, в решающем политическом испытании—выборы в городскую думу Ташкента (август)—отколовшиеся реакционные элементы (Улема) взяли верх, получив 95% всех избирательных голосов в старом городе, показав этим, что либерально-прогрессистские элементы (типа джадидов) не имеют в массах корней.

Туземные массы шли либо за радикально-революционными лозунгами, либо на буксире за реакционным духовенством и блокирующейся с ним буржуазией полу-феодального типа (влияние Улемы было закреплено традицией и остатками—кое-где еще очень внушительными—патриархально-родового уклада).

Организованного руководства над кишлаком об'единенная соц.-демокр. партия не брала. Так, крайне бледное постановление выносит 2-ой Краевой С'езд РСДРП «по вопросу о работе среди мусульман» (июнь 17 г.) Платонические пожелания о «поддержании оппозиционного, революционно-демократического и культурно-просветительного движения», о «ведении агитации и пропаганды», об «издании партийной литературы на туземных языках» и «способствовании созданию Советов Рабочих Мусульманских Депутатов». Общие слова, которые остались на бумаге. Большевики, судя по материалам с'езда, этой меньшевистско-культурнической линии ничего не смогли противопоставить. Здесь сказывалась не только неясность теоретической установки и ее оппортунистические извращения, но и может быть, черезмерная сложность общего положения в связи с катастрофическим темпом событий; европейцы «варились в собственном соку», ибо этому соку действительно предстояло еще вывариваться и вывариваться—по мере перерастания револю-

ции из стадии буржуазно-демократической—в стадию социалистическую, в стадию пролетарского переворота и захвата власти*).

Однако новые идеи просачивались в массу. Наиболее активными и решительными проводниками их оказались (напрашивается некоторая аналогия с центральной Россией) демобилизованные—те самые, которые, несмотря на восстание, правда, с задержкой на несколько месяцев, были в 16 году взяты царским правительством на тыловые работы и теперь возвращались освобожденные революцией. Вот как описывает Д. Закиров в своих воспоминаниях роль этих демобилизованных для Ходжентского уезда.

«В апреле 17 года на митинге выбирается Совет Рабочих и Солдатских Депутатов. Председателем его оказался торговец, а большинство мест захватили баи, манапы, духовенство, меньшевики и эсеры. В том же месяце возвращаются в Ходжент демобилизованные, получившие уже в России некоторый революционный опыт, и, что называется, крепко подпоясавшись, принимаются за работу. Эти товарищи стремятся к изгнанию засевших у власти элементов. Под руководством этих товарищей ведется горячая работа по созданию общественных организаций и подготовке организации подлинной власти трудящихся».

Было бы поспешно заключать из этих слов о легкой и быстрой победе над «баями и меньшевиками». Борьбе классов предстояло еще пройти не один трудный этап. Пробуждающуюся активность масс «перехватывают» зачастую те же реакционные элементы (духовенство, баи) в иных сочетаниях групп и лиц. Но начатки сознательной классовой самоорганизации местного трудящегося населения можно констатировать с несомненностью. Им не пришлось быстро развернуться в эти же месяцы отчасти из-за условий летнего времени—страдного для дехкан. Политическая жизнь отсюда и концентрировалась почти исключительно в городах.

Начало мая для Ташкента и всего Туркестана отличается новыми и значительными событиями.

Начать с факта, не столь важного, если взять его изолированно, но существенно важного, если его рассматривать в

---

*) Внимание формировавшейся пролетарской общественности не было привлечено с должной энергией даже теми возмутительными актами насилия, которые творили в Семиречьи русские кулаки по своему используя революцию—используя распад старой власти в целях беспардонного грабежа киргиз.

*) Выдержки даем в сокращении.

общей связи, в перспективе под'ема и растущего возбуждения масс: в Самарканде сколоченное ядро большевиков, человек 5—6, отказывается подчиниться постановлению Об'единенной Самаркандской социал-демократ. группы и проводит на митинге 7-го Сибирского полка резолюцию с решительным протестом против продолжения войны. Этот факт необходимо поставить в связь и с событиями в центре (отставка Милюкова).

Обостряются продовольственные затруднения. В газетах учащаются сообщения о «продовольственных митингах», проскальзывают сообщения и такого рода: «в наманганском уезде солдаты (русские) реквизировали у торговцев и богатых с'естные продукты, раздав их голодающей бедноте». Такие—и аналогичные признаки «безначалия», «анархии», «распущенности» заставляют Краевой Совет послать на места следующий циркуляр (приводим его в характернейших выдержках.)

«Из разных мест доходят до Краевого Совета вести о том, что местные Исполнительные Комитеты и Советы Солдатских и Рабочих Депутатов вводят таксы на мануфактуру, галантерейные товары и т. д.... В настоящее время товарообмен находится в руках торгово-промышленного класса и если последний будет поставлен в условия, при которых он не может и ему невыгодно будет работать, то наша разруха еще больше возрастет... Надо принять меры к уменьшению бешеных прибылей торговцев, но меры должны быть такие, чтобы, как говорят, вместе с водой не выплеснуть и ребенка». (Далее следует длинный перечень указаний для таксировки товаров в случае, если она необходима, с упоминанием о «фактических ценах», «себестоимости» и т. д.—прямо чувствуется третий том «Капитала»—в меньшевистских руках! «...Надо беречь торговый аппарат, надо помнить, что у нас не социалистическое хозяйство, а капиталистическое, и мы пока без этого аппарата дойдем и до голода, и до бестовария. Крайне важно также не отбрасывать весь торгово-промышленный класс в об'ятия реакции, стан врагов свободы. Нужна вдумчивая о с т о р о ж н а я работа»!

Этот «продманифест» помечен 10 мая. Его вызвали к (бумажной) жизни обстоятельства обще-российского масштаба (обостренный кризис, вздутие цен и исчезновение товаров). Вот как на них реагировал Ленин *).

Вы хотите организации снабжения, граждане Пешехоновы и Скобелевы, снабжения крестьян продуктами, войска—хлебом и мясом, промышленности—сырьем и т. д.? Вы хотите контроля над производством, частью даже организации его?

«Вы не сможете дать этого без революционного энтузиазма пролетарских и полупролетарских масс, рождаемого л и ш ь р е в о л ю ц и о н н ы м и м е р а м и п р о т и в п р и в и л е г и й и п р и б ы л е й к а п и т а л а» (подчеркнуто нами).

*) «Правда» от 6 мая, том XIV, стр. 177.

А вот еще крепче*).

«Рабочие должны отметать прочь фразерство, обещания, декларации, прожектерство чиновников в центре, готовых засесть за сочинение эффектнейших планов, положений, уставов, нормировок. Долой все это лганье! Долой эту шумиху бюрократического и буржуазного прожектерства, провалившегося всюду с треском! Долой эту манеру класть дело под сукно. Рабочие должны требовать немедленного осуществления контроля на деле и при том обязательно через самих рабочих».

«Осторожный» и «остерегающий» циркуляр Краевого Совета не требует лучших комментариев. Укажем только, что даже Краевое Совещание (при Туркестанском Комитете, с общим председателем Щепкиным), получив жалобу Кульджинского Исполнительного Комитета на исходящее от Джаркентского Исполнительного Комитета требование реквизиций отправляемой в Китай мануфактуры, постановляет (6 мая): в принципе реквизицию считать правильной. Раз'яснительная телеграмма Джаркентского Исполкома бросает неожиданный свет на некоторые источники спекулятивного разгула, охватившего край. Приведем в выдержках эту телеграмму: «выяснилось, что если кульджинская мануфактура будет пропущена в Китай, то она вернется в Джаркент по вздутым ценам. По слухам Русско-Азиатский банк через фирму Тянь-Шань скупил все сырье и отдает его лишь по ужасным ценам**) Капитал этого банка состоит из капиталов наших великих князей, китайских реакционеров и немцев. Следует реквизировать всю мануфактуру, иначе кучка обогатится на народном горе. В случае запрещения реквизиции возможны беспорядки».

На этом тревожном фоне развертывающейся экономической контр-революции и бессилия краевой власти происходит в первых числах мая первое открытое столкновение Советов с Туркестанским Комитетом—отражение правительственного кризиса в центре.

Выше упоминалось уже о постановлении Ташкентского Совета (28 апреля): «потребовать от Временного Комитета немедленно отстранить от должности областного комиссара Тризну и уездного комиссара города Черняево Иванова». Здесь бросается в глаза не только категорический тон требования, но и обозначение комитета как «временного»—с одной стороны, по ассоциации с Временным Правительством, а с другой—здесь чувствуется как бы политическое предостережение. Если Краевой Совет раз'ясняет (к этому же времени) Самарканду, что Советы «по отношению администрации имеют функции контрольно-совещательные плюс право предложения», при чем «предложе-

---

*) «Правда» 10 мая, там же, стр. 196.

**) Речь идет о сырье, которое предполагалось вывезти из Китая в обмен на мануфактуру.

ния», видимо, отнюдь не в смысле предписания, то в Ташкенте этот контроль городского Совета терял уже характер «доброжелательного», становился навязчивым и требовательным. И дело доходит до прямого выражения недоверия Туркестанскому Комитету в лице единственно яркой и деятельной его фигуры—Щепкина, до прямого требования—Щепкина убрать.

В ответ на политику Щепкина, с очевидностью клонящуюся к тому, чтобы опираться на старое чиновничество и вытеснять новых работников (например большевика Кобозева—инженера, начальника Ташкентской ж. д.), об'единенное заседание Областного Сыр-Дарьинского С'езда Советов и Ташкентского Совета Солдатских и Рабочих Депутатов выносит «после бурных прений» следующую резолюцию (приводим в сокращении):

«Избрать комиссию по разработке материалов для запросов Туркестанского Комитета о его действиях.

«Передать материал Краевому Совету для пред'явления запроса с истребованием об'яснений по существу его.

«Сообщить Краевому Совету о необходимости установить более прочные формы контроля за действиями Туркестанского Комитета.

Имея в виду, что назначение на ответственные должности должны производиться не иначе, как в согласии с Советом Солдатских и Рабочих Депутатов, и находя в назначении Тризны областным комиссаром и Иванова—уездным нарушение демократических принципов, предложить Туркестанскому Комитету отозвать Тризну и Иванова».

Резкое политическое заострение этой «ноты», несмотря на кажущееся с'ужение вопроса вокруг личности Щепкина, мы находим в постановлении Ташкентского Совета от того же числа:

«Принимая во внимание, что

1) Туркестанский Комитет в лице Щепкина систематически выступает против Совета Солдатских и Рабочих Депутатов;

2) Что Краевой Совет сделал ряд шагов к установлению возможности совместной с Туркестанским Комитетом работы;

3) Что, несмотря на это Щепкин продолжал кидать вызов за вызовом Совету Солдатских Депутатов и своими выступлениями в «Туркестанских Ведомостях», и лично способствовал организации реакционных элементов против Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

Совет Рабочих и Солдатских Депутатов находит, что:

«1) Туркестанский Комитет вместо внесения порядка и организации края на демократических началах способствует внесению взаимной борьбы, разложению организованных групп в крае;

«2) что он растратил и расшатал силу и авторитет революционной власти, врученной ему временным правительством,

«3) что дальнейшее пребывание Щепкина во главе Туркестанского Комитета, в виду вышеизложенного, крайне вредно для интересов революции;

«4) что он должен быть заменен человеком, который был бы способен работать в контакте и согласии с организованной демократией».

Шестого мая Краевой Совет постановляет: «довести до сведения всех Советов, что все постановления и запросы Туркестанскому Комитету должны идти только через Краевой Совет», обратиться к социалистическим партиям с указанием, что для концентрации сил демократического воздействия на Туркестанский Комитет желательно, чтобы все материалы направлялись в Краевой Совет для пред'явления запросов Туркестанскому Комитету», «потребовать от Туркестанского Комитета присылки копий всех его распоряжений общего характера назначений, увольнений, арестов и освобождений и копии протоколов и постановлений Туркестанского Комитета».

Характерно: инициатива нападения на Туркестанский Комитет исходит от Ташкентского (и областного) Совета, как ближе стоящего к массам и быстрее реагирующего на их требования, но стихийный ход событий и ощущение подспудного массового давления вынуждает, с опозданием, правда, Краевой Совет ставить вопрос еще резче и принципиальнее, в частности ставить вопрос, независимо от личности Щепкина, о Комитете в целом и не в разрезе общих требований от Туркестанского Комитета, общей политики по отношению к нему.

Это понял Туркестанский Комитет в полном составе (присутствовавших членов) и в полном же составе решил просить у Временного Правительства «освободить его от возложенных обязанностей. В телеграмме, посланной видимо того же числа Временному Правительству Туркестанский Комитет мотивирует возвращение своих полномочий: 1) коренным изменением состава самого Временного Правительства, 2) «серьезными препятствиями для дальнейшей работы на месте»; ясно, какого характера были эти «серьезные препятствия»! 3) «невозможностью выполнить устроение края из одного центра».

В телеграмме интересны следующие сердитые, характеризующие все бессилие ставленников Временного Правительства, слова: «Комитет готов отстаивать свою независимость самым решительным образом, но конфликт считает не соответствующим политической кон'юнктуре». Действительно «кон'юнктуру» для открытого антисоветского выступления нельзя было считать благоприятной, если даже Ташкентский Исполнительный Комитет (обществ. организаций) внутри которого в свое время рабочим пришлось выдержать борьбу с либерально-буржуазными элементами по вопросу о смещении Куропаткина, если даже этот Исполком в своем постановлении от 7 мая выразил мнение, что «трения между Туркестанским Комитетом и Таш-

кентским Советом Солдатских и Рабочих Депутатов происходят исключительно вследствие обособленного от демократических и вообще общественных организаций положения, занятого Туркестанским Комитетом в Туркестане в решениях вопросов по гражданскому управлению».

Никакой реальной общественной силы не стояло за Комитетом. Незначительные буржуазные группы, вроде реакционного «Союза туркестанцев», пытаются дать отпор наступающей волне, в частности используя газету «Туркестанский Курьер», но с ними никто не считается, их почти игнорирует масса.

Однако, Щепкин делает попытку учесть и проверить свои силы, он выпускает обращение к населению с тенденциозным и неопределенным освещением происшедшего и «категорическим указанием» «на недопустимость в настоящий острый момент каких бы то ни было уличных выступлений». Краевой Совет Депутатов в своем постановлении от 8-го, не называя, правда, вещи своими именами, отмечает прозрачно провокационный характер этого заявления: «обращение... ...Краевой Совет считает крайне неосторожным шагом со стороны Туркестанского Комитета, так как оно могло бы вызвать брожение среди неустойчивых и недостаточно сознательных элементов края (не сразу поймешь, в чью сторону кивок!), внести раздор между различными организованными группами края и иметь как раз обратные последствия, а именно толкнуть эти элементы на уличные выступления». Несколько резче и прямее говорится в заключении этой резолюции: «Краевой Совет считает, что Туркестанский Комитет попросту использовал резолюции Сыр-Дарьинского Съезда и Ташкентского Совета в целях организации определенных общественных элементов в противовес организованной в советы демократии». Но, санкционируя уход Туркестанского Комитета по мотивам изменения состава Временного Правительства (разве в этом было дело!), основной своей задачей постановление Краевого Совета ставит доказательство правомерности действий Сыр-Дарьинского Съезда и Ташкентского Совета, которые, дескать, отнюдь не имели ввиду посягательства на законные права Туркестанского Комитета. Далее идут упреки краевой власти, что она не сумела создать «полного контакта с общественными организациями, наиболее сильными из коих являются советы».

Смысл и суть происшедшего конфликта, таким образом, по мнению Краевого Совета, заключается лишь в том, что Туркестанский Комитет превысил свои права, произвольно расширил сферу своих действий и был одернут низовыми советскими органами; все дело лишь в необходимости соблюдения демократических формальностей; достаточно Туркестанскому Комитету опираться на «мнение организованной демократии края» и все пойдет гладко. Ни слова о том, что несогласованные, безаппеляционные действия и назначения Щепкина уже сами

по себе представляли признак и попытку сплочения контр-революционных сил; ни слова о тех классовых тенденциях и силах, которые стояли за сторонами, вступившими в конфликт.

Край раздирался разрухой и двоевластием, трещина между конкурирующими «властями» проходила по линии размежевания классов, а так как это размежевание шло активно и быстро, то и образовавшуюся трещину нельзя было надолго замазать фразами о «контакте». «Классовое сотрудничество с капиталом или классовая борьба против капитала. Именно так поставлен вопрос историей, притом не историей вообще, а экономической и политической историей России сегодня», писал Ленин в эти самые дни*). Руководители краевого советского органа в Туркестане были далеки даже от такой постановки проблемы, не то что от ее по ленински революционного разрешения.

8 мая Совет Рабочих и Солдатских Депутатов констатирует, что воззвание Туркестанского Комитета с призывом «не манифестировать» имело результатом напечатанное в «Туркестанском Курьере» обращение, исходящее от неизвестных лиц и приглашающее граждан собраться в таком-то саду 9 мая «для мирной манифестации».

Вместо того, чтобы противопоставить ничтожным буржуазным группкам, сплачивающимся для защиты буржуазного правительства, мощные демонстрации трудящихся и парализовать контр-революционные выступления раз навсегда, Совет развивает поистине бешеную энергию по предупреждению манифестации враждебных сил.

Краевой и Ташкепский Советы сообщают комендапту города о запрещении 9, 10 и 11 мая (с запасом!) «всякого рода уличных манифестаций», предлагает «немедленно припять меры к усиленному патрулированию Константиновского сада» и держать в полной готовности роту солдат. Во имя, очевидно, демократического равноправия, Ташкентский Совет выносит поистине анекдотическое постановление: «9 мая всем депутатам быть дома и не выходить до 2-х часов дня, а после 2-х часов избегать массовых выходов». Логическое завершение всей этой трагикомедии можно видеть в протесте Щепкина, зачитанном на «Совещании по делам края»—в присутствии Бройдо, Фитермана и др. советских деятелей; выступая от лица и на страже той же мифической демократии, Щепкин заявляет, что «всякое собрание граждан на улицах должно быть беспрепятственно допускаемо, пока собрание это не выявит себя угрожающим общественному спокойствию и порядку» и что своим распоряжением, адресованным комендатуре, Советы «проявили ясно выраженное стремление к захвату и военной власти».

*) «Правда», 6 мая, т. XIV ч. 1, стр. 175.

Кадет, буржуа, вожделеющий о «крепкой» власти—в роли верного рыцаря демократических свобод! Советы, посягающие и на военную власть, осуществляющие фактически диктаторское единовластие—лишь для того, чтобы избежать демонстрации ничтожного буржуазного меньшинства! Советы, осмелевшие, лишь для того, чтобы продемонстрировать свою трусость перед контр-революцией, и массы, подготовившие события,—в стороне от событий: вся эта история протекает «за кулисами» массам видны лишь воззвания и призывы к «спокойствию и порядку», выпускаемые обеими сторонами; причем в этих призывах Щепкин бьет на возбуждение и организацию (своих сил), а советы, сохраня полностью демократическую невинность, не чувствуя еще своей силы или ее боящиеся, кроме «спокойствия и порядка» ничего не требуют и ни к чему не стремятся!.

Гора родила мышь. Кризис буржуазной власти в Туркестане разрешился уходом ее головки—Щепкина, и, конечно, последний, проявив большую политическую дальнозоркость в определении тенденций развития, явно преувеличивает сознательную роль руководящих советских лиц и органов в своей телеграмме Временному Правительству (от 16 мая, приводим выдержки): «Определенное стремление к фактическому властвованию вскрыто. Борьба за это будет ведена на плоскости: Временному Правительству мы, мол, повинуемся, а Комитет не демократичен—уберите кадета. ...Им надо иметь предлог для продолжения борьбы за диктатуру при внешнем словесном подчинении Временному Правительству».

Меньшевистский политический разум Щепкин меряет на свой длинный кадетский аршин. Конечно, политику повиновения и доверия Временному Правительству ташкентские «вожди» проводили не за страх, а за совесть. Конечно, о борьбе за диктатуру еще не думали эти «вожди».

Начинали думать о диктатуре одиночки-большевики, и начинали фактически эту диктатуру осуществлять Советы, для руководителей же движения истинный смысл происходящего оставался за семью печатями.

Второй этап революции в Туркестане знаменует уже начало перерастания ее в пролетарскую. Организованная солдатско-рабочая общественность вступает в конфликт с буржуазным правительством. Стихийность массовых стремлений и соглашательские методы руководства массами—не позволяют внести в положение ясность, поставить в упор вопрос о переходе власти к другому классу. Ни масса, ни вожди не осознают еще своих задач. Но задачи эти об'ективно уже встают, и даны уже основные предпосылки для их разрешения. Эти основные предпосылки: глубокий хозяйственный кризис всего края; отсутствие опоры и авторитета в массах у буржуазного правительства («пока власть бессильна, фактически ее нет»—из телеграммы Щепкина); конфликт с Советами и кризис Тур-

кестанского Комитета, как верный симптом его растущего бессилия и беспомощности. Массы еще не втянуты всерьез в борьбу, но уже одна готовность их к борьбе правильно расценивается умным кадетом, панически укоротившим, правда, перспективу,—как «борьба за диктатуру». Тенденции распада буржуазной государственности на колониальной окраине проявлялись с большей силой, чем в центральных районах в России. В центре были сосредоточены более внушительные резервы контр-революции. Поэтому конец второго этапа революции в Средней Азии только очень приблизительно и с большой осторожностью можно сравнивать с апрельскими событиями в центре. «Двоевластие» в Средней Азии фактически привело уже к «безвластию». На очереди стояла диктатура пролетариата. Но ей предстояло притти «в два приема»—с необходимой стадией предварительного накопления и организации сил.

VII. 17 год. Третий этап

С отъездом в Москву Щепкина, захватившего с собой еще двух членов Туркестанского Комитета, с неопределенным положением оставшихся членов, высшая власть на время фактически переходит к Краевому Совещанию (при Туркомитете). Деятели Краевого и Ташкентского Совета, как полноправные члены, входят в состав этого Совещания. Создается коалиционная власть чистого типа. Существенное и характерное отличие ее от коалиции в центре: в лице Бройдо, Фитермана, Белькова совпадают краевые «министры без портфеля»—коалиционеры и формальные руководители нарастающего движения против коалиции. Этого не было в центре, где соглашательские партии проводили своеобразное «разделение труда»—одни (Скобелев, Церетели и пр.) шли на совместную работу с буржуазией в качестве ее социалистических заложников, другие комбинировали «благожелательный» контроль над правительством в целом и мягкую критику его с работой попустительства и защиты. Эсэрам и эсдекам в Ташкенте нехватало людей, чтобы провести такую «систему». В результате, с одной стороны, их положение приобретало особо пикатную двухсмысленность, а с другой стороны—осуществлялся более полный и действительный контроль над кадетскими (или кадетствующими) элементами, окопавшимися у власти. А последнее обстоятельство, создавая иллюзию смягчения противоречий, частично тормозило агрессивную линию рабоче-солдатских масс, линию на овладение власти.

Май, июнь, частично июль проходят сравнительно спокойно. Классовые противоречия уходит вглубь—за двуликую маску Янусов, заседающих в Краевом Совещании. Классовые противоречия прорываются отдельными вспышками, при чем наступающей стороной, как общее правило, в армии являются солдатские низы, а в гражданском населении буржуазные элементы. При разборе вытекающих конфликтов Советы, нужно сказать, продолжают идти по линии наименьшего сопротивления—взаимных уступок, вынося энергические решения лишь в случаях крайней необходимости.

Учащаются столкновения между офицерством и солдатскими комитетами. В «Туркестанских Ведомостях» учащаются панические статьи о «разложении армии». В конце мая коман-

дующий войсками Черкес вынужден об'явить приказом, что «одно только выраженное командами пожелание об удалении кого-либо из лиц комсостава не дает права последним сдавать свои должности». В отдельных случаях части отказываются отправляться на фронт, несмотря на патриотическо-оборонческое кликушество, которым насыщены и печать и специальные воззвания советских органов.

Так, орган Советов «Наша Газета» восторженно приветствует июньское наступление Керенского, а заседание Совета Рабочих и Солдатских Депутатов 8 июня принимает по вопросу о призыве уроженцев Туркестана следующую резолюцию (приводим в выдержках): «просить Туркестанский Комитет и Командующего войсками войти по телеграфу к Временному Правительству с представлением о немедленном проведении закона о привлечении русского населения Туркестана к исполнению воинской повинности... Несправедливо, чтобы в то время, когда почти все мужское население России стоит под ружьем на страже свободы под боевыми знаменами революции, туркестанцы были освобождены от тягостей и лишений военной службы». Оборонческой фразеологии соответствовала оборонческая идеология. Но массы эту идеологию уже начинали изживать.

Интересно выступление одного депутата на заседании Совета еще 8 мая, интересно, поскольку оно характеризует—уже для этого момента—постепенное вторжение идей Ленина и большевизма в сознание масс.

«Но среди социал-демократов есть большевики, во главе их Ленин, человек великой идейности и такого пылкого темперамента, что разубедить его никак невозможно. Он выступает за немедленное прекращение войны и за экспроприацию капитала, т.-е. призывает совершить социалистическую революцию». (Далее следовала в речи резкая критика Временного Правительства, затягивающего войну). Несмотря на упрощенность и наивность этой характеристики Ленина и его программы,—основное схвачено очень верно.

Брожение в массах шло, процесс их революционного созревания шел неуклонно, подталкиваемый общим обострением хозяйственного и политического кризиса и целой цепью беспрестанно вспыхивавших конфликтов—и на почве продовольственной (бесчисленные случаи реквизиции, которые приходится обсуждать Совету), и на почве жилищной (домовладельцы в Ташкенте выселяют из квартир неимущих жильцов) и на почве непосредственно экономической (например, затяжной конфликт на хлопковых заводах Бухары—предприниматели отказались провести 8-часовой рабочий день и столь же решительно отказались урегулировать вопрос через примирительную камеру).

Советам приходится балансировать, с большим трудом сохраняя равновесие.

Уже 15 мая Советы берут под твердый контроль частные хлебопекарни в Ташкенте, диктаторски вмешиваясь, таким образом, в дело распределения важнейших средств питания, а Краевой Совет уже спустя два с половиной месяца телеграфирует Совету Солдатских Депутатов в Аулие-Ата в ответ на сообщение о реквизиции скрытых 500 пудов муки: «Совет, как таковой, ни реквизировать, ни расценивать, ни распределять права не имеет».

Советам приходится одергивать контрреволюционные выступления офицерства, санкционируя решительные меры, принимаемые на местах—вплоть до арестов; а наряду с этим разъяснять, что командующий войсками Туркестанского округа (вскоре получивший печальную известность полковник Черкес) «является истинным выразителем революционной демократии».

Совет борется с «анархией», «распущенностью» и дезертирством солдат, проявляя большую энергию (например, специальное обследование «беспорядков при проезде воинских чинов по линии Ташкентской ж. д.»); в то же время Совет категорически предлагает Самаркандскому начальнику гарнизона генералу Тимченко отменить приказ об организации на старый лад «Гарнизонного Совета», видимо, офицерского по составу и контрреволюционного по духу.

Краевой Совет «поражен и возмущен самовольной отправкой кушкинских артиллеристов-добровольцев на фронт (телеграмма от 20 июля), ставя, видимо, необходимость дисциплины выше чувства патриотизма. А в постановлении от 23 июля «высказывается отрицательно» против «огульного уравнения», которое хотел провести Совет Рабочих Депутатов нефтяных промыслов «Санто» между пленными славянами, работающими на оборону, «и такими же пленными, поступившими в ряды армии». элементарные демократические принципы—под сапогом милитаристического предрассудка советских деятелей.

Нарушенное равновесие классовых сил, однако, нельзя было восстановить. Массы в Ташкенте левели. Судя по воспоминаниям Д. Манжары, большевики уже в июне начинают проводить в рабочих районах летучие митинги и «соответствующую работу в противовес меньшевикам». Это, конечно, имело соответствующие предпосылки в психологии рабочих и солдат. «К концу июля», продолжает Манжара, «начинает резко меняться настроение в самой группе работающих товарищей», и происходит это в связи с «развитием революционного настроения рабочих, которые начали толкать руководящий состав партийной организации».

Для определения этих «настроений» (далеко не лирических) достаточно указать на запрос секретаря Центрального Бюро

профсоюзов г. Ташкента*), обсужденный на заседании Краевого Совета 3/VII. Запрос, со справкой насчет достигнутого уже соглашения с исполнительным комитетом Ташкентского Совета, был такого рода: «разрешите Центральному Бюро занять помещение Туркестанского Комитета» (знаменитый «Белый Дом»).

Краевому Совету пришлось «отклонить ходатайство» с длинной мотивировкой, в которую входило популярное раз'яснение, что «правомерным хозяином дома б. генерал-губернатора надо считать Туркестанский Комитет Временного Правительства».

Массы, недозревшие еще до ясного сознания необходимости политической ликвидации Туркестанского Комитета, потерявшего, кстати сказать, лицо с выбытием Щепкина, начинали с другого конца, требуя «физического» из'ятия этого учреждения и твердо пред'являя право на его резиденцию.

Дистанция значительного размера лежала между Ташкентом и «провинциальными» городами Средней Азии—в смысле политического роста масс. Это можно констатировать, хотя бы по составу II Краевого С'езда РСДРП, происходившего в июне. Основное большевистское (мы не хотим этим сказать: большевистски выдержанное) ядро на этом с'езде представляли ташкентские делегаты. А состояние партии, как общее правило, может служить приблизительным показателем состояния масс.

Остановимся на этом партс'езде.

Созванный в такое напряженное и насыщенное время, с'езд должен был выполнить роль идейного руководителя масс (через партию) в краевом масштабе. С'езд должен был дать четкую ориентировку в обстановке, наметить хотя бы основные линии, по которым предстояло развернуться классовой борьбе, и по этим линиям дать основные тактические указания для руководства партией в целом. С'езд, на котором большевики оказались не только в меньшинстве, но и в меньшинстве неоформленном, неотмежевавшемся от соглашательского большинства, конечно, не смог со своими историческими заданиями справиться, и трем тысячам социал-демократов, выславших на с'езд своих представителей, оставалось на местах самостоятельно намечать свою линию—на соглашение ли с контрреволюционной буржуазией, или на руководство борьбой революционных рабочих и солдат.

Об'единительные тенденции, восторжествовавшие на с'езде, не представляли исключительной «привилегии» Туркестана для описываемого периода. Можно отметить это же явление—в той или иной степени—в ряде крупнейших промышленных

*) Это Бюро было организовано 12 июня.

городов России. Здесь играли роль с трудом изживаемый угар революционного оборончества, широкий доступ и прилив в партию мелко-буржуазных попутчиков (строгого отбора при вступлении в партию не было), молодость и организационная слабость большевистских групп*). Последний момент играл особо видную роль для большевиков Туркестана, намечавшиеся организации которых были смяты за годы реакции и войны.

Вот почему и на втором Краевом С'езде партии перед нами встает знакомая уже картина, картина во многом напоминающая деятельность местных советских органов. Постановления С'езда во многих случаях можно бы рассматривать, как теоретическую платформу и оправдание практической деятельности Советов, выше уже охарактеризованной.

Платформой для «об'единения» социал-демократов С'езд признал не «тактику, ведущую к возможности скорейшего прекращения войны на почве интернационала» (за это весьма неопределенное предложение голосовали большевики), а попросту... «общую программу и партийную дисциплину», при том с мотивировкой, явно направленной против «фракционеров»-ленинцев (предложение принадлежало меньшевику-интернационалисту Вайнштейну).

Характерное решение вынесено по вопросу об отношении к буржуазным партиям: решительно отмежевавшись от европейских буржуазных партий, С'езд признал допустимыми, «в случае необходимости, временные избирательные блоки с мусульманскими буржуазно-демократическими партиями и организациями», мотивируя «особыми национальными условиями» и «отсутствием социалистических партий» среди мусульманского (терминология С'езда) населения. Это постановление вынесено если не в пику, то во всяком случае в разрез—с резолюцией по национальному вопросу, принятой на Всероссийской конференции большевиков (конец апреля 1917 г.), которая выставила, наряду с другими требованиями, требование «слияния рабочих всех национальностей России в единых пролетарских организациях, политических, профессиональных, кооперативно-просветительных и т. д.» в целях «вести победоносную войну с международным капитализмом и буржуазным национализмом» (подчеркнуто нами).

Больше классового чутья проявил С'езд, «вменив в обязанность всем социал-демократическим группам на местах вести самую деятельную борьбу» с возникающими советами общественных организаций и подобными организациями и жестко обусловив участие социал-демократов в составе исполнительных комитетов и комитетов общественной безопасности.

---

*) См. ст. Кина «Борьба против об'единительного угара в 1917 г. «Пролетарская революция», № 6 (65).

В резолюции, принятой 24 июня «по вопросу об отношении местной группы РСДРП к советам рабочих и солдатских депутатов», советы определяются, как «руководящие органы революционной демократии в ее борьбе за сохранение завоеваний революции и упрочение демократического строя». «Завоевания революции» к этому периоду Ленин определял (22 июня), как подчинение масс политике контр-революционной буржуазии при пособничестве меньшевиков и эсэров, а вместо дальнейшего «упрочения демократического строя» давал такую перспективу «л и б о наступление (подразумевается на германском фронте), поворот к контр революции, успех—на долго ли?—дело империалистической буржуазии, «умывание рук» Черновым и Церетели. Л и б о «якобинство», при чем, раз'ясняет дальше Ленин, «Якобинство в Европе или на границе Европы и Азии в XX веке было бы господством революционного класса, пролетариата, который, поддержанный беднейшим крестьянством, и опираясь на наличность материальных основ для движения к социализму, мог бы не только дать все то великое неискоренимое, незабываемое, что дали якобинцы XVIII века, но и привести во всемирном масштабе к прочной победе трудящихся». (Ленин, т. XIV, стр. 285 и далее)

В работах С'езда трудно найти намек на такие широкие и смелые перспективы.

В резолюциях по национальному моменту С'езд откровенно сосредоточивает внимание «на правильном решении вопроса в пределах капиталистического строя», в каковых пределах, утверждает с'езд, возможно смягчить национальные противоречия и национальное угнетение лишь, «мерами—паллиативами», при чем рекомендуется в качестве этих мер: 1) политическая автономия, 2) национально-культурная автономия. Последнее требование, к слову сказать, давно уже Лениным было подвергнуто уничтожающей критике и было «решительно отвергнуто партией пролетариата на апрельской конференции (б-ков) 17 года.

Резолюция по аграрному вопросу гласит о необходимости национализации земли с «немедленной конфискацией земель, превышающих норму»,—для России; в отношении Туркестана вопрос оказался непроработанным и был сдан в комиссию для подготовки к следующему С'езду; С'езд ограничился указанием на организованные в крае Земельные Комитеты, с сожалением отозвался о преобладании в них «чиновничьих элементов» и потребовал усиленного в них представительства Советов и социал-демократических организаций.

По отношению к Временному Правительству голосовались резолюции предложенные на Всероссийском С'езде Советов (в начале июня). (Получившая на Всероссийском с'езде подавляющее большинство голосов) резолюция меньшевиков и эс-эров, на Краевом С'езде в Ташкенте решительно провалилась;

прошла резолюция меньшевиков-интернационалистов, хотя и не отрешившаяся от вреднейших иллюзий на счет Временного Правительства, которое «должно стать действительным орудием воли пролетариата и революционной демократии к миру» и т. д., но по крайней мере дающая жесткую критику всей политики правительства и пред'являющая ему наивно категорические требования (вроде «радикальной очистки персонала власти от контр-революционных элементов»). Сравнительно решительный тон этой резолюции (за нее голосовали и некоторые большевики) служит косвенным указанием на хронический и неизлечимый кризис власти Временного Правительства в Туркестане, где оно явно теряло под собой почву в течение летних месяцев (до прихода в сентябре «подкреплений» из центра).

По вопросу о войне С'езд, как и можно было предполагать, занял более правую позицию, явно оборонческую. Как мы выше указывали, отдаленность фронтов, освобождение туркестанцев от военной службы, чисто экономический характер разрушительного действия войны—все это не давало предпосылок к энергической постановке вопроса. Принята была, с пропуском наиболее патриотических и компрометирующих абзацов, меньшевистско-эсеровская резолюция, прошедшая на Всероссийском с'езде.

На С'езде выявились три группы, слабо отмежеванные друг от друга и отдельными элементами оливающиеся даже при решении ответственнейших вопросов: левое большевистское крыло, правое, открыто-оборонческое, и «центр»—сдержанные оборонцы-интернационалисты. В начале с'езда большевики голосовали п р о т и в обязательности его решений для всех членов социал-демократической партии. Уже это говорит, если не о предчувствии близкого и полного раскола, то во всяком случае об отсутствии данных к решительному и прочному об'единению.

В своих резолюциях С'езд не сумел охватить обстановку так, чтобы вооружиться для ее действенного изменения, чтобы массу организовать и вести. За исключением незначительного меньшинства делегатам С'езда предстояло еще либо «перевооружаться», либо отойти вправо, в лагерь союзников контр-революции. Дыхание масс, их революционное недовольство даже слабее чувствуется в работах С'езда, чем в протоколах советских органов, относящихся (протоколов) к тому времени. Спешим оговориться: мы подразумеваем постановления Советов к той их части, где приходилось разрешать практические вопросы, непосредственно выдвигаемые массой и обстановкой. Вопросы о б щ е г о порядка ставились и разрешались в той же плоскости (и так же плоско), как и на с'езде РСДРП. Можно привести в качестве примера резолюцию по текущему моменту, принятую 14/VII (уже после июльских событий в Петрограде)

Краевой Конференцией Областных Советов: тот же упор на Временное Правительство, как «истинного представителя демократии», те же призывы «противостоять внешнему врагу». Правда, советское постановление дополняет эту «программу», но дополняет требованием «вести идейную борьбу с дезорганизующими течениями справа и слева». Не отстает и Ташкентский Совет, патриотически приветствуя наступление на германцев (18/VI), а 10 июля вынося протест против июльских демонстраций в Петрограде, устанавливая связь их с «неистовой пропагандой» и «преступными целями» большевиков. Эта противобольшевистская кампания принимает ожесточенный характер в Скобелеве, Коканде, Самарканде.

Однако, в Ташкенте, благодаря большему удельному весу меньшевиков-интернационалистов и левых эсеров, в выступлениях которых порой сквозили революционные нотки, а также недостаточному оформлению большевистского крыла, не было такой бесцеремонной погромной травли большевиков и большевизма, как в центральной России. Здесь характерна позиция официального органа Туркестанского Комитета,—«Туркестанских Ведомостей» (отмежевавшейся, между прочим, еще в мае от право-буржуазной газеты «Туркестанский Курьер» как «черной провокационной газеты»). В мае месяце, наряду с горьким констатированием «роста партийной розни», проскальзывает под общим заголовком «Черная Сотня» в ряду других заметок такая: «В Петрограде открылась Всероссийская конференция большевиков. Председателем избран Ленин». Но этот действительно черносотенный выпад представляет единичный факт. В течение июня можно отметить значительное снижение общего тона газеты, меньше медовых восторгов, меньше лиризма (в стихах и прозах), больше сухости (становилось ясно, что февраль—только этап), но провокационные выпады против большевиков, как общее правило, отсутствуют. В конце июля, когда настроение массы становится напряженным, и массы начинает охватывать если не большевистская «идеология», то во всяком случае, уже большевистская «психология», редакция «Туркестанских Ведомостей» дает напористые передовицы на тему вроде «Революция и бунт», но дает и в неизменном сопровождении статей (полуфельетонного типа) с реверансами и комплиментами по адресу ...«идейных большевиков»! И даже в конце августа «Туркестанские Ведомости» продолжают распинаться за «революционную демократию», на которую, дескать, наступает «буржуазия, перешедшая в лагерь контрреволюции». Видимо, правые элементы выше охарактеризованной краевой коалиции, либо махнули рукой на возможность организовать широкое общественное мнение вокруг откровенно-реакционных лозунгов, либо встречали серьезное противодействие со стороны своих «коллег» слева.

Орган Советов «Наша Газета» по общему политическому

тону отличается весьма немногим от «Туркестанских Ведомостей». 1-го мая она помещает без комментариев статью некоего полковника Глинского, в коей автор раз'ясняет свободу стачек в таком духе: «этим правом рабочие и трудящиеся должны пользоваться, пред'являя умеренные требования». В июне газета с одинаковым увлечением обрушивается и на кадетов и на «безответственных политиков вроде Ленина и К-о», и остается верной этому тону и дальше, беспомощно негодуя на гражданскую пассивность обывателей и обнаруживая полное неумение связать бьющие факты раздражения и под'ема рабоче-солдатских масс (информация в этом отношении в «Нашей Газете» была, конечно, шире, чем в «Туркестанских Ведомостях») со своей общей политической линией.

В конце июля, после неудачного (опротестованного Советами) назначения Чайкина Временным Правительством на пост председателя Туркестанского Комитета, удается добиться назначения на это место Наливкина. Наливкин вел за все время с февраля (о более раннем периоде мы здесь не говорим) общественную работу; революцию он воспринял наивно-народнически (особенно характерна одна его статья в «Туркестанских Ведомостях», где автор морализирует насчет «опрощения» по примеру ... Л. Н. Толстого, увязывая эту моральную проповедь с потребностями революционной эпохи); в силу неопределенности своей политической линии и несомненной суб'ективной честности Наливкин пользовался, особенно в мелкобуржуазных интеллигентских, частично и в рабочих кругах, большой популярностью, даже авторитетом, и к тому же заслуженной репутацией широко образованного человека и исследователя края. *) Вероятно, именно такое лицо имел в виду Щепкин в своей (цитированной выше) телеграмме Временному Правительству от 16 мая: «если пришлете председателем видное социалистическое имя, на первое время вынуждены будут стихнуть, далее начнут опять». Роль такого «видного социалистического имени» и предстояло сыграть имени Наливкина. Для Туркестана это был своего рода Керенский— с меньшими претензиями на диктаторский тон, с большими остатками социалистической совести, но с тем же фатальным назначением—служить демократическо-социалистической ширмой для скапливающихся контр-революционных сил.

В середине августа заканчиваются выборы в городскую думу, давшие неожиданный и пикантный результат: более половины всех членов провела «Улема»—реакционное ответвление Шуры-Исламии (см. IV главу), в котором задавало тон крупное духовенство. На 62 гласных от Улемы эс-эрам удалось

*) Для характеристики разносторонней научной деятельности этого интересного человека достаточно упомянуть о составленном им русско-персидском словаре на 80 листов (не напечат.).

провести 24 кандидата, а социал-демократам—только 5. Соотношение эс-дековской и эс-эровской «доли» в думе, странное на первый взгляд, станет понятно, если мы вспомним, 1) что за эс-эрами преимущественно шла многочисленная городская интеллигенция, 2) что внимание рабочего класса не могло быть особенно приковано в этот период к городской думе. Газетные отчеты о деятельности вновь избранной думы пестрят жалобами на пассивность членов, нередко можно встретить и такую выразительную фразу: «надев цепь, председатель об'являет заседание не состоявшимся за отсутствием кворума». Эта средне-вековая традиционная цепь нам ныне особо подчеркивает, с каким запозданием пришло в Россию и Туркестан демократическое самоуправление на английский образец. Центр тяжести за немногие месяцы с февраля успел сдвинуться—рядом с думой, массивно ее заслоняя, поднимался уже совет.

Но Советы только частично охватывали пробуждающуюся политическую активность местного населения, и эта активность особенно разительно проявляется при выборах в думу, хотя и была использована и направлена улемистами («в чалму оделась наша дума!»—меланхолически писал бойкий поэт из «Туркестанских Ведомостей»). Местное население старого города п о г о л о в н о участвовало в выборах, сумев все же провести кроме развивших бешеную агитацию и не стесняющихся в употреблении мошеннических средств улемистов,—12 представителей от своих профорганизаций (по другим сведениям—от Шуры-Исламии; вероятно, имел место своеобразный блок).

Июльские дни, послужившие переломным моментом для развития событий в центральной России (см. главу I),—в Туркестане не могли стать такой резкой гранью: процесс сосредоточения враждебных классовых сил шел более или менее равномерно.

Но в августе атмосфера уже накаляется.

Еще в конце июля С'езд Делегатов Совета Народных Депутатов (местн. населения) констатирует обострение «партийных страстей» в волостях. (Это означает, что в борьбу байских групп все оживленнее втягивались дехканские массы, приучаясь в процессе борьбы и п р о т и в о п о с т а в л я т ь себя этим группам). Продолжаются конфликты советов с военно-административными органами на почве неопределенности взаимоотношений и противоречия линий (например, столкновение с Окружным Военно Санитарным Советом—постановление Краевого Совета от 9-го августа). Самарская дружина из г. Чарджуя шлет возмущенный протест против телеграммы офицеров (из ставки главнокомандующего), предлагающей «восстановить дисциплинарные права начальников всех степеней», а в Ташкенте солдаты негодуют, что им приходится пред'являть рекомедательную карточку офицера, чтобы пройти в помещение «военного собрания» (ныне Дом Красной Армии). «Туркестанские Ведо-

мости», чувствуя, что социальное равновесие нарушается и зыблется почва под ногами, декламируют на тему «Ни вправо, ни влево!», «советы сыграют свою историческую роль... ...контролирующего (!)аппарата».

Советы, собственно, на большее и не претендуют, но на большее протендует организованная в Советы масса.

Поднявшаяся еще в начале июля волна продовольственных беспорядков, тогда искусственно сдавленная и остановленная, в 20 числах августа поднимается с новой силой. Учащаются самочинные обыски на вокзалах. На массовом митинге 21 августа представители Туркестанского Комитета (Шендриков) и Краевого Совета (Фитерман) тщетно пытаются успокоить рабочих и солдат, выступающих с резкой критикой ведущейся продовольственной политики, с требованием проведения классового принципа в распределении продуктов, с требованием организации широкой сети кооперативов и твердой государственной хлебной монополии. О характере митинга и общем настроении масс можно судить по мерам, принятым Туркестанским Комитетом: запрещение митингов и шествий в ближайшие дни, «воспрещение пребывания» посторонним на вокзале и ж.-д. путях, назначение Временного Комитета Безопасности (последнюю меру счел «своевременной» и Ташкентский Совет). Назревающий—обще-россиского масштаба—конфликт ж.-д. администрации с рабочими, которому предстояло разразиться в забастовку, тоже оказывал возбуждающее действие на массы, закрепляя боевой блок рабочих с солдатами.

Вопрос о хлебе во всех революциях истории подгонял и обострял постановку вопроса о власти. Временное Правительство шло на поводу у промышленников и спекулянтов, включенные в его состав заложники от социалистических партий были бессильны провести какую бы то ни было решительную меру по борьбе с разрухой и голодом, ибо такие меры были бы прежде всего направлены против тех же промышленников и спекулянтов. По нищенскому бюджету трудящихся била война, била и вся внутренняя политика провительства.

Ленин 26/VII писал: «Весь гвоздь всего современного положения России состоит в том, что чрезвычайно широкие массы населения проникнуты конституционными иллюзиями», при чем под этим иллюзиями нужно понимать «политическую ошибку, состоящую в том, что люди принимают нормальный правовой упорядоченный, подзаконный, короче «конституционный» порядок за существующий, хотя его в действительности не существует». *)

В Туркестане и Ташкенте эти иллюзии изживались массами быстрее и решительнее.

«Революция именно тем и отличается от «обычного положения» дел в государстве, что спорные вопросы государствен-

*) Том XIV, ч. II, стр. 19, (подчеркнуто нами).

ной жизни решает непосредственно борьба классов и масс вплоть до решительных ее форм, иначе быть не может, раз массы свободны и вооружены»

В Туркестане (и особенно в Ташкенте) эти решительные формы борьбы приближались с тем большей быстротой, что в колонии, где царизм издавна и преимущественно держался на штыках, было сосредоточено значительное количество вооруженных масс (солдат «разлагаемых» и просвещаемых революцией); да и ощущение свободы было сильнее, чем в центральной России—за отдаленностью центра и крайней слабостью местного органа Временного правительства (Турк. Комитет), которому опереться было почти не на кого, если не считать разбросанного по краю офицерства.

В этой обстановке шло быстрое обострение продовольственного кризиса и—тоже быстрое—отмежевание меньшевиков оборонцев от (меньшевиков) интернационалистов и большевиков. Последние уже вплотную начинали организовывать массы для революции.

Вопрос о власти в августе стихийно выдвигается массой и оформляется революционерами—большевиками. Этот вопрос ставит Ташкентская организация РСДРП, ставит собрание полковых комитетов совместно с правлением профсоюзов. На расширенном собрании общественных организаций 12 августа (в Ташкенте) принимается компромиссная резолюция оборонца Булинского, призывавшего к условной поддержке Временного Правительства; но вносится и иная резолюция, правда, не собравшая большинства, но самой резкостью своего тона и прямотой линии прекрасно передающая возбуждение, скапливающееся в массах, через несколько дней проявившееся в продовольственных эксцессах, а спустя ровно месяц прорвавшееся в политическом революционном выступлении. Внесенная Тоболиным (большевиком) резолюция подчеркивает интернациональное значение русской революции, «как первого выступления масс, грозящего (империалистам всех стран) в ходе развития превратиться в непосредственное выступление против войны и империализма и втянуть в эту борьбу пролетарские массы других стран»; далее резолюция устанавливает объективно-реакционные результаты «политики наступления (на германцев) в России», определяет социал патриотов всех стран, в том числе и России, как «прямых агентов империализма, резко критикует проводимую соглашательскими советами» кампанию за мир путем «давления» на союзные правительства (Антанту) и наконец провозглашает, что «единственным способом действительно демократической ликвидации войны для международного пролетариата является завоевание им власти, а в России завоевание ее рабочими и беднейшим крестьянством; только эти классы будут в состоянии порвать с капиталистами всех стран и способствовать на деле росту междуна-

*) Там же, стр. 25.

родной революции, которая должна ликвидировать не только войну, но и капиталистическое рабство».

Насколько эта резолюция соответствовала моменту, насколько высокую оценку мы можем дать одиночкам революционерам того времени типа Тоболина, выступавшим в обстановке нерасшатанного еще авторитета оппортунистов, в чьих руках были и советы,—доказывают последние строки одной из статей Ленина*) .«Страна приближается к следующей эпохе, когда большинство трудящихся вынуждено будет доверить свою судьбу революционному пролетариату. Революционный пролетариат возьмет власть, начнет социалистическую революцию, привлечет к ней—несмотря на все трудности и возможные зигзаги развития—пролетариев всех трудовых стран. и победит и войну, и капитализм».

Совпадение в заключительных словах резолюции и статьи почти полное. Большевизм в Ташкенте уже в первой половине августа, до корниловских дней, выступает (в единичных пока случаях) со всей решительностью и вполне выдержанно. бросая в массы поистине ленинскую установку действия и борьбы.

Через два дня после выступления Тоболина выносит политическую резолюцию Ташкентский Совет— по. вопросу о международной социалистической конференции в Стокгольме: ни слова о шовинистах от социализма, декламация на счет «страждущих и обремененных» (буквально), которых «призывает под свои революционные знамена российская демократия»; восторги по поводу Стокгольмской конференции, якобы, способной двинуть вперед дело мира и, как заключительный аккорд, призыв к «энергичным мерам в деле обороны страны, поднятия общественно-революционной дисциплины, как на фронте, так и в тылу».

На оценке значения Стокгольмской конференции провалился и такой видный сотрудник Ленина того периода, как Л. Каменев**). Но если для Каменева это был «срыв» с партийной линии, то для Ташкентского Совета это было лишь нормальное проявление хронического оппортунизма и шатания в вопросах «большой политики». Аналогичную резолюцию по этому вопросу выносит и Краевой Совет.

Слишком слабые численно и организационно, большевики. тем не менее, идут на голову впереди советов с их подавляющим оппортунистическим большинством. Большевики чувствуют за собой массу. В фактически выросшем по ряду вопросов блоке с интернационалистами (меньшевиками) они все энергичнее выступают против правых меньшевиков и эсеров. Они ведут неустанную раз'яснительную работу в массах. Психологический сдвиг масс передается частично и Советам.

---

*) «Рабочий и Солдат», 29 июля, том XIV, ч. 2, стр. 56.
**) См. том XIV, ч. II, стр. 56. «О выступлении Каменева».

Решительный толчок дает сообщение о выступлении Корнилова, пришедшее в Ташкент 28 августа. Массовое движение прорывается, несмотря на полицейско-предупредительные меры, принятые неделю тому назад Туркестанским Комитетом и частично санкционированные теми же советами.

28 августа по городу проходят манифистации под лозунгами борьбы с контр-революцией.

Корниловский мятеж окрыляет местные контр-революционные силы. Терроризованные ими, реагируя на возбуждение масс, подходят и советы, упираясь, к сознанию необходимости государственного переворота,—на заседании Ташкентского Совета от 30 раздаются речи Цвилинга и Казакова (последний заявляет: «только диктатура пролетариата может спасти страну)», и зачитывается резолюция рабочих Таштрама с требованием передать власть советам. Однако, Совет еще отклоняет не только требования единичных большевиков и рабочих масс, но даже внесенную социал-демократами резолюцию, выдвигающую неопределенную идею «революционного правительства, ответственного перед Всероссийским Исполнительным Комитетом Советов Рабочих Солдатских и Крестьянских Депутатов».

Совет принимает постановление, требующее «единства Временного Правительства и Центрального Исполнительного Комитета Советов». Совет продолжает открещиваться от власти. Из сравнения документов того периода видно, что резолюция, предложенная социал-демократами на заседании Совета и им отвергнутая, была своего рода уступкой той психологии колебания и нерешительности, которая была характерна для Совета, все еще руководимого право-меньшевистскими элементами. Иначе необ'ясним тот знаменательный в истории революции в Туркестане факт, что еще 28-го Краевое Бюро РСДРП выпускает воззвание, в котором под непосредственным впечатлением Корниловского восстания требует:

«... В революционной России вся власть должна принадлежать революционному народу и созданным им органам—Советам Рабочих Солдатских и Крестьянских Депутатов».

«Вся полнота, вся мощь высшей государственной власти отныне до созыва Учредительного Собрания*) должна сосредоточиться в руках Советов».

«Вся власть Советам»!

Несмотря на бурные манифестации на улицах с возгласами «долой буржуев»**), несмотря на решительный тон, взятый

*) В этой оговорке на счет Учредительного Собрания проявилась политическая установка меньшевиков интернационалистов (в частности Вайнштейна).

**) «Наша Газета», от 31 августа.

Краевым Бюро социал-демократов (в котором преобладали интернационалисты), несмотря на то, что в городе не было никакой реальной силы, способной противостоять переходу власти Советам (в противном случае Краевое Бюро не решилось бы выступить с такими решительными призывами), несмотря на все это, Советы власти еще не берут. В то время, как обстановка требует наступления, Советы продолжают обороняться.

И обороняться приходится.

3-го сентября опубликовывается за подписью Главковерха Керенского*) приказ: «В связи с выступлением генерала Корнилова нормальная жизнь в армии совершенно расстроилась. ...Приказываю прекратить политическую борьбу в войсках. Всем войсковым организациям и комиссарам стать в строгие рамки деловой работы, лишенной политической нетерпимости и подозрительности».

При создавшемся настроении солдат Краевой Совет вынужден был реагировать постановлением, в котором указывается, что этим приказом «не отменяется и не может быть отменена политическая пропаганда и агитация и все остальное, что связано с политическим просвещением масс и подготовкой к участию в выборах в Учредительные Собрания«. Одновременно Краевой Совет посылает Керенскому и ЦИК'у Совета телеграфный запрос, заканчивающийся следующими словами: «до тех пор, пока солдат не лишен политических прав, не может быть запрещена и политическая работа в армии. Просим немедленно телеграфного раз'яснения этого пункта (приказа) в том смысле, что такая работа не запрещена».

Ташкентский Совет заходит еще далее, принимая резолюцию о предоставлении армейским организациям право решающего голоса в вопросах о комсоставе.

Корниловщина выдвигает потребность в новых организационных формах; поскольку Советы в Ташкенте не решаются взять власть (а в Самарканде, например, Областной Совет открыто призывает к сплочению вокруг Временного Правительства),—эти поиски новых форм, отражающие возбуждение масс, приводят к кратковременным, неустойчивым организациям, вроде «комиссии для защиты свобод, завоеванных революци й», куда оказался включенным и такой «революционер», как член Туркестанского Комитета Шендриков. 7-го сентября

*) Как курьез: по поводу назначения Керенского Верховным главнокомандующим советский орган в Ташкенте, «Наша Газета» высказывается так: «В революционности его никто не усомнится, ему будет верить вся солдатская масса». Ленин в это время, получив сведения о Корниловском мятеже, писал из Финляндии в ЦК о необходимости «Раз'яснять народу, борющемуся против Корнилова, слабость и шатания Керенского», что «делалось и раньше, но теперь стало главным» (Т. XIV, ч. II, стр. 96).

возникает вопрос о ликвидации этой комиссии с многоэтажным названием, но совершенно неопределенными (особенно после провала корниловской авантюры) функциями. На совещании демократических организаций социал-демократы выдвигают идею организации «Краевого Революционного Комитета», в руках которого должна быть сосредоточена вся полнота власти для борьбы с контр-революцией. Под не вполне определенной формулировкой здесь просачивалась та же потребность и необходимость в рабоче-солдатской власти, в окончательном оттеснении Туркестанского Комитета, поскольку не назрела еще идея его революционного свержения. На Совещании проходит предложение Вайнштейна, в котором созыв этого Комитета признается необходимым и поручается Краевому Совету Депутатов.

Собравшийся на следующий день (8-е сентября) Краевой Совет, расписываясь в полной своей политической трусости и беспомощности (уже это заседание давало возможность предвидеть позорное поведение Краевого Совета в последующие дни), «признает», что его член Н. Беликов «должен был как, Председатель Совещания, не допустить как обсуждения, так и вынесения резолюции по вопросу, не стоявшему на повестке дня». Ответственность по этому действительно серьезному вопросу Краевой Совет на себя не желает взять и перекладывает ее, «считая необходимой координацию действий», на совещание краевых демократических организаций.

«Координация», однако, удалась слабо. На созванном 11 сентября совещании голосами железнодорожников и почтовиков было поддержано предложение социал-демократов (Тоболин, Вайнштейн, А. Першин) считать это совещание собранием Революционного Комитета. Предложение было отвергнуто, и социал-демократы демонстративно уходят с собрания. Большинство ограничивается решением «немедленно пополнить Туркестанский Комитет», оставив до следующего заседания открытым вопрос о кандидатах и их количестве.

Таким образом, спустя четыре месяца после майского конфликта вновь назрел кризис власти. «Видного социалистического имени» Наливкина оказалось недостаточно, чтобы остановить ход событий. Но власть буржуазии, осуществляемая Временным Правительством через Туркестанский Комитет, продолжала бы медленно скользить вниз на меньшевистско-эс-эровских тормозах, если бы за этот четырехмесячный промежуток не выросли, не накопили политического опыта и массы, и их руководители. Революция быстро шла вперед, несмотря на то, что ее саботировали меньшевики оборонцы и правые эс-эры.

Уже из фактов, нами только что изложенных, видно, что трещина в рядах «об'единенной» РСДРП выросла в пропасть с постепенным укреплением большевистской линии, с одной стороны, с полным принципиальным и тактическим размежеванием меньшевиков (правых) и (тоже меньшевиков) интерна-

ционалистов, с другой, причем последние вступили в блок с большевиками. Фактическое слияние это (в работе) не оказалось таким прочным, как оформившееся окончательно на VI с'езде партии (начало августа) слияние большевиков с интернационалистами-межрайонцами, возглавляемыми Троцким, но —на известный промежуток времени—дало все же большие результаты, чем имевшая место на том же VI с'езде попытка интернационалистов-меньшевиков вступить с большевиками в тесный контакт.

На этом примере еще раз подтверждается указанное уже выше своеобразие обстановки в Туркестане, толкавшей революционизировавшиеся массы быстрее, чем в центральной России. Основное в этом «своеобразии»: 1) особая острота продовольственного кризиса; 2) особо ярко выраженное бессилие власти Временного Правительства, иначе говоря—особая очевидность выгодного для рабочих и солдат соотношения сил в развертывающейся борьбе за советскую власть. А что борьба развертывалась не на шутку, об этом говорит и решительный раскол в партии эс-эров, притом раскол (10 сентября) с явным преобладанием левой группы, работавшей в этот период, как и меньшевики-интернационалисты, в тесном контакте с большевиками*).

Однако, вернемся к событиям.

Консерватизм—большая сила, когда он опирается на пассивную поддержку масс, либо, как крайнее условие, на хорошо сколоченный, нерасшатанный аппарат. Ни того, ни другого не было за душой у совещания краевых демократических организаций, высказавшегося против передачи власти подлинным органам масс, против организации революционного комитета в частности. За большевиками и интернационалистами стояли массы, уже 10-го и 11-го сентября кипевшие на митингах и выдвигавшие революционные требования. По массам солдат и рабочих необходимо было ударить. Ссылаясь на постановление «Совещания при Туркестанском комитете» (нужно же соблюсти демократическое приличие!), председатель Комитета Наливкин воспрещает «в городе Ташкенте 12, 13, 14 и 15-го сего сентября всякого рода под открытым небом, демонстрации и шествия», а Краевой Совет не только присоединяется к этому постановлению, но и рассылает по всем полкам и командам гарнизона срочную телефонограмму, в коей «просит раз'яснить товарищам солдатам, что неисполнение сего постановления, есть нарушение революционной дисциплины и в корне подорвет нашу организованную мощь и единение, что будет использовано контрреволюционными элементами в тот самый грозный для родины момент» и т. д. и т. д.

*) «На многолюдном бурном собрании в присутствии нескольких сот солдат правые были выгнаны»—так передает этот факт В. Черневский в своих воспоминаниях.

Эти люди продолжали жить традициями мая, когда призывы к «спокойствию» имели полный положительный эффект—по той, впрочем, простой причине, что массы к выступлению не рвались и не были готовы. Но, если в мае трусливые руководители ставили задачей предупредить не столько революционные, сколько контр-революционные выступления, то теперь речь откровенно шла о том, чтобы затянуть узду революционным и только революционным силам. Если в мае Краевой Совет действовал в полной солидарности с Ташкентским, то теперь уже успело произойти размежевание и Ташкентский Совет в лице довольно значительной доли своего состава взял решительный курс влево, к массам. А массы отказывались считаться с существующим «законным», «конституционным» порядком и стихийно искали иных путей. Достаточно было двух дней, чтобы стихийное выступление масс и руководящая верхушка партийных организаций встретились, нашли общий язык и выдвинули новую власть.

Да, вначале выступление по общим отзывам участников и свидетелей было вполне стихийно. 10-го сентября начинаются волнения во 2-м полку—на почве злоупотребления и спекулятивных операций, в которых были уличены заведывающий цейхгаузом и каптенармус. Волнения разрастаются и захватывают 1-й полк. 11-го сентября на солдатском митинге раздаются призывы приступить к реквизиции продуктов (негодование масс было вызвано как отправкой продовольственных грузов из Ташкента, так и злостной работой спекулянтов, прятавших прибывающие продукты преимущественно в старом городе*). Ораторы предлагают «потрясти буржуев». Это предложение выполнено не было, но «толпа солдат явилась на вокзал и стала задерживать не только багаж пассажиров, но и проходящие грузы» (из доклада на Краевом Совете).

Инцидент с каптенармусом ведет к установлению власти солдатской комиссии на вокзале; продовольственные неурядицы с несомненными элементами экономической контр-революции поручик Перфильев (левый эс-эр) на митинге 11 сентября ставит в общие скобки с политической контр-революцией, в частности с тенденциями и настроениями офицерства.

Солдаты—инициаторы и застрельщики сентябрьских событий—выносят постановление собраться 12-го в Александровском парке, чтобы совместно с рабочими обсудить положение. Но уже 11-го под толчком этих событий на заседании Испол-

---

*) Здесь не место опровергать подробно оригинальную концепцию т. Сафарова, склонного приписывать ревко колонизаторские настроения русским рабочим и солдатам в Туркестане в 17 г. Изучение материалов говорит, что, хотя факты, подобные только что приведенному, и будировали массу, но, как общее правило, националистические эксцессы как с той, так и с другой стороны за этот период отсутствуют. К этому моменту мы неоднократно возвращаемся в изложении.

нительного Комитета Ташкентского Совета Тоболин опять вносит резолюцию, только что провалившуюся на совещании «краевых демократических организаций». Исполком раскалывается, (правые) эс-эры протестуют против постановки вопроса о власти, указывая, что он не подлежит компетенции Исполкома. Из полков и с вокзала, несмотря на глубокую ночь, по телефону идут возбужденные запросы и сообщения. На вокзале происходят инциденты (на почве обысков и задержки грузов). Исполком вызывает представителей полковых комитетов. Большевики категорически настаивают на своем требовании «Власть Советам». Б. Першин (правый эс-эр) передает полномочия председателя Терлецкому (правый эс эр) и покидает заседание. Затем уходит и Терлецкий—остальные эс-эры тоже демонстративно оставляют комнату. Оставшиеся социал-демократы об'являют заседание продолжающимся и принимают с незначительными изменениями резолюцию Тоболина.

Вопрос о власти принципиально решен (около 4-х час. утра 12-го сентября). Дело только за окончательной санкцией масс.

12-го сентября массы с утра стекаются в Александровский парк, бросая работу. Председателем митинга выбирается Перфильев. На трибуне поочередно выступают представители самых различных партий и направлений—от правых эс-эров до анархистов. «Умеренные» ораторы встречаются толпой враждебно, иных тут же стаскивают с трибуны. С выступлениями большевиков (Шумилов, Тоболин, И. Финкельштейн и др.), митинг принимает организованный характер. С громадным под'емом, единогласно принимается резолюция, выдвигающая ряд решительных экономических мер, «могущих быть осуществленными только при условии передачи всей полноты власти в руки Советов». Приведем полностью эту историческую резолюцию:

> Обсудив вопрос о создавшемся в Ташкенте остром продовольственном кризисе и рассматривая его в общероссийском размере, вся ташкентская революционная демократия в лице 1 и 2 Сибирских полков, мелких команд, рабочих Ташкентской и Средне-Азиатской ж. д. и представители революционной демократии г. Ташкента, собравшись 12-го сентября на митинге в Александровском парке, считает необходимым заявить, что из создавшегося положения они видят выход
>
> 1) в немедленной реквизации находящихся у капиталистов предметов и продуктов первой необходимости, что может пополнить только местная власть, отражающаяся исключительно на Советы Р. С. и Кр. Д-тов;
>
> 2) в осуществлении полного рабочего контроля над производством и распределением продуктов;
>
> 3) в национализации банков и предприятий, имеющих государственное значение;
>
> 4) в правильном обмене продуктов между деревней и городом, с тем, чтобы крестьяне могли получать мануфактуру, городски продукты и сельско-хоз. орудия, а городское население хлеб;

5) в немедленном переходе всех земель без выкупа в руки трудового крестьянства;

6) в издании закона, запрещающего закрытие фабрик и заводов без разрешения Сов. Раб. Депут., профессион. союзов и фабрично-заводских комитетов;

7) в немедленном издании закона о страховании безработных за счет предпринимателей;

8) все изложенное может быть осуществлено только при условии немедленной передачи всей полноты власти в руки Советов С. Р. и Кр. Д.;

9) немедленное образование Революционного Комитета в Ташкенте из представителей всех органов революционной демократии, который с завтрашнего дня взял бы всю полноту власти, произвел бы немедленный учет всех необходимых продуктов и взял бы на себя их распределение.

Касаясь организации власти на месте, собрание считает необходимым немедленное принятие всей полноты власти Советом С. Р. и Кр. Д.».

В избранный тут же Ревком вошло 14 человек, Митинг закрывается приглашением Председательствующего собравшимся явиться вечером—без оружия—на заседание Ташкентского Совета в Дом Свободы для перевыборов Исполнительного К-та (Ташкентского Совета).

Головка Ревкома, его президиум создается в порядке довольно пестрой комбинации: Перфильев (левый эс-эр—председатель), Шмидт (анархист—товарищ председателя), Вайнштейн (интернационалист эс-дек—секретарь).

Ревком непосредственно после митинга рассматривает спешные дела по поводу реквизиции риса (грозившие осложниться национальным моментом: узбеки готовились к своему празднику «курбан-байрам»), а Туркестанский Комитет совместно с командующим войсками Черкесом и Краевым Советом решает, не теряя времени, ликвидировать самозванный Ревком, поскольку не удалась попытка разогнать вооруженной силой митинг (части, получившие соответствующий приказ, отказались его исполнить). Отдаются приказания военному училищу, школе прапорщиков. Как бы чувствуя опасность, а, может быть, имея о ней и сведения, принимает контр-меры и Революционный Комитет, рассылая по частям телефонограммы с приказанием подчиниться только его—Комитета—распоряжениям. Перфильев подписывает эти телефонограмы, как комендант города.

Вечером в Доме Свободы*) одновременно идут два заседания. В большом зале, битком набитом, зачитывается и утверждается окончательно список членов Революционного Комитета, попутно происходит еще раз конфликт с правыми эс-эрами (Б. Першин, Терлецкий), по традиции оставляющими демонстративно зал, затем приступают к обсуждению кандидатов в члены Исполкома, причем заседание Совета, ввиду громадного скопления народа и тесноты, переносится на террасу.

*) Ныне Дом Советов.

Терраса Дома Свободы (ныне Дома Советов), на которой происходило заседание Ташкентского Совета 12 сентября 1917 г.

В угловой комнате Дома Свободы тем временем заседает Революционный Комитет совместно с членами старого, переизбираемого, Исполнительного К-та.

Оцепив войсками и казаками Дом Свободы, в саду которого сосредоточены тысячи людей, абсолютно уверенных в безопасности своей и неприкосновенности своих избранников, генерал Черкес совместно с теми же Першиным и Терлецким проникает в здание и арестовывает Революционный Комитет почти в полном составе.

В новый Исполком пропорционально партийному составу членов Совета вошло 11 эс-д., 16 с.-р. и дополнительно от партийных организаций по двое (с.-д., латышские с.-д., Бунд и с.-р.). Во время баллотировки собрание узнает о происшедшем аресте. Взрыв массового возмущения и протеста.

Собрание требует послать за Черкесом. Вскоре Черкес является (нужно отдать должное его самоуверенности). Смысл его выступления перед массой: Ревком—самозванная, узурпаторская власть; Ревком—не арестован, а только «изолирован»; «изоляция»—правомерна и необходима. Сопровождавшие бравого генерала члены Туркестанского Комитета стушевываются, а негодование массы разрешается в бурной сцене. В голову Черкесу летят тяжелые предметы. С окровавленной головой и обнаженной шашкой—ему едва удается скрыться от толпы. У прокурора Барановского под угрозой самосуда вырывают обещание немедленно освободить членов Ревкома. «Изолированные» прибывают. Их встречают овацией.

Юнкеров, оцепивших Дом Свободы и брошенных своими начальниками, бескровно сменяет караул, высланный полковым комитетом. По секретному сообщению командира бригады военному министру «в 23 часа 37 мин. 12-го сего сентября в районе казарм 1-го полка сигналист без его, генерала, и дежурного по полку ведома сыграл сбор после чего «солдаты бросились к арсеналу, сбили замок и стали разбирать 3-х линейные винтовки», несмотря на все его, генерала Мухина, уговоры и увещания. Солдат, услышавших об аресте своего выборного Революционного органа, нельзя было остановить. Они шли в готовности применить оружие, если бы это потребовалось. Не ввязываясь в кровопролитие, они спокойно встали на стражу освобожденного Комитета.

Последний, совместно с вновь избранным Исполкомом, немедленно принимает ряд предупредительных, в то же время наступательных мер. Постановляет: арестовать Б. Першина, Терлецкого и Черкеса (последнего домашним арестом); назначить ком. войсками округа вместо Черкеса поручика Перфильева; разоружить школу прапорщиков с арестом его руководителей—

корниловцев; занять почту и телеграф; вынести недоверие краевому совету*).

Продолжающий заседать Ташкентский Совет утверждает эти постановления, тем самым молчаливо признает себя высшим органом власти не только в городе, но и в крае—впредь до созыва Краевого С'езда Советов.

Органы краевого управления ни в этот день, ни в последующие не были взяты властью Советов под контроль. Временное Правительство в лице своего полномочного комитета не было об'явлено свергнутым. Оно фактически превратилось в призрак, но этот призрак продолжал висеть над революционным Ташкентом. С разоружением юнкеров лозунг «власть Советам» стал реальностью, фиктивную власть Временного Правительства оставалось об'явить ликвидированной, не существующей, но это не было сделано.

Председатель Туркестанского Комитета Наливкин был тенью, но эта тень падала от сохранившего еще политическую реальность Керенского, за Белым Домом угрожающе поднимался Зимний Дворец, и революционные рабочие и солдаты Ташкента тревожно отлядывались на север, на далекую рабоче-крестьянскую Россию, раздираемую двоевластием и скользящую по узкому рубежу — от петли и штыков только что отброшенной, но продолжающей гнездиться во всех темных углах корниловщины—к сокрушительному прыжку, к открытому восстанию, к открытой схватке за власть.

Вот как определял в эти дни положение Ленин:**) «До сих пор государственная власть остается в России фактически в руках буржуазии...» «либо разгон Советов и бесславная смерть их, либо вся власть Советам—это я сказал перед Всероссийским С'ездом Советов в начале июня 1917 г., и история июля и августа подтвердила правильность этих слов с исчерпывающей убедительностью. Власть Советов одна только может быть устойчивой...» и далее***): «...достаточно было свежего ветерка корниловщины, обещавшего хорошую бурю, чтобы все затхлое в Совете отлетело на время прочь и инициатива революционных масс начала проявлять себя, как нечто величественное, могучее, непроборимое». «...Середины нет. Опыт показал, что середины нет. Либо вся власть советам и полная демократизация армии, либо корниловщина».

12-го сентября рабочие и солдаты Ташкента сделали выбор: За Советы, против корниловщины. «Демократический» строй,

---

*) Не приводим ряда дополнительных мероприятий, имевших задачу гарантировать Ташкент от контр-революционного переворота, закрепить в городе власть и правильно информировать широкие массы граждан о происшедшем.

**) т. XIV, ч. II, стр. 103, газета «Рабочий Путь» от 14-го сентября.

***) там же, стр. 105—106.

Белый Дом—резиденция Туркестанского Комитета Временного Правительства.

возглавляемый правительством Керенского, «на деле восстановляющим корниловщину» *) дал трещину в крупнейшем городе громадного края. Нароставшее за летние месяцы ожесточение масс в сентябрьские дни прорвалось.

Можно ли винить руководящих движением большевиков (и их «попутчиков») в том, что они шли в уровень с кипящей массой, а не на голову впереди, в том, что они не обнаружили сразу ясного понимания того, что «власть Советам—это значит, радикальная переделка всего старого государственного аппарата», «власть Советам—это значит полная передача управления страной и контроля за хозяйством ее рабочим и крестьянам»? **)

Можно ли винить руководителей, что они не направили рабоче-солдатский удар на Белый Дом, где на следующий день после переворота (и после жалкой попытки арестовать Ревком) раздаются речи о необходимости... совместной с Ревкомом работы, а вслед затем—стали мобилизоваться силы для контрудара?

Парижские коммунары 71 г. тоже не атаковали Версаля первые, тоже не приняли суровых мер к ликвидации контрреволюции у себя в тылу, тоже ограничились оборонительно-выжидательной тактикой, тоже не имели единого тактического и идейного руководства. Все это не помешало Марксу говорить об «исторической инициативе парижан», о восстании Парижа, как о «славнейшем подвиге нашей партии со времени июньского восстания», о «завоевании нового исходного пункта всемирной исторической важности» ***).

Конечно, нельзя ставить знака равенства между восставшими Парижа—«сердцем Франции», имевшим исключительно богатые революционные традиции и приковывавшим внимание всего мира, и—Ташкентом; равно как трудно сравнивать эпохи, отделенные почти полувековым промежутком.

Но и в Ташкенте был завоеван «новый исходный пункт», при чем отнюдь не узко-провинциального значения—на ташкентские события «реагировал» Керенский (как увидим выше), «реагировал» и меньшевистско-эс-эровский ЦИК (всероссийский) Советов, откликнулись и большевистские лидеры—Сталин, Зиновьев.

Но и в Ташкенте рабочие и солдаты проявили не малую историческую инициативу, пробив чуть ли не первую брешь в «конституционных» порядках «демократической» России, у руля правления которой истерически метался Керенский.

---

*) Ленин, там же.

**) Ленин 14-го сентября, там-же.

***) Письма Кугельману от 12 и 17 апреля 71 г.

За полтора месяца до Всероссийского переворота рабочие и солдаты Ташкента фактически установили свою диктаторскую власть в пределах города, ориентируясь на создание краевой советской власти, не отменяя двоевластия формально, но открыто противопоставляя свою власть бессильному представительству Керенского. Завершился летний период накопления революционных сил и психологической их мобилизации. Власти Советов не суждено было удержаться, зарвавшийся вперед отряд пролетарской революции должен был отступить, но отступить лишь для нового разбега. Кривая хода событий в сентябрьские дни резко подает вверх, как бы «репетируя» столь же резкий, но уже вполне сознательный под'ем к нераздельной власти советов в октябре. Событиями 12-го сентября органически заканчивается третий этап развития от февраля к октябрю в Ташкенте.

VIII. 1917 год. Четвертый этап.

Власть рабочих и солдат от постановлений немедленно переходит к делу, начиная эти постановления проводить в жизнь с полным игнорированием Краевого Совета и Комитета Временного Правительства. Берется «в работу» Продовольственный Комитет с посылкой туда надежных членов Совета, приводится в исполнение разоружение школы прапорщиков и арест намеченных лиц (Першин и Терлецкий скрылись), в «Нашу Газету» (до тех пор орган Краевого Совета) направляется в качестве редактора Цвилинг (б-к), выпускается обращение к гражданам Ташкента.

Граждане извещаются, что «Временный Революционный Комитет и вновь избранный Комитет Советов Солдатских и Рабочих Депутатов приняли власть в г. Ташкенте в свои руки», что вызвано «нерешительными действиями органов местной и краевой (подчеркнуто нами) власти, неумением или нежеланием их принять действительные меры по борьбе со спекуляцией» (продовольственный кризис еще раз выдвигается, как непосредственный мотив выступления).

По областным Советам рассылаются телеграммы несколько иного содержания. В них дается резкая оценка деятельности «высшего органа демократии края»—Краевого Совета—не только в связи с продовольственной разрухой, но и в связи с соучастием при аресте Ревкома. По энергическому, хотя и не вполне точному выражению телеграммы, Краевой Совет «отрешен» (от чего отрешен—не указано), и «полнота власти перешла» к Ревкому и Исполкому. Следует просьба выслать представителей областных, городских и мусульманских Советов и социалистических партий для образования «Временного Краевого Совета», а мотивируется последнее предложение,—«крайней необходимостью немедленной организации временной краевой власти советов—впредь до созыва Краевого С'езда Советов» (подчеркнуто нами). Прицел, как видим, берется твердый—на организацию краевой власти советов, но ни слова о Туркестанском Комитете и перспективах взаимоотношений с ним.

В тот же день (13 сентября) Краевой Совет, об'единившись с Краевыми Советами мусульманских*), киргизских и

*) Краевой Мусульманский Совет был избран на с'езде в мае. Краткую характеристику с'езда см. выше.

крестьянских депутатов постановляет: не признать за Революционным Комитетом, равно ни за какой иной организацией,—власти Краевой организации, поскольку последняя требует санкции краевых с'ездов; как естественный результат «непризнания»—выбраться из Ташкента в более спокойный город, чтобы там развернуть уже открыто контр-революционную работу. В ту же ночь КРАС эвакуируется в Скобелев*).

От оппозиции в мае Туркестанскому Комитету к борьбе (в сентябре) против рабоче-солдатских масс и их организаций—таков был путь пройденный КРАС'ом—путь вправо по мере того, как массы сдвигались влево. Революция в Туркестане уже в сентябре успела стащить с меньшевистско-эс-эровских рук демократические перчатки, когда-то испугавшие Щепкина,—наружу выдались кадетские когти: Крас мобилизует «провинцию» против революционного Ташкента, ссылаясь на те же фетишизированные принципы демократии, к которым когда-то апеллировал Щепкин. Если кадетская гора не пошла к меньшевистскому Магомету, то пошел Магомет к горе.

Не бездействует и Туркестанский Комитет. Смердящий Лазарь начинает воскресать из мертвых. Наливкин, неспособный понять смысл событий, рыцарь поруганной «демократии», которого мы не решились бы назвать наемником.—препоясывает старческие чресла мечом, назначая себя временным командующим войсками в порядке «законной» преемственности от заболевшего Черкеса и телеграфно сообщая о событиях Временному Правительству. В этой телеграмме сильно сгущены краски («погромная агитация», «крайне тревожное настроение», «туземцы основательно опасаются повальных обысков и насилий», «возможны серьезные осложнения», и т. д.), но практическая ее часть исчерпывается просьбами: назначить командующего войсками из Петрограда и отдать приказание об освобождении арестованных. Прямого вызова военного вмешательства из центра еще нет. Вплотную подходит к требованию «интервенции» член ЦИК'а (правый эс-эр) В. Чайкин, 13-го сентября телеграфируя ЦИК'у Совета: «...ЦИК, оценивая события, должен учесть чрезвычайно напряженное продовольственное положение края, а также крайне слабую связанность Совета с помощью туземного населения». И только КРАС, снимая маску, вносит полную ясность в телеграмме от 19/IX: «самочинные комитеты», «голод», «беспорядки», и как вывод—«просим немедленной присылки в Ташкент из Оренбурга верных войск, т. к. гарнизоны края малочисленны, имеют свои специальные задачи». Предусмотрительный КРАС, за малочисленностью членов проводивший свои заседания в номере гостиницы, направляет эту телеграмму и ЦИК'у, и Временному Правительству, и даже командующему войсками в Казань.

---

*) Областной центр Ферганы.

Одновременно идет борьба за массы в пределах края. Наливкин извещает места о «немногочисленном (!) митинге, созванном «безответственными лицами» и об'избрании группы, назвавшей себя Временным Революционным Комитетом, «напоминает», «что источником власти попрежнему остается Временное Правительство и поставленные им и перед ним ответственные его представители в лице Туркестанского Комитета» и «об'являет» от имени Туркестанского Комитета «во всеобщее сведение», что за названными организациями (Ревком и Исполком) право на власть не признается; предлагается «сохранить полное спокойствие и подчиняться распоряжениям одного только Временного Правительства».

Становясь явным орудием корниловщины, но все еще в плену политических иллюзий, Наливкин продолжает надеяться на компромиссное разрешение вопроса о власти, на продолжение противоестественного сожительства агентуры Временного Правительства и революционных органов, выдвинутых массой. Так, в его телеграмме Областным Комиссарам и начальникам гарнизонов от 14 сентября читаем: Туркестанский комитет не считает возможным признать Революционый Комитет законным до.... утверждения Временным Правительством. «Если это неискусный демагогический прием, рассчитанный на «передышку» до «подкрепления», то рекорд политической наивности.

Член Туркестанского Комитета Шкапский, узнав о происшедшем, телеграфирует на места из Семиречья с чисто фельдфебельской прямотой и грубостью: «предлагаю не исполнять никаких распоряжений большевиков-мятежников», и аналогичное указание в более мягком тоне дает Советам на места Краевой Совет.

Что же делают в эти дни (13, 14 и 15 сентября) Исполком и Ревком?—Принимаются решительные меры к обеспечению революционного порядка в городе. В старый город направляются специальные делегации, чтобы приветствовать «мусульман» в связи с их праздником и пресечь провокационные слухи о готовящихся, якобы, погромах. Упорядочивается дело распределения продовольствия. Организуются секции для текущей административно-организационной работы. И даже—подыскивается помещение «под курсы для инструкторов по технике выборов в Учредительное Собрание»(!).

Город начинает входить в нормальную колею. Власть Советов открыто признают даже обезоруженные части—военное училище и школа прапорщиков.

Первый замаскированный удар новой власти наносят почтово-телеграфные служащие.

Вместо того, чтобы взять под контроль аппарат самого Туркестанского Комитета, Исполнительный Комитет ограничился посылкой своего представителя (Цируль, б-к) на телеграф, но снял и последнего после заявления председателя

почтово-телеграфного союза о том, что он берет на себя необходимый контроль. Благородная доверчивость, которой грешили и столицы пролетарской революции и грешили даже после Октября (например, отпустив генерала Краснова на честное слово)—не дала ожидаемых результатов. «Контролю» были поставлены задачи не пропускать ни письменной, ни телеграфной корреспонденции, в частности по адресу Временного Правительства, без штемпеля Совета. «Контроль» выразился в том, что стали задерживаться депеши Совета, а связь Туркестанского Комитета с местами и центром была обеспечена.

Уже с 15 сентября авторитет и реальная сила Советов начинает идти на убыль. Почтовики смелеют и выносят на общем собрании обширную резолюцию, под которой, может быть, отказался бы даже Налпвкин поставить свою подпись. Резолюция эта*), констатируя, что «совершенно не имеется никаких оснований к изменению отношения к Временному Правительству», квалифицируя происшедшее, как «самочинный захват власти», который «уподобляется приему Корнилова и не только способствуют наступлению реакции, но и неминуемо повлечет кровавую борьбу во всем крае, где настроение туземного населения крайне тревожное» и т. д.,—требует (берем основное): «просить срочно по телеграфу Временное Правительство, назначить следствие по поводу происшедших событий в Ташкенте и о предании виновных революционному суду». Столь же решительную резолюцию с дополнением на счет «немедленного командирования Временным Правительством генерального комиссара, снабженного всей полнотой власти» выносят об'единенные союзы служащих. Осиное гнездо, сразу не придавленное, зашевелилось. Туркестанский Комитет начинает чувствовать за собой «организованную общественность». Туркестанский Комитет принимает меры к вызову вооруженной силы (казаков) из Казалинска и Самарканда.

Среди руководителей пролетарско-солдатской власти нет уверенности и единства. Партия с.-д., Краевой Комитет, который возглавляется Вайнштейном, переживает кризис,—от нее отходят самые правые элементы вроде И. Белькова. У большевиков своей решительной линии все еще не чувствуется, а об'единенное левое крыло склоняется—не без споров и возражений—к тому, чтобы ликвидировать Революционный Комитет, а Исполнительный Комитет «легализовать», переизбрав в более «нормальной» обстановке**),

Правда, от перевыборов, произведенных вечером 15/IX, Исполком не проиграл. При той же, примерно, пропорции

*) Здесь и в последующем широко используем «материалы» С. Муравейского с их фактической стороны.

**) Маркс писал об ошибках Коммуны (Кугельману, 12/IV—71 г.): «Вторая ошибка: Центральный Комитет (Национальной гвардии) слишком рано сложил свои полномочия, чтобы уступить место Коммуне».

партийного состава (11 с.-д., 16 с.-р., 6 дополнительных представителей от социалистических партий и 3 беспартийных); во главе его оказались Домогатский (левый эс-эр), Тоболин (большевик), Черневский (левый эс-эр). Но уже сам по себе факт перевыборов, бросающий тень на «законность» выборов, проведенных в знаменательный день 12 сентября, плюс факт ликвидации чрезвычайного органа (Ревкома), выдвинутого и в принципе, и персонально массой,—все это сигнализировало первые признаки капитуляции перед «общественным мнением», создаваемым ренегатами и дезертирами в роде членов КРАС'а и терроризованным мещанством типа почтовых чиновников и артельщиков, требовавших «немедленного ареста и предания суда Временного Революционного Комитета и его ставленников». «Оборона есть смерть всякого вооруженного восстания». Руководители ташкентского восстания продолжали вести тактику обороны, притом сдавая некоторые (и принципиально существенные) позиции. Не случайно и предложение Вайнштейна, принятое Советом на том же заседании 15/IX:—выразить сожаление по поводу неорганизованного выступления против генерала Черкеса 12/IX. «Сожаление» это, очевидно, имело не филантропический, а тактический смысл. Тактика же эта была тактикой компромисса с поднимавшей голову реакцией, и реакционной обывательщиной, к которой открыто примкнул и правый фланг актива «социалистических партий» доселе стоявшего в нерешительной опозиции к политике и правительству Керенского.

Достаточными ли силами располагали революционные организации, чтобы вести и н у ю тактику, чтобы, с запозданием, хотя бы, пресечь контр-революционную агитацию и открыто ведущуюся мобилизацию противо советских сил?

За Совет готовы были выступить активное большинство рабочих железно-дорожников и трамвая—основные кадры ташкентского пролетариата. Большинство производственных союзов (профессиональных) стояло за Совет. Не считая мелких команд, I и II Сибирские полки одни уже давали несомненный и решающий перевес в Ташкенте Совету, если бы ему пришлось отстаивать свое право на власть.

На стороне Краевого Совета и Туркестанского Комитета остаются служащие государственных учреждений (и их профессиональных организаций), офицерство, буржуазная интеллигенция и отмежеванные ходом событий стопроцентные оппортунисты от с.-д. и с.-р., юнкера военного училища и школы прапорщиков проявляют колебание.

Но это в Ташкенте. Совершенно иное соотношение сил вырисовывается, если брать в целом край. Кроме Перовска (Кзыл-Орда), Аулиэ-Ата, Чимкента, Катта-Кургана, Оша и лево-эс-эровской организации на станции Арысь, на громадном пространстве от Семиречья до Каспийского моря переворот в

Ташкенте не встретил сочувственного отклика и обещания поддержки. Призыв к организации Краевой Власти Советов не встретил на местах той горячности и того энтузиазма, который в день 12 сентября проявили рабоче-солдатские массы Ташкента.

Иначе не могло и быть: Белый Дом оставался связующим центром краевой контр-революции, в то время как революционные организации масс в Ташкенте были фактически от мест изолированы (измена на телеграфе в решающие дни) *)

Основной ствол буржуазной государственности и буржуазно-меньшевистской общественности оставался неподрезанным,— в несыщенной атмосфере он быстро давал ответвления. «Буржуазия стала требовать от Туркестанского Комитета принятия более решительных действий по отношению к Ташкентскому Совету—вплоть до закрытия газеты, издаваемой Советом, и ряда др. репрессивных мер».*)

Переломным днем можно считать 16 сентября. В ночь на 16-ое Туркестанский Комитет получает следующую телеграмму от «Министра-Председателя» Керенского.

> «Ташкентский Совет солдатских и рабочих депутатов, сместив в Ташкенте представителей власти, назначенных Временным Правительством и арестовав членов Краевого Совета рабочих и солдатских депутатов, пытается овладеть властью во всем Туркестане. Преступная попытка Ташкентского Совета расшатать на далекой окраине власть республиканского правительства—является явно контр-революционной и будет признана мятежем со всеми последствиями такого признания. Захватчики власти будь то отдельные лица, воинские части или организации, которые в 24 часа не подчинятся представителям Временного Правительства—понесут наказание по всей строгости закона. Предлагаю в Ташкенте немедленно освободить всех арестованных и восстановить их власть везде, принять немедленно самые решительные меры для восстановления порядка, не отступая перед действием вооруженной силы. Высылаются войска и пулеметы. Генеральный комиссар и командующий войсками выезжают. Телеграфируйте всем уездным комиссарам».

Эту телеграмму Наливкин немедленно передает областям и уездам с выразительным дополнением, в котором между прочим подчеркивается, что Туркестанский Комитет «отныне облечен всей полнотой военной и гражданской власти». Воспрянувший духом Наливкин решается провести через приказ по войскам принятие на себя (временно) командования войсками округа. Призрачная власть Временного Правительства под влиянием магических слов «высылаются войска и пулеметы» начинает облекаться живой плотью. В артерии, пораженные

---

*) За отсутствием правильной информации гарнизон Кушки, например, протестует, против действий ташкентских рабочих и просит Краевой Совет переехать в крепость Кушку (из резолюции). И только через несколько дней, получив информацию из иных уст, Кушкинский Совет и его гарнизон «требует немедленного переизбрания позорно бежавшего Краевого Совета». (Из воспоминаний Якименко, «Красная Летопись Туркестана»).

*) Из воспом. Д. Манжары.

уже старческим склерозом, вливает свежую кровь перспектива бросить на колени революцию—хотя бы угрозой кровопролития.

Но прежде чем излагать дальнейшие события в Ташкенте, необходимо оглянуться на европейскую Россию, откуда уже надвигалась военная сила «для восстановления порядка».

В эти дни созывается и работает Демократическое Совещание, созванное правительством, чтобы создать под собой опору в широких «демократических слоях» и по словам Ленина «не представлявшее большинства (революционного народа), а лишь соглашательские мелко-буржуазные верхи». *)

Иллюзорным надеждам добросовестных оппортунистов в роде Чернова и потенциальных корниловцев (типа Керенского) был дан основательный отпор декларацией фракции большевиков: лозунг советской власти провозглашается здесь открыто.

Большевистские резолюции впервые проходят в Петроградском Совете 31-го августа и в Московском 6 сентября. В течение сентября в руки большевиков переходит большинство губернских Советов и почти все Советы фабрично-заводских центров. **)

14-го сентября Ленин исчерпывающе под'итоживает суть политического момента: «Середины нет. Опыт показал, что середины нет. Либо вся власть Советам и полная демократизация армии, либо корниловщина».

Немудрено, что к корниловщине тяготеющее правительство так решительно реагировало на панические телеграммы Наливкина, Чайкина и проч.

Инициатива правительства была преданно поддержана достойными делегатами достойного учреждения—Краса—Фитерманом и Булинским: обнаружилась полная солидарность в вопросе о посылке карательной экспедиции в Ташкент. Советская группа Демократического Совещания (представлявшая на нем меньшинство), дебатировавшая «ташкентский вопрос», апеллирует к ЦИК'у Советов—давно уже износившему свое первородство, продавшего его правительству Керенского—во имя «свободы», «дисциплины» (конечно, «революционной») и «порядка». Меньшевистко—эс-эровский ЦИК «корректирует» огонь по Ташкенту, добившись прикомандирования к военной экспедиции комиссаров (конечно, из «социалистических партий»), никому не повредивших и никому не помешавших.

В Ташкенте тревога и оживление. Смещение Черкеса разрывало нить законной преемственности военной власти, вызы-

*) Т. XIV, II ч., стр. 134.

**) Последние данные мы берем из примечаний ко 2-ой части XIV тома, собран, соч. Ленина (стр. 512). Там же читаем: «на местах кое-где делаются частичные попытки создания Советской власти или издания отдельных декретов. 16 сентября ташкентский Совет взял власть в свои руки, что вызвало вооруженное вмешательство Временного Правительства». Дата перепутана, но ташкентские сентябрьские события оставлены на свое заслуженное, историческое место

вало расстройство и растерянность офицерства. Телеграмма Керенского и официальное об'явление Наливкина командующим войсками эту нить восстанавливает—армейская контрреволюция начинает действовать. Освобождается из под ареста генерал Черкес и др., смещается и арестовывается (затем освобождается, чтобы опять попасть под арест), комендант города. Снимаются верные Совету караулы и ставятся новые. Вооружается разоруженная школа прапорщиков—совместно с юнкерами и мелкими командами (писарей и т. д.), она захватывает артиллерийские склады и разбирает винтовки. Стоявшие ранее за Ревком части крепостной артиллерии проявляют колебание. У Исполнительного Комитета отбираются автомобили.

В Ташкенте фактически начинается военный переворот, хотя революционный командующий войсками формально не смещается, и основные вооруженные кадры (1 и 2 Сибирские полки, саперы и т. д.) остались верны Советам. Ревком и Исполком телеграфом просят военного министра Верховского утвердить Перфильева командующим войсками, а последний вызывает из 2-го полка вооруженную команду в 200 человек для охраны Дома Свободы. По городу рассылаются пикеты для наблюдения за действиями юнкеров и предотвращения возможного нападения. В этот же день (16-го) становится известным истинное положение вещей на телеграфе и туда посылается крепкий караул.

Игнорировать Туркестанский Комитет далее становится невозможным, и Исполком посылает к Наливкину делегацию с с просьбой явиться в Дом Свободы и дать Совету раз'яснение по поводу происходящего. Делегация возвращается, не добившись аудиенции, но спустя несколько часов Наливкин сам неожиданно оказывается в Доме Свободы. Об'езжая город и наткнувшись на расставленные по приказу Перфильева пикеты, он стал зачитывать солдатам приказ Керенского, подтверждающий назначение его—Наливкина—Временным Командующим Войсками; в ответ на убедительные раз'яснения солдаты просят ехать его дальше; неудачливый конкурент Перфильева с таким же успехом пытается с'агитировать второй пикет на своем пути; третья его беседа кончается тем, что солдаты вежливо, но твердо предлагают Наливкину доехать до Дома Свободы. Напряженность атмосферы характеризуется следующей выразительной деталью: Перфильев отбирает у Наливкина шашку.

Вступившие с ним в переговоры Тоболин и Вайнштейн выдвигают ряд требований, как минимальную основу для сохранения гражданского мира в городе и безболезненной ликвидации конфликта (о дальнейшем наступлении с советской стороны уже нет речи): сохранение за Советом всей власти на территории города, полный контроль над каким бы ни было

передвижением войск; охрана государственных и военных учреждений тоже должна быть целиком оставлена за Советом; распоряжения командующего войсками обсуждаются в Совете; власть в крае реорганизовать на началах коалиции представителей Временного Правительства с Краевым Советом (очевидно, имеются ввиду недальние его перевыборы на предстоящем Краевом С'езде Сов'тов). Вечером на об'единенном заседании Исполкома и Ревкома были еще раз заслушаны заверения Наливкина, что «выступление некоторых вооруженных команд и школы прапорщиков» произошло без его ведома и «было делом безответственных лиц», что он даст в центр телеграммы об отмене присылки войск и что на следующий день будет подписан окончательный текст договора—пленника отпустили с миром (это было уже глубокой ночью *).

Своего слабохарактерного председателя вправляют в твердую колею члены Туркестанского Комитета совместно с представителями «общественных организаций». Наливкину указывают, что телеграмма Керенского не оставляет возможности переговоров. Тут же приходит еще телеграмма—от члена Временного Правительства (министра Почты и Телеграфа) Никитина: «Военная экспедиция посылается, держитесь стойко». Наливкин меняет фронт, пересылая Исполкому телеграмму Керенского (приведенную выше) с кратким пояснением: «истечение 24 часового срока, значащегося в прилагаемой телеграмме, будет мною считаться завтра, 18 сентября, в 12 часов дня». Одновременно вызываются казаки из Казалинска.

Ташкентский Совет не сдается. На ультимативное требование Наливкина, он отвечает с достоинством:

> «В ответ на ваше обращение от с. ч. Исполнительный Комитет заявляет Вам:
>
> 1) что он, Исполнительный Комитет, считает недопустимым в в сношениях органов республиканской власти с полномочными органами революционной демократии советами—проявление требования ультимативного характера.
>
> 2) Что состоявшейся вчера, 16 с. м. вечером, соглашение Исполнительного Комитета с представителем Туркестанского Комитета требует присутствия представителей Временного Правительства на закрытом заседании Ташкентского Совета Солдатских и Рабочих Депутатов, назначенном сегодня в 3 часа дня.
>
> Ввиду этого предлагаем вам прибыть к назначенному времени на заседание Совета».

Одновременно Ташкентский Исполком обращается к трудящемуся населению Ташкента (даем в выдержках):

> «Временное Правительство, в лице Керенского, введенное в заблуждение неверными сообщениями Туркестанского Комитета о происходящих якобы в Ташкенте беспорядках и анархии, распорядилось принять меры для подавления.

---

*) В 12 час. ночи вооруженные юнкера направляются к Дому Свободы, чтобы освободить Наливкина. Последний высылает приказ разойтись—«я не арестован и не подвергаюсь опасности».

Одобренные этим приказом, контр-революционные силы стали мобилизоваться.

Притаившиеся на время контр-революционные генералы, не дожидаясь приказаний свыше, стали вооружать «верные» части, чтобы двинуть их против органов революционной демократии.

...Встревоженные мобилизацией черных сил, верные революции и органам демократии 1-й и 2-й Сибирские полки и др. части стали под ружье, готовые силой оружия отстаивать права народа.

Подавляющая сила на стороне демократии.

Но Исполнительный Комитет Совета и Временный Революционный Комитет, не желая допустить пролития народной крови, приняли энергичные меры для предотвращения вооруженного столкновения.

...Стараниями представителей революционной демократии кровопролитие избегнуто.

Но Исполнительный Комитет Советов С. и Р.Д. и с ними вся революционная демократия не допустят умаления прав народа.

Предательская и вредная делу народа деятельность контр-революционеров должна быть прекращена.

Ложное освещение событий и искажение воли и действий демократии Ташкента перед лицом Временного Правительства и всей демократической России должно быть разоблачено.

...Исполнительный Комитет считает необходимым сохранение полного порядка и спокойствия в городе.

Граждане! Рабочие и Солдаты! не предпринимайте никаких выступлений без призывов Совета и его Исполнительного Комитета.

...Будут приложены все усилия к тому, чтобы были осуществлены требования народа, и чтобы введены были порядок и справедливость в деле снабжения и продовольствия беднейших слоев населения».

В этом же воззвании в основных чертах излагается и самый ход событий—Совет апеллирует к массам, в массах ищет опоры и, чувствуя эту опору, не сдает своих позиций.

Вечером того же дня (17-го) заседание Совета*) в присутствии Наливкина, устно согласившегося снять (еще одно колебание) свой ультиматум, выносит энергическое постановление, в котором протестует против действий Туркестанского Комитета и считает необходимым:

1) обязательное участие комиссаров Совета в гражданском и военном управлении края, 2) удаление лиц ком. состава, скомпрометировавших себя явным контр-революционным направлением, 3) войсковые части могут выступать по требованию Туркестанского Комитета только с санкции Исполнительного Комитета Совета, 4) не подвергать войска, верные делу революции, никаким репрессиям и выводу их из Ташкента и 5) образовать следственную комиссию на равных началах из представителей Исполнительного Комитета Совета и Туркестанского Комитета—для расследования преступлений, совершенных некоторыми лицами командного состава и Ташкентской школы подготовки офицеров военного времени».

18 сентября переговоры происходят с утра в Белом Доме и чуть не срываются окончательно. В ж.-д. мастерских вскипает возбуждение—проносится слух, что делегаты Совета подвергнулись аресту. В Белый Дом направляются уже рабочие

*) На этом заседании Ревком заявляет о сложении с себя полномочий.

делегации (железно-дорожники, и трамвая)—с угрозой забастовки, если не будут исполнены требования Совета. Ташкентский Комитет РСДРП, естественно нервируемый слухами об аресте представителей Совета и истечением срока «ультиматума», открыто призывает к забастовке специальным воззванием (составленным под руководством Тоболина)*).

Однако, вечером (18-го) под непосредственным нажимом представителей от производств и профсоюзов на Туркеотанский Комитет—с ним заключается соглашение на следующих условиях: ультиматум считается аннулированным; гарантируется неприкосновенность лиц и частей, участвовавших в последних событиях; Туркестанский Комитет телеграфирует Начальнику военной экспедиции (Коровиченко) о «ненужности» карательного отряда; телеграмма Исполкома, а равно и ему адресованная корреспонденция, не подвергаются цензуре и не задерживаются; Исполком Совета при этих условиях обязуется способствовать всеми мерами к сохранению порядка в городе.

Этот текст уже выразительно говорит о сдаче Советами основных позиций. Ни слова об отпоре местной войсковой контрреволюции, ни слова уже об участии Совета через своих комиссаров в краевом управлении. О б о р о н а принимает харак-

---

*) Туркестанский Комитет Временного Правительства в союзе с контр-революционными силами стремится ликвидировать Совет Рабочих и Солдатских Депутатов,—полномочный орган рабочего класса и революционных войск Ташкента.

Вводя в заблуждение лживыми сообщениями о событиях и роли в них Совета, как Временное Правительство, так и общественное мнение края и всей России, Туркестанский Комитет добился от центрального правительства исключительных полномочий.

Туркестанский Комитет осмеливается давать предписания и приказы Совету.

В революционной России Временное Правительство и его органы существуют постольку, поскольку оно признается Советами, но Советы не подчинены Временному Правительству.

...Защита прав революционной демократии лежит на Вас, товарищи рабочие, ибо освобождение рабочего класса должно быть делом рук рабочих.

Верные делу революции революционные войска Ташкента стали на защиту прав революции.

Слово за Вами, товарищи рабочие. Революционные силы рабочего и солдата должны быть об'единены.

Мы всегда призывали Вас, товарищи, отстаивая ваши права, выступать совместно и организованно.

Часть выступления пробил.

Мы призываем Вас, товарищи рабочие, для поддержки пред'явленных Туркестанскому Комитету Вр. Пр-ва требований для сохранения сделанных завоеваний, сохранения органа революции—Совета, спасения революции,—к выступлению организованной забастовкой.

Организуя забастовочные комитеты, бросайте, товарищи, работу и воздерживайтесь от выступления на улицу и демонстраций.

Да здравствует русская революция!

Да здравствует единение солдата и рабочего!

За дело революции—вперед!

тер отступления. Но противник продолжает наседать. Неожиданно выясняется, что Наливкин, взбудораженный прокламацией социал-демократов (выше приведенной), не считает себя связанным обязательством остановить военную экспедицию.

Не давая подробного анализа последующих постановлений партийных, советских и профессиональных организаций, также подробного изложения хода взаимоотношений между рабоче-солдатскими органами и агентурой Временного Правительства, ограничимся указанием самых главных моментов.

В рядах рабочего фронта начинает чувствоваться дезорганизация и разброд. Ташкентский Совет угрожает Туркестанскому Комитету всеобщей забастовкой, а Ташкентский Комитет Р. С. Д. Р. П., не имея сведений о срыве соглашения, призывает рабочих не прекращать работу. Перфильев просит снять с него обязанности командующего до краевого с'езда.

Самарский Совет выступает с защитой КРАС'а и обвинением ташкентских организаций. Об'единенное собрание союза служащих постановляет «требовать вывода 1-го и 2-го Сибирских полков» и «формировать народные дружины для самозащиты». Краевой Совет сносится с н-ком карательной экспедиции Коровиченко, ожидающим в Самаре прибытия казачьих войск из Петрограда. И решающий моральный удар: от ЦИК'а Советов прибывает (почь на 19-е) телеграмма, об'являющая действия ташкентских рабочих и солдат «контр-революционными» и требующая—немедленного упразднения самочинного революционного комитета; немедленного освобождения всех арестованных комитетом, сложения функций должностных лиц с руководителей движения; восстановления прежнего Исполнительного К-та; передачи в цейхгаузы оружия, находящегося на руках; созыва Краевого С'езда для организации следственной комиссии и прокурорского надзора для расследования беспорядков. Заключительные слова телеграммы: «ЦИК предупреждает: правительство отправляет в Ташкент войска, и вина за кровопролитие в случае неисполнения указанных требований падет на указанных выше лиц и членов Комитета» (Перфильева, Белецкого и Гриневича).

Этот полицейско-погромный поход по телеграфу со стороны организационного центра Всероссийской меньшевистско-эс-эровской «демократии» был вызван не только фальшивой информацией. Здесь сказалась общая политическая линия ЦИК'а, определяемая теми же основными моментами, как и линия КРАС'а (дело только в масштабе). Отчаянные усилия предупредить расхождение «ножниц» между тяготеющим к корниловщине правительством Керенского и массами, которые все определеннее шли за большевиками, отчаянные попытки предупредить и затормозить под'ем революции на новую ступень—в обстановке обострявшейся борьбы неизбежно вели к контакту с контр-революционными силами. В обще-россиийком масштабе

линяли, «белели» красные бантики «революционной демократии», претендовавшей на выражение обще-народной воли под гегемонией просвещенных буржуа. Буржуазия организовалась против революции, буржуазия мобилизовала в борьбе меньшевиков и эс-эров. Советы становились либо средоточием сил пролетарской революции (Питерский, Московский, Ташкентский и др.) либо, за давностью выборов, перестав отражать волю избирателей, становились резервной и сотрудничающей силой контр-революционной буржуазии.

Под напором реакции Исполнительный Комитет Ташкентского Совета снимает свои караулы в городе, вернее санкционирует их снятие, оставляя «почетный караул» у Дома Свободы. По железно-дорожной линии рассылаются делегаты для предварительной агитации за забастовку и принятия всех мер к задержке карательной экспедиции. ЦИК'у посылают телеграмму с извещением, что Ревком распущен, Командующий снимается, арестованные освобождены; в телеграмме подчеркивается, что состав нового Исполкома законный, что если кровавые эксцессы и возможны, то они будут исходить от юнкеров военного училища и школы прапорщиков, что столкновение провоцируется безответственными чиновниками, влиянию которых подпал Наливкин. «Поддержите демократию против контр-революции. Требуем задержания карательной экспедиции».

Но рабоче-солдатские организации Ташкента, отрезанные в течение важнейших дней при захвате ими власти от остального мира, и теперь, при отступлении, не имеют возможности снестись с центром, откуда надвигается генеральский «порядок» —телеграммы Исполнительного Комитета перехватываются. В Петроград посылают делегатов для информации и принятия возможных мер.

20—21-го Исполком снимает последние караулы, констатирует (наконец то), что с ним «Туркестанский Комитет не желает работать в контакте» и сносится с последним через Краевую конференцию Советов *), пред'являя Туркестанскому Комитету еще раз свои требования; отмена военного положения (введенного с 21-го); выполнение требований, сорванных 18-го сентября; восстановление свободы печати («Наша Газета» была закрыта); обязательное участие комиссаров Ташк. совета в гражданском и военном управлении края до создания Краевого Совета Рабочих и Солдатских депутатов; образование следственной комиссии из членов Исполнительного Комитета

*) Краевой с'езд оказался отложенным на 29-е формально за малочисленностью делегатов, а по существу—под давлением прибывших членов КРАС'а и членов Туркестанского Комитета, в котором к этому времени неустойчивый Наливкин оттирается, и руководящая роль полностью переходит к энергичному Шендрикову, поддерживающему усиленную связь с Коровиченко.

и Туркестанского Комитета для расследования преступлений, совершенных офицерами ташкентской школы; контроль и санкция Исполнительного Комитета при выступлении войсковых частей «если это выступление касается города Ташкента».

В этой «ноте», переданной уже через третьих лиц, опять чувствуется решительность тона, но дать результат эти переговоры уже не могли.

Всеобщая забастовка, агитационно и организационно подготовленная в предыдущие дни, начинается с 20-го сентября и носит ярко выраженный политический характер—характер протеста против генеральской экспедиции и меньшевистского предательства. Широкого, туркестанского размаха, однако, она не приняла, не смогла и воспрепятствовать приближению отряда Коровиченко. Показав решимость и единство Ташкентского пролетариата, забастовка характеризовала тем не менее уже отлив революционной волны. Для того, чтобы подмыть укреплявшийся день за днем в городе режим военной диктатуры Временного Правительства, забастовка была явно недостаточным средством, представляя и сама по себе менее активную форму движения и борьбы—по сравнению с могучим разрядом организационной инициативы масс, стихийной вспышкой массового негодования, отметившими дни 11-12 сентября, как самые яркие даты для Ташкента между Февралем и Октябрем.

Решительное наступление реакции начинается 23 сентября, когда прибывшие из Самарканда казаки совместно с верными правительству местными частями войск совершают нападение на Дом Свободы, уже никем не охраняемый. При разграблении здания были арестованы два члена Исполнительного Комитета. В тот же день подвергается аресту советский комендант города.

24-го сентября, несмотря на все принятые меры (от телеграммы вплоть до проекта взорвать мост через Сыр-Дарью у Казалинска), прибывает Генеральный Комиссар и командующий войсками Коровиченко—с несколькими сотнями казаков, пулеметами и двумя бронированными автомобилями. Его восторженно встречает городская буржуазия, не чувствовавшая в лице Туркестанского Комитета настоящей твердой власти, при всей решительности Шендрикова, и сильно встревоженная забастовкой, разроставшейся, несмотря на категорическое запрещение ее специальным постановлением Туркестанского Комитета.

При своем более четком социальном упоре (откровенно—на «живые силы») Коровиченко более успешно справлялся с ролью «демократического диктатора» а-ля-Керенский, нежели Наливкин (последний через несколько дней освобождается от обязанностей члена Туркестанского Комитета).

Генерал закрепляет свою популярность в соответствующих кругах и уже 26-го выступает с широковещательной деклара-

цией—программой—приказом; после шаблонного вступления, в котором фигурируют «безответственные лица», «открытый мятеж», «преступные и контр-революционные действия», в приказе следует реальная его часть: о предстоящем привлечении и предании военному суду всех лиц, виновных в мятеже против Временного Правительства и призыве к неисполнению законных распоряжений власти, (причем особенное ударение ставится на агитацию среди воинских чинов); об организации Особой Следственной Комиссии («для всестороннего расследования всех обстоятельств дела и беспристрастного выяснения виновных»), правда, на паритетных началах, но со включением самых матерых волков со стажем в царских судебно-карательных органах; «смута и анархия», водворившиеся после 12 сентября в столице края, не могут быть терпимы»,—с весом заявляет генерал.

Идут ли на убыль «смута и анархия»? На убыль не идут, но уходят на время вглубь. Дезорганизованные еще до приезда Коровиченко, а отчасти и угрозой его приезда, ряды переваривают уроки событий и ждут натиска контр-революции, ждут, когда генерал перейдет от слов к делу.

Прибытие карательной экспедиции на первых порах не вносит особых перемен в положение, тем более, что части Коровиченко шлют на заседание Совета своих представителей, которые вполне дружелюбно заявляют, что «ехали сюда подавлять мятеж, которого не видят, и надеются, что им не придется проливать братскую кровь». Стачечный комитет рабочих, действующих в тесном контакте с Исполкомом Советов, продолжает выдвигать радикальные и ныне уже явно неосуществимые мирным порядком требования, вроде «немедленного расследования всех действий Туркестанского Комитета, но после согласия Коровиченко снять военное положение—по инициативе Исполнительного Комитета соглашается прекратить забастовку (прекращена 28-го). Ташкентский Совет, 21-го выражавший «полное свое недоверие Туркестанскому Комитету Временного Правительства», 26-го без возражений заслушивает раз'яснение председателя, что «отношение Исполнительного Комитета к Туркестанскому Комитету нельзя считать определенным, т. к. товарищи из Самарского Совета и представители Краевой Конференции берут на себя миссию вести переговоры с Туркестанским Комитетом», а 27 го Исполком мотивирует возможность прекращения забастовки тем, что «сейчас критический момент борьбы за власть и существование Совета миновала и открывается возможность других форм борьбы в единении с демократией всего края». И в довершение этой идиллической картины Коровиченко (в последних числах сентября) издает приказ, в котором удовлетворенно констатирует: «прибыв в Ташкент вместе с эшелоном воинского отряда, ...я нашел в городе внешнее спокойствие и наружный порядок. В

Ташкенте все войска гарнизона вполне преданы Временному Правительству, кроме одного Сибирского запасного полка. ...Настроение этого полка подавленное и тревожное за последствия мятежа. Однако, наблюдается известный перелом и в этом полку». Словом, хотя и «внешнее», но спокойствие, хотя и «наружный», но порядок.

Эти жизнерадостные надежды подкреплялись и теми тенденциями, которые можно было уловить в настроениях местного населения.

В классовую борьбу европейского города, принявшую в сентябре ожесточенные формы, местное население активно не втягивалось, далекое и от того, чтобы открыто использовать обстановку политического кризиса в националистическо-сепаратистских целях.) Но проявлявшая вообще значительную активность местная буржуазия не могла симпатизировать Советам. Происходивший в конце сентября чрезвычайный общемусульманский с'езд, прошедший под знаком преобладания Улемы. указывает на «принципиальную недопустимость незаконного вмешательства чуждых и незнакомых с бытом и условиями жизни местного населения организаций всякого рода в дело организации и деятельность местных административных органов (аул, волость, участок, уезд); (указать) на абсолютную вредность насилий, родовой, партийной вражды, питающей злостную агитацию со стороны безответственных лиц».*)

И общая тенденция этих слов и хорошо знакомая по российским образцам терминология («безответственные лица» и проч.) подводят к предположению, что речь здесь идет прежде всего о зловредной деятельности советских и вообще революционных организаций. Предположение это подкрепляется дальнейшими словами цитированной резолюции: «признать необходимым обратиться к населению края с воззванием о сохранении на местах порядка, призвать граждан к дружной и солидарной работе по организации и просить Туркестанский Комитет Временного Правительства принять срочные меры к введению земского самоуправления в крае и подготовке населения к предстоящим выборам в Учредительное Собрание».**)

«Тон делает музыку»—замечает Г. Сафаров, комментируя дальше «тон» этой резолюции... И, вероятно, музыкальные уши главарей российской реакции в Туркестане не особенно коробили такие, например, диссонансы, врывавшиеся в мелодию «дружной и солидарной работы», к которой призывали ораторы из Улемы и Шуры-Исламии:

«28-го сентября в Коканде происходили выборы в Городскую Думу. Союз трудящихся мусульман выступал совместно с большевиками, выдвинув единый рабочий список кандидатов.

*) Сафаров, «Колониальная Революция», стр. 63, ср. его последующие замечания.

**) Там же.

На митинге перед выборами, состоявшемся в мечети кокандского хана, ораторы от каждой организации агитировали за своих представителей. Агитаторы Шура-Исламия кричали: «сторонники 4 го списка (об'единенный рабочий список)—большевики! Они отбирают землю и открывают лицо женщин. После чего усилились голоса «бей туртенчи!»*) И толпой, руководимой улемистами, в разных местах были убиты пять человек руководителей союза трудящихся мусульман» **)

Реакционные настроения на фоне разгоравшейся политической борьбы среди местного населения выливаются в ожиточенные формы. Наступательные действия реакции, предводимой европейском генералом, носили пока иной характер. Но все же наступать было необходимо—необходимо было создать настоящее «спокойствие» (а не только внешнее), настоящий «порядок» (а не только наружный).

Генеральская подачка со снятием военного положения масс удовлетворить не могла, каким бы иллюзиям не поддавались их руководители и руководящие органы. Конфликт с Туркестанским Комитетом принял хроническую и скрытую форму, но оставался неразрешенным, несмотря ни на уход Наливкина (по сути—одного из наиболее безобидных членов Комитета), ни на то, что Туркестанский Комитет вообще стушевался за крепкой спиной Коровиченко. И если даже этот конфликт и сглаживался с заключением «договора» 3-го октября, по которому «генеральный комиссар в мероприятиях, касающихся расформирования и передвижения воинских частей Ташкентского гарнизона, будет действовать в контакте с военным комиссаром Временного Правительства и представителями Исполнительного Комитета», то с другой стороны именно этот пункт договора укреплял среди солдат не только сознание своей силы, но и сознание правоты при отстаивании своих прав, что неизбежно должно было порождать новые и новые конфликты. И это тем более, что основная тактическая линия Коровиченко была взята на обезоружение города, в котором шло сильнейшее, хотя и скрытое, революционное брожение, на вывод из города революционно настроенных частей.

Еще 26-го сентября в Совете было заслушано сообщение, что «увольняемые солдаты не хотят увольняться до окончательных результатов переговоров Исполнительного Комитета с представителями Временного Правительства». Солдаты, рвавшиеся на родину при царском правительстве, видят насквозь маневр командующего войсками, и тягу к дому перевешивает (и перевешивает до конца у многих) сознание гражданского и революционного долга, сознание, что «революция в опасности».

*) «Туртенчи»—четвертый; впоследствии по этому номеру списка стали называть большевиков.

**) Из воспоминаний Юсупова.

Фактически установившаяся, не смотря на всю дипломатическую воспитанность Коровиченко, военная диктатура, предстоявшая работа Особой Следственной Комиссии, откровенная концентрация право-буржуазных элементов вокруг Коровиченко,—все это заставляет сдвинуться влево и значительную долю делегатов открывшегося 30-го сентября Краевого С'езда Советов. Левое крыло на нем отслаивается отчетливо (с'езд изобилует бурными сценами и столкновениями), отслаивается на основе обычной коалиции большевиков, интернационалистов и левых эс-эров. Созданный после с'езда Краевой Совет не покидает позиций критики Коровиченко и его агентов и контакта, правда, осуществляемого лишь через отдельных лиц, с Ташкентским Советом.

В начале октября идет энергичная кампания за восстановление «Нашей Газеты», закрытой в 20-х числах,—выносятся десятки постановлений. Ко 2-му октября относится выразительнейшая резолюция общеполитического свойства, принятая собранием полкового (2-й полк), ротных и командных комитетов: Протестовать против контр-революционных действий, которые и шли, и идут против Совета Солд. и Рабоч. Депутатов; присоединиться к резолюции Краевого С'езда от 30 сентября об освобождении прапорщика Гриневича и др. арестованных; известить местную власть, чтобы она не рассчитывала на поддержку 2-го полка, если нарушены будут его права, которые он будет поддерживать всеми законными средствами.

Почва под Коровиченко начинает нагреваться. Назревает необходимость решительных предупреждающих действий. Назревает необходимость вплотную взяться за выполнение своей миссии. Коровиченко переходит к решительным действиям, наталкиваясь на ожесточенное сопротивление, перерастающее в вооруженное восстание.

Но нам предварительно необходимо под'итожить основное содержание рассмотренного этапа борьбы (тесно связанного с предыдущим).

Без помощи извне, при отсутствии выдержанного и твердого руководства движением—взрыв 12 сентября заставил пошатнуться власть Временного Правительства, но не обрушил ее. Двоевластие не было уничтожено до конца. На территории города Ташкента орган Временного Правительства—Туркестанский Комитет на несколько дней отодвинулся на задний план, скрылся из видимого кругозора, исчез, как государственно-принудительный аппарат.

Но, не лишенный своих формальных полномочий, а наряду с ними, сохранив реальнейшие средства связи (почта, телеграф), Туркестанский Комитет продолжал существовать и в течение этих дней для края в качестве авторитетной власти, а наряду

с этим в качестве таковой продолжал существовать и для центральной российской власти.

Для рабоче-солдатских масс и их организаций откос оказался слишком крутым, чтобы взять его с первого разбега—необходимо было заранее рассчитать угол под'ема и наметить точки опоры, а для этого нужно было иметь больший опыт борьбы и, что тесно связано,—более дальновидное и решительное руководство. Тогда генералу Коровиченко пришлось бы вспомнить непосредственно по прибытии о генерале Галифе, и неизвестно еще, достались ли бы ему такие же мрачные лавры победы (революционный Ташкент обладал значительной вооруженной силой).

Подчеркивая недостаток опыта и руководства, мы этим указываем на стихийный характер движения 11—12 сентября, как на преобладающий его характер. Вот, что говорит один из виднейших деятелей того времени Тоболин в конце сентября: (на совещании с.-д.) «народ, негодуя на бездействие продовольственного комитета и Совета Солдатских и Рабочих депутатов, выбрал Комитет (Ревком) из 14 человек и приказал нам взять всю полноту власти в свои руки. Покорные воле народа, мы приняли власть» (подчеркнуто нами). Характерна в этом заявлении не столько формулировка, отзывающая «народническим» душком, и даже не столько указание на то, что меньшевистско-эсэровский в большинстве Совет накануне сентябрьских событий не мог удовлетворить массы, сколько выражение «народ приказал». Однако, мы приводили факты, устанавливающие неопровержимо, что вопрос о власти ставится советами и партией, притом ставится приблизительно одновременно с твердым волеизъявлением масс. Приходится понять слова Тоболина так: тесно слившись с движением, руководители подсказывали массам ближайший шаг борьбы, не осознавая достаточно четко перспектив дальнейшего ее развития, руководители организовывали движение в самом его процессе, но руководить в полном смысле слова, как штаб руководит армией, или, как питерский большевистский штаб в октябре руководил захватом власти, руководить движением, не сливаясь с ним, а возглавляя его в действительном смысле слова—в Ташкенте большевики, а тем более их спутники и сотрудники—(левые эс-эры и интернационалисты) не могли.

Единого штаба движение не имело, ибо руководить движением, не тормозя его и направляя по верному руслу, могли бы только б-ки, а последние не имели своей самостоятельной организации—слабость руководства в дни отступления, при крайне трудной притом внешней обстановке (изоляция от края и угроза интервенции с севера), приводила к противоречиям и разброду, некоторые признаки которого мы уже отметили, и к общим колебаниям линии, несомненно усиливаемым пестротой партийного состава руководителей.

Охарактеризированную стихийность движения нельзя, однако, подчеркивать, как его отрицательную, и только отрицательную сторону. Если стихийный характер движения в Ташкенте, притом, заметим, за полтора месяца до Октябрьского переворота, выдает нам слабость революционного руководства, то с другой стороны, тем необходимее становится отметить инициативу и воодушевление массы, как бы почувствовавшей себя уже на подступах к Октябрю.

Развернувшееся во всей силе в день 12-го сентября, движение не было раздавлено и деморализовано в своих основах ни изматывающей качкой Наливкина, ни диктаторскими замашками стажированного авантюриста Шендрикова, ни приездом подлинного диктатора—Коровиченко. Штаб движения закачался под ударами реакции, штаб дезориентирован, но ушедшее внутрь и вглубь движение прорывается беспрерывно —в требованиях и резолюциях, в упорной забастовке, парализовавшей на некоторое время действия Коровиченко и заставившей его снять военное положение, в превосходном понимании и революционной оценке всего создавшегося положения, что особенно ясно видно из вышеприведенной резолюции 2-го полка.

Если события 12 сентября показали, что «стихийность движения есть признак его глубины в массах, прочности его корней, его неустранимости»*), то последующий период, период агрессивной реакции, показывает нам высокую степень политического возмужания, политической зрелости масс—отступающих, но отступающих в таком порядке и в таком настроении, что становится ясным:—руководители не дооценили состояния массы (в связи с чем не сразу повели подготовительную работу к следующему этапу борьбы).

Крайне характерно именно для очерченного нами периода (периода «от Наливкина к Коровиченко»): экономическо-продовольственный вопрос как бы теряет в глазах массы свою злободневную остроту, вытесняемый политическим вопросом. Выступление, начавшееся 12 сентября под непосредственным толчком продовольственных затруднений и злоупотреблений, заторможенное и на время смягчившее формы, пройдя сквозь опыт фактического овладения власти,—вопросы состава правительства (местного), взаимоотношений с ними и перспектив борьбы с ним,—твердо ставит на первый план. Для отстаивания своих политических требований, хотя бы еще и не путем открытой борьбы, массы уже не нуждаются в старых аргументах («нет хлеба, нет мануфактуры») хотя и эти аргументы далеко не устарели; массы все отчетливее сознают, что основное—вопрос о власти. Маскировать политическое наступление необходимостью бороться с хозяйственной разрухой массы

*) Том XIV, ч. 2, стр. 116.

Средне-Азиатские главные мастерские (красновосточные)— основная база восставших рабочих и солдат в Ташкенте.

предоставляют Коровиченко, который свой приказ (конец сентября) начинает с политической характеристики города, вышеприводимой, а заканчивает экономической программой (протаскивая, впрочем, и здесь политическое внушение и политическую угрозу): «совершенно необходимо принять экстренные меры к выполнению плана перевозки, ибо на почве голода крайне обострились отношения между мусульманским и сравнительно лучше обеспеченным русским населением»).

В половине сентября Ленин писал, что «большинство народа за нас», то-есть за большевиков, которые «именно теперь» должны взять власть. И сентябрьские события в Ташкенте дают нам подтверждение абсолютной правильности этих слов: безболезненно-быстрый переход власти в руки Совета и Ревкома, возглавляемых блоком революционных элементов социалистических партий, среди которых (элементов) наиболее инициативными, решительными, последовательными были большевики.

Но из той же статьи («Большевики должны взять власть» видно, что инициаторами революции Ленин мыслил и предвидел Москву и Петроград и победу именно в этих городах мыслил, как решающую во всероссийском масштабе.

В подготовке к октябрьской победе сыграли значительную роль и Ташкентские события—не только самым фактом, конечно, колоссально-важным, захвата власти, но и его непосредственным результатом—имеем ввиду присылку карательной экспедиции правительством Керенского. Ряд провинциальных Советов выражают горячий протест против экспедиции Коровиченко. И еще 11 октября Петроградский Совет требует недопущения репрессий против ташкентских рабочих организаций, недопущения расформирования стоящих в Ташкенте воинских частей впредь до окончания работ следственной комиссии, в состав которой должны войти действительные представители революционной демократии.

Четвертый этап революции в Ташкенте знаменует временное отступление революционных сил под знаком их внутреннего сосредоточения и окончательно-ясной постановки проблемы власти. Диктатура Советов, об'явленная 12 сентября, оставила неприкосновенной ступевавшуюся власть Временного Правительства —власть буржуазии и ставленников буржуазии. Под напором реакции рабочие и солдаты готовятся к борьбе за полное единовластие.

Но решительные формы эта борьба принимает лишь к половине октября, когда Коровиченко, стремясь предотвратить непредотвратимое, сам провоцирует столкновение. Классовые силы сталкиваются, каждый удар вызывает ответный удар, и еще до прихода вести о перевороте в Петрограде противники сходятся грудь с грудью.

IX. 1917 год—пятый этап—Октябрь.

С конца сентября Генеральный Комиссар и Командующий Войсками Коровиченко вплотную принимается за свою ближайшую задачу—обессилить основные вооруженные кадры революции. Принимаются меры к проведению приказа о демобилизации солдат—уроженцев Семиречья 95—96 г. И солдаты, и рабочие понимают суть этой политики, якобы направленной навстречу глубочайшим стремлениям крестьянина; давно уже отрешившегося от патриотических восторгов и демонстрировавшего тягу к миру и земле массовым уходом с фронта,—на самом же деле закреплявшей контр-революционный фронт в обстановке готовящейся гражданской войны.

В ответ на политику обезоружения рабочие и солдаты возбуждают вопрос о возвращении им идейно-пропагандистского оружия—печати. Мы уже упоминали о жаркой кампании за «Нашу Газету».

Дезорганизованные ожиданием и появлением карательного отряда комитеты (партийный и исполнительный) восстанавливают равновесие, придают этой кампании широкий размах, энергично поддерживают ее и теснее связываются на этой почве с массой.

В обстановке Ташкента первых чисел Октября—борьба за свободу печати об'ективно означала борьбу против генеральской диктатуры, и это хорошо понимали обе стороны.

Как бы в ответ—11 октября об'является о рассылке солдат крепостной артиллерийской роты по разным городам. (Значительное количество солдат намечается к отправке в Хиву). На следующий день общее собрание роты постановляет: просить Исполнительный Комитет рассмотреть «законность и надобность» рассылки роты, усматривая в ней—расформирование в порядке репрессии за так называемые «ташкентские события».

Коровиченко приступает к арестам, отправляя в тюрьму несколько солдат из числа наиболее активных и популярных в массе. Представители полка и члены Ташкентского Совета пытаются освободить их путем переговоров с Коровиченко. В результате один из «парламентеров» тоже арестовывается без всяких об'яснений.

Сосредоточенное негодование масс ищет выхода на бесчисленных собраниях и митингах. Вот типичные резолюции.

„Пятая рота 1-го Сибирского полка заявляет о полном доверии Исполнительному Комитету Советов, обещает поддержку вплоть до вооруженной силы, отказывается откомандировать солдат без ведома и приказа Совета, отказывается выдавать оружие и протестует против ареста".

13-я рота того же полка протестует против расформирования частей, верных революции, обещает защищать революцию и Совет всеми средствами.

9-я мортирная батарея заявляет, что она будет исполнять только согласованные с Советом приказания.

Совет Депутатов единодушно выступает с решительной поддержкой массового протеста, одновременно защищая и свои, зафиксированные договором от 3 октября права. Если Коровиченко копирует действия Керенского, вначале октября потребовавшего вывода из Петрограда двух третей революционного гарнизона, то Ташкентский Совет начинает явочным порядком реализовать права, на которые он уже давно претендавал и которые уже осуществляют Петроградские рабочие и солдаты. Постановление Ташкентского Совета от 13/X—гласит:

«Совет Солдатских и Рабочих Депутатов, отмечая единоличные распоряжения Коровиченко о расформировании и передвижения воинских частей, что противоречит договору с генеральным комиссаром от 3 октября, предлагает всем полковым ротным и прочим комитетам приводить в исполнение только приказы, в принятии которых участвовали представители Исполнительного Комитета».

Это постановление Ташкентского Совета принимается массой с громадным удовлетворением и под'емом.

Резолюции частей и рабочих организаций именно в этот период начинают явственно проникаться истинно большевистским духом борьбы, отчетливо направленной не против отдельных спекулянтов, а против буржуазии в целом, не столько против личностей (хотя бы того же Коровиченко), сколько против всего режима контр-революционной диктатуры.

Приведем, как выразительнейший пример большой политической школы, которую прошли массы с сентября, резолюцию общего собрания команды ташкентского военного госпиталя.

Общее собрание [illegible] постановило:

1) Что контр-революция исходит от Временного Правительства, капиталистических кругов и контр-революционного офицерства и духовенства.

2) Требуем немедленной отмены смертной казни на фронте и в тылу, немедленной реорганизации командного состава на выборных началах, роспуска Государственной Думы и Государственного Совета, поголовного ареста вождей контр-революции, отмены репрессий на печать.

3) Требуем немедленной передачи всех земель трудовому народу безвозмездно. Требуем установления контроля над торговлей и промышленностью. Требуем немедленного освобождения револю-

ционеров, арестованных в связи с событиями настоящего момента. Требуем обязательного вооружения рабочего класса, как стойкого и надежного борца за свободу.

4) Требуем снабжения крестьян земледельческими орудиями и средствами. Требуем немедленного разрыва с капиталистами и помещиками. Требуем передачи всей власти Советам Солдатских, Рабочих и Крестьянских Депутатов и созыва Учредительного Собрания в назначенный срок.

5) Требуем немедленного перемирия на всех фронтах и всеобщего мира. Требуем об'явления всех тайных договоров недействительными.

Довольно жертв во славу капитала! Долой виновников войны! Долой капитализм! Да здравствует близкая и желательная социальная революция!

Да здравствует победа социалистического братства народов!

Достаточно сравнить эту резолюцию с обще-демократическими лозунгами и расплывчато-революционной фразеологией аналогичных документов, скажем, периода половины сентября, чтобы убедиться, как далеко шагнули вперед массы за какой-нибудь месяц; как основательно подрывал «старый крот» устои керенщины, как продуктивно шла партийная работа, большевистская пропаганда в массах.

Приказы Коровиченко о раскассировании частей и отправке солдат—висли в воздухе. «Анархия», которую решил по приезде искоренить генерал, при том самый опасный вид ее—в армии,—росла. Посеяв ветер, Коровиченко уже пожинал хорошую бурю.

16 октября он решает нанести открытый удар—приступить к из'ятию революционной головки движения, обезглавить и массы, и организации. Следственная комиссия вызывает на допрос членов Исполкома и давно уже ликвидированного Ревкома и тут же арестовывает их.

Буря крепчает. Общее собрание 1-го Сибирского полка и рабочих ж.-д. мастерских в своем постановлении по поводу этого ареста об'являет Коровиченко и его сотрудников «представителями контр-революционного Временного Правительства» «бонапартистами», «бывшими опричниками Николая Кровавого» и требует не только «освобождения наших товарищей из под стражи и следствия», но и «полного и неотлагательного перехода всей власти народу в лице его истинных представителей—Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов». А комитет команды оружейников, слесарей и столяров 2-го полка не останавливается перед открытым требованием ареста «тех, кто смел посягнуть» и т. д.

Мы не цитируем этих и аналогичных резолюций в части их обще-политических требований, выше приведенное постановление команды военн. госпиталя дает им наиболее яркое и верное обобщение.

18/X Следственная Комиссия вызывает Тоболина, Вайнштейна, Домогатского, А. Першина, Цвилинга. Но обстановка не благоприятствует «нормальной» работе Следственной Комиссии.

В этот день Коровиченко предлагает крепостной артиллерийской роте выдать пулеметы. Рота обращается за раз'яснением к Совету. Генерал ультимативно предлагает сдать пулеметы к 5 часам вечера и после отказа двигает (уже ночью) на крепость броневики, казаков и юнкеров. Броневик без предупреждения открывает по крепости огонь. Не ожидавшие нападения солдаты боя не принимают. Их обезоруживают и арестовывают.

Массы все энергичнее требуют советской власти.

Один из профсоюзов «ознакомившись с последним контр-революционным выступлением в школе прапорщиков, выразившемся в разоружении революционной крепостной роты, видит в подобном походе частицу общероссийской контр-революции, которую ведет временное правительство» и «выражает полное недоверие центральному временному правительству и местным представителям его, считая единственным органом трудового народа Совет солдатских рабочих и крестьянских депутатов», который мы и будем поддерживать всеми доступными мерами».

На заседании Совета 21 октября оглашается лаконическое заявление 16-й роты 2-го полка: «рота готова умереть за Советы».

Контр-революционные силы тоже проявляют деятельность. Собрание союза служащих требует «сформирования под контролем организаций, подчиняющихся временному правительству, народных дружин для поддержания порядка и самозащиты», требует «для успокоения населения» «вывести из пределов Туркестана 1-й и 2-й Сибирские Стрелковые полки», взамен которых для несения службы и охраны края предлагает призвать туркестанцев. (Для предоставления этой резолюции генеральному комиссару избирается специальная делегация).

Ташкентский Совет, отказываясь считаться с запрещением власти, 21/X выпускает № 1 своих «Известий» с резкими статьями. Номер конфискован. В тот же день на заседании Совета разрешается вопрос о власти—незначительным большинством голосов Совет высказывается за создание власти Советов, как в общероссийском так и в местном масштабе—до учредительного собрания. Несмотря на несколько отвлеченный характер этого постановления,—эта победа революционного крыла имела большое принципиальное значение, (на заседании происходит любопытное столкновение между большевиками и сторонником Учредительного Собрания во что бы то ни стало—Вайнштейном).

На квартире одного из большевиков (Шумилова или Финкельштейн) активные работники партии и примыкающие к ним решают созвать совещание представителей рабочих и солдатских организаций, чтобы выявить вопрос о непосредственном взятии власти.

25 октября Совет решительно высказывается в этом смысле. Приходит сообщение об аресте членов президиума Совета—Тоболина, Вайнштейна и А. Першина. Совет постановляет: «Президиум остается в тюрьме и по мере возможности руководит событиями» (т.-е. подготовкой к захвату власти). Непосредственно после этого не подвергшиеся аресту члены президиума на конспиративной квартире назначают ответственных командиров по воинским частям для подготовки к восстанию. Представители Совета для соответствующей агитации высылаются по краю.

«К 27 октября в руках Генерального Комиссара сосредоточен был ряд данных, доказывающих, что Исполнительным Комитетом Ташкентского Совета С. и Р. Д. организован обширный заговор, направленный к вооруженному захвату власти».

«Воруженные выступления приурочены были к 30-му октября. Генерал Коровиченко, в течение месяца колебавшийся принять решительные меры, вынужден был предупредить по возможности готовящиеся события» *).

К тому же дню прибывают первые не получившие еще распространения в массе, известия о событиях в Петрограде.

Генерал решает напасть неожиданно.

Вечером в Доме Свободы заседает Совет; на повестке продовольственный вопрос, который упирается в вопрос о власти. «В президиум с мест закричали: что нам о продовольствии разговаривать, продовольствия не будет, пока власть не будет в руках рабочах и солдат» **).

Члены Совета идут на вокзал, связаться с телеграфом с Асхабадам и Оренбургом, предупредить созванные там железно-дорожные с'езды о выступлении ташкентцев и просить их содействия.

К 11 часам ночи остаются военные делегаты для разработки вопросов, связанных с подготовкой действий в частях.

В 12 часов Дом Свободы окружают казаки и юнкера. Арестовывают 5 человек, остальные члены Совета успевают скрыться и спешно направляются по частям.

Железно-дорожный телеграф занимается казаками.

---

*) Из доклада Доррера—помощника генерального комиссара (Коровиченко) по гражданской части.

**) Из воспоминаний Д. Манжара.

На даче б. генерал-губернатора заседает Краевой Совет с представителями партий и демократических организаций. Узнав об аресте, заседание направляет двух делегатов в железно-дорожные мастерские и первый полк для сообщения о нападении Коровиченко и для организации противодействия контр-революции. Прибывшие юнкера и казаки арестовывают двух левых членов КРАС'а. Заседание продолжает работу, и под впечатлением арестов выносит постановление об об'явлении забастовки, создании Ревкома. Солдатам предлагается оставаться в казармах.

В то же время юнкерские и казачьи силы окружают 2-й Сибирский полк солдат. Часовой тут же убит, солдаты разоружены и отправлены в крепость.

Покончив со 2-м полком, казаки и прапорщики, усиленные броневиком, двигаются на 1-й полк.

В то же время разоружаются мелкие части, верные Совету. Офицеры в частях отсутствуют, вероятно, предупрежденные о нападении.

Юнкера, казаки, направленные для разоружения первого полка, не зная расположения казарм ошибочно нападают на 17-й Оренбургский полк *). Юнкера предлагают казакам примкнуть к ним, помочь разоружить солдат, но казаки держат нейтралитет, а офицеры ссылаются на отсутствие приказа высшего начальства о выступлении.

Все это происходит 28-го в 6½ часов утра, когда рабочие по второму гудку уже собираются в мастерские. Солдаты обращаются к ним за помощью. Рабочие бросаются в полк за оружием. Растерявшийся командир отряда не решается открыть огонь с броневика по рабочим и дает им возможность на глазах отряда беспрепятственно разобрать оружие.

Но затем отряд атакует казармы 1-го полка. Вооруженные солдаты и рабочие встречают его стрельбой. Отряд разбивается: часть отходит назад к казачьим казармам, а другая переходит в наступление на мастерские. Успевшие туда перебежать рабочие отстреливаются. Первые жертвы со стороны рабочих. Наступающие действуют нерешительно, уже пропустив момент для захвата основной базы—мастерских. Отряд, попав под перекрестный огонь из мастерских и 1-го полка, укрывается в казачьи казармы. Казаки впускают их, но от совместной борьбы наотрез отказываются.

Из 1-го полка в мастерские перебрасывается оружие. Рабочие вооружаются, разбиваются на десятки, взводы. Подходит помощь из бородинских мастерских. Избирается Революционный комитет. Общее командывание берет Дунаев (солдат),

*) Казармы 1 полка, казачьего полка и Ср.-Аз. жел.-дор. мастерские были расположены рядом с линией жел. дороги.

назначенный на эту должность секретным постановлением президиума Совета 25 октября.

Вооруженные рабочие рассыпаются по товарным складам. Строят баррикады. На мостах через Салар и ж. д. линию у мастерских. Броневик, юнкера и казаки окружены в казачьих казармах.

— «После этого»—пишет Доррер в своем докладе Временному Правительству—«создалось весьма невыгодное для Правительственного отряда положение. Отряд был заперт в казармы 17-го полка, три моста через Салар были заняты и забаррикадированы вооруженными рабочими, и отряд оказался отрезанным от своей базы—крепости... Правительственные войска, численно слабые—не более 1800 штыков—разрезаны надвое без связи между частями».

Рабочая крепость не имеет артиллерии. Несколько солдат первого полка пробираются на Саперную ул. в артиллерийские казармы.

Но там уже идет борьба. Артиллеристы еще ранним утром подвергались нападению казаков (6-ой каз. полк). Разбуженные тревожными гудками, зная о нападении на Дом Свободы накануне, они были наготове и встретили казачьи цепи орудийным огнем.

Вместо отступивших казаков появляется броневик. Меткий снаряд—и он помятый отходит обратно. Артиллеристы валят несколько тополей через дорогу, преградив броневику путь к казармам, и посылают разведку к мастерским. И свои разведчики, и прибывшие из мастерских солдаты требуют переброски орудий в рабочую крепость. Через занятый неприятелем район продвигаются два орудия. Руками ломают забор железнодорожной церкви, сдвигают стоящие на пути вагоны и прибывают в «рабочую крепость».

Город—поле битвы.

По Куйлюкской, Духовской, Госпитальной улицам оперируют рабочие отряды. Обыватели прячутся в домах. Стачечный Комитет продолжает снимать рабочих, но работы прекращаются в военной обстановке сами собой.

В мастерские проникают и рабочие из города.

К артеллеристам присоединяются мелкие воинские части.

Коровиченко стремится увеличить свои кадры, вооружая мелко буржуазные элементы, учащихся—гимназистов, реалистов, включая подростков, отправляет оружие в старый город. Там проходят митинги под лозунгом борьбы с большевиками.

Из улемистов и шура-исламистов с трудом удается организовать небольшие отряды, ведут их в крепость на помощь Коровиченко (вооружение происходит и в последующие дни). Рабочие-националы, преимущественно из союза строителей—на стороне восставших европейцев—рабочих и солдат и отдельные их группы принимают непосредственное участие в борьбе.

Артиллерия рабочей крепости.

Рабочие-узбеки трамвая, железнодорожных мастерских бьются в общих пролетарских рядах.

Основное внимание белого командования сосредоточено на спасении отряда, закупоренного в казачьих казармах. Из крепости к Первушинскому мосту передвигаются орудия. Артиллерийский огонь разбивает баррикады,—броневик и отрезанные отряды отступают в город. Казаки 17-го полка остаются попрежнему в казармах, продолжая сохранять нейтралитет. В этот момент в мастерские прибывают орудия.

Командующий Дунаев ранен в смелой вылазке с отрядом рабочих. Последние остаются без оперативного руководства.

В это время рабочие приводят прапорщика 1-го сибирского полка Стасикова, задержанного на пути в мастерские.

Ревком предлагает Стасикову командование. Разыскивается карта города. Новый командир умело ведет руководство боем. Чтобы обеспечить тыл, предлагают нейтральным казакам сдать оружие. После отказа дается несколько орудийных выстрелов по казармам—казаки выбрасывают белый флаг и разоружаются.

Надо отделаться от броневика. Стасиков посылает людей срубить на Куйлюкской улице тополя, повалить их на дорогу.

Броневик налетает на дерево и выбывает из строя.

Юнкера начинают от крепости и от Первушинского моста артиллерийский обстрел мастерских. Не то по неумению, не то с целью терроризовать рабочих, снаряды падают не в мастерские, а в казачью слободку—в рабочий поселок.

Во время боя по рядам разносится весть о победе революции в Петрограде. Рабочие дерутся с величайшим мужеством и энтузиазмом.

Отрядом рабочих занято кладбище, откуда белая артиллерия могла бы смести с лица земли рабочую крепость.

К ночи борьба затихает.

Удерживать позиции (по линии Салара) белым удается лишь с большими усилиями. У них ощущается недостаток продуктов.

Рабочие успевают захватить 7 вагонов муки и склад продовольственного комитета.

Доррер ночью на 29 вступает в связь с Краевым Советом, чтобы при его содействии начать мирные переговоры с восставшими. КРАС идет навстречу. Его роль в дни борьбы за власть участием в мирных переговорах—исчерпывается. Меньшевистско-эсэровский по составу после ареста левых элементов, КРАС занял позицию растерянного нейтралитета, не вставая открыто на сторону контр-революции и ограничиваясь «дипломатическим» содействием Временному Правительству в лице Коровиченко и Доррера.

29-го утром прапорщики и казаки подступают к мастерским,—вокруг мастерских весь день и следующую ночь происходит жаркий бой, без решительного перевеса на той или другой

стороне. Рабочие и солдаты стойко отбиваются, делают вылазки, захватывают пленных. Артиллерийские казармы также остаются в руках солдат.

Войска Коровиченко падают духом, провианта нет ни в крепости, ни в городе.

Доррер с представителями КРАС'а и других общественных организаций вечером едет в качестве парламентера в мастерские.

Переговоры с Ревкомом затягиваются до 5 час. утра. Доррер предлагает следующие условия: 1) рабочие сдают оружие и встают на работу, 2) 1-й полк немедленно расформировывается.

Контр-требования рабочих: разоружение школы прапорщиков, отправка ее на фронт, сдача броневиков, восстановление Совета в его правах; Коровиченко и Доррер должны подать в отставку.

После долгих споров Доррер принимает эти условия. Согласие Коровиченко получено по телефону.

Бои затихают, но лишь для того, чтобы возобновиться с новой силой.

Коровиченко раздобывает продовольствие и договор срывается.

Рабочие непрерывно отражают наступление противника, но отогнать его от стен мастерских не удается. С напряжением ждут обещанной помощи из Кушки.

Волнуют рабочих и слухи о вооружении старого города. Но один из рабочих строителей проникает в мастерские и заверяет о сочувствии старо-городских рабочих.

Восставшие получают неожиданную поддержку. Вместо опоздавшего эшелона из Кушки прибывают солдаты—семиреки, возвращающиеся из Закаспия по об'явленной Коровиченко демобилизации, и спропагандированные по дороге Я. Финкельштейном и кушкинскими делегатами, 600—700 демобилизованных прибывают, вооружаются, и революционная армия, усиленная свежими силами, переходит в решительное наступление. Преодолевая сопротивление, она (революционная армия) передвигает линию фронта к центру города. Красные захватывают почту, центральный сквер и продвигаются к 1-му району милиции, где укрепились юнкера.

Переговоры возобновляются 30-го вечером, продолжаются и 31-го. Основное требование Коровиченко—сдача орудийных замков. На это идет возглавляющий делегацию рабочих Вайнштейн, но бойцы встречают требование фактического обезоружения негодованием и требуют полной капитуляции Коровиченко.

Вечером 31-го восставшие переходят в решительное наступление на крепость—основную базу Коровиченко. Начинается

Похороны жертв Октября в Ташкенте.

ее артиллерийский обстрел. После нескольких метких попаданий, юнкера и прапорщики требуют сдачи и арестовывают упорствующего Коровиченко.

К 12 часам ночи крепость сдается.

Боевые действия по городу прекращаются.

Пролетарская революция восторжествовала в Ташкенте. Предстояло установить диктатуру пролетариата на местах и создать орган краевой власти.

X. Заключение.

Период с Февраля по Октябрь 1917 г. в Средней Азии протекает чрезвычайно своеобразно.

Восстание 16-го года с особенной наглядностью показало, что власть в крае держится на штыках. Но штыки эти оказались особенно колючими не только в дни февраля, но и в последующие месяцы, когда Туркестанский Комитет Временного Правительства вступил в затяжной конфликт с Советами, опиравшимися здесь не в меньшей степени на солдатские, чем на рабочие массы. Из опоры самодержавия серая шинель становится активной и особенно реальной силой революции, как вооруженная сила. Движение среди солдат еще в 1905 г. приняло для Туркестана особенно резкие и энергичные формы, как бы компенсируя для дела революции отсутствие активно-революционного крестьянского движения.

Русская власть держалась в Туркестане десятилетиями, как цинически откровенная колонизаторская власть. Демократические декларации и лозунги Временного Правительства были голословны и фальшивы по существу, но истолковывались и применялись революционными элементами и организациями на местах достаточно решительно (например, в работе по смене старого административного аппарата), чтобы и коренному населению стало воочию ясно, какая пропасть лежит между прошлым и настоящим; комитеты и комиссары Временного Правительства почти сразу же почувствовали себя повисшими без опоры, без авторитета, без реальной власти, и на развалинах старого колонизаторского аппарата новый мог возникнуть и закрепиться лишь в качестве государственного аппарата трудящихся, представляющего истинно-народную, истинно-демократическую власть.

Отдаленность от центра тоже сыграла большую роль в том исключительном своеобразии, каким отмечен в Средней Азии ход событий в 1917 году, притом троякую роль.

1. Тысячеверстные пространства, хотя бы и прорезанные лентой железной дороги, усугубляли слабость правительственной, «общественной» и партийной агентуры Временного Правительства. Еще майский конфликт между Советами и Туркестанским Комитетом показал полное бессилие последнего, а

когда в сентябре полнота власти фактически оказалась в руках масс, организованных в Советы, то Керенскому пришлось посылать «карательную экспедицию» для восстановления порядка. Она прибывает только через 12 дней после событий, и могла бы встретить серьезное сопротивление, если бы революционный Ташкент мог получить поддержку со своей (среднеазиатской) «периферии».

2. Туркестан жил преимущественно привозным хлебом. Со всероссийской разрухой, и в частности развалом транспорта продовольственный кризис стал здесь ощущаться особенно остро. Военный кризис ударил по Туркестану, прежде всего, как хозяйственный (туркестанцы были до 16 г. освобождены от службы в армии), и в основном, как голодный кризис. Фронт был далеко. Вопрос о власти Советов в первую очередь и до сентябрьских событий включительно ставился с непосредственной задачей перебить хребет поднимавшей голову экономической контр-революции.

За спиной спекулянта явно стояли реакционные силы, а Временное Правительство явно вело политику пособничества и покровительства и промышленникам, и спекулянтам.

3. Отдаленность от центра вела не только к относительной слабости организованной контр-революции, но и к слабости большевистского руководящего революцией ядра. Количественная и организационная слабость большевиков выразилась и в том, что руководство в решающие моменты с трудом поспевало за массой, и в том, что в наиболее решающие моменты на ряду с большевиками во главе массы оказывались меньшевики-интернационалисты и левые эс-эры, что отзывалось на ясности политической установки, а в дальнейшем должно было привести к болезненным процессам. Противоречия внутри этого «блока» временно скрадывались, подавленные внешними наступательными действиями контр-революции.

Дехканская масса и вообще трудовые слои местного населения с самого февраля тянутся к Советам. Мы воздерживаемся говорить «идут за Советами», ибо Советы на местах не всегда находили правильную линию.

Советы в городах еще не могли стать за период «двоевластия» в Туркестане силой актуальной, руководящей кишлаком. А в тех случаях, когда в советских организациях резко преобладали меньшевистско-оборонческие элементы, как это было в Краевом Совете, политика их принимала привкус и оттенок традиционного колонизаторства.

В европейских городах и промышленных поселках клокотала политическая борьба, вставали лицом к лицу основные массы политического общества—буржуазия и рабочие, вовлекая в борьбу своих вольных и невольных союзников.

Местное население пролетарскими своими элементами (еще незначительными) примыкало к революционному пролетари-

ату, а подавляющая масса дехканства оказывала Советам лишь частичную поддержку, в большинстве случаев сама требуя организационной и политической помощи против поднимавших голову спекулянтов, баев и авантюристов, рассчитывавших поживиться на развалинах царистской деспотии. В ряде случаев Советы (особенно Советы Солд. Депутатов) на местах эту помощь населению оказывают, несмотря на отсутствие определенной линии. Провокационные предостережения агентуры Керенского насчет неизбежной национальной резни, погрома русских, равно как и шовинистическая пропаганда мусульманского духовенства, бьют мимо цели. И самое отсутствие эксцессов против русских (притом в условиях крайнего ослабления власти вообще и свежих воспоминаний о кровавом усмирении 16 года) говорит нам убедительнейше: массы местного населения за этот период, если не поняли ясно, то почувствовали классовым инстинктом социальную суть и социальный характер развертывающейся на их глазах борьбы, массы стали понимать, что если от «русских» шло до сих пор порабощение, то теперь русские солдаты и рабочие ведут борьбу против наследников и поработительской системы. Только в позднейший период (послеоктябрьский) и только в новых, особых условиях контрреволюция находит упор в дехканской массе, играя на бедственном обострении хозяйственного кризиса, на выросшей под боком интервенции, на не всегда крепком и тактичном руководстве пролетарского города, на неизжитых еще предрассудках. К октябрю же 17 года рабочие и солдаты города подходят в дружественном, хотя в процессе самого переворота и не получившем активной формы, в контакте с трудовыми слоями местного населения.

События шли по общему закону, формулированному Лениным так: «город ведет за собой деревню». Причем, если для России роль руководящего города досталась Петрограду, административному и военному центру того времени, средоточию передовых элементов пролетариата и основному очагу революционно-партийного руководства, то для Средней Азии, такое же, примерно, значение получил Ташкент—резиденция краевой власти Временного Правительства, основная пролетарская база края (железно-дорожники), причем солдатско-пролетарский Ташкент прошел через политическое крещение, выдвинул уже Советы, как органы власти,—в сентябре.

* * *

Революция в Средней Азии опрокинула систему господства эксплоататорского класса. Ташкентские рабочие и солдаты подошли к Октябрю плечо к плечу с авангардом российского пролетариата, с петроградскими пролетариями. Но революция в Средней Азии опрокинула и систему двойного гнета,

машину двойной эксплоатации, ибо ликвидировала господство колонизаторской буржуазии.

Летом 17 года большевиков травили, как германских шпионов, а кокандских «туртенчи», как большевиков,—используя закрепляемые искусственно ею самой же национальные перегородки, буржуазия создала негласный интернациональный блок к борьбе с классом эксплоатируемых. Принципу «разделяй и властвуй» трудящиеся победоносно противопоставили свой братский союз, скрепленный кровью октябрьских жертв.

Наиболее эксплоатируемые слои дехкан кишлака и аула уже первый шаг Февраля восприняли, как первый шаг к социальному раскрепощению, включающему раскрепощение национальное. Но «город ведет деревню», и рабоче-солдатскому городу пришлось на своих плечах выносить основную тяжесть борьбы за лучшее будущее и деревни, и города.

Присматриваясь к борьбе тысяч людей, миллионы местного населения ориентировались в 17 году на боевые организации рабочего класса, зародышевые органы ее диктатуры—Советы, и при всей политической неискушенности кишлака и старых городов восходящий к власти рабочий класс, на громадный процент представленный европейцами и в большинстве случаев возглавляемый оппортунистами, сумел привлечь на свою сторону активные элементы трудящихся местного населения и заручиться их дружественным нейтралитетом в решающие дни борьбы. При невозможности наладить за 8 месяцев (февраль—октябрь) широкую и тесную смычку с местным населением много говорят и единицы, втянутые из его среды в партийную работу, и десятки, сознательно выступавшие с винтовкой в руках в октябре. Их было бы больше, если бы Туркестан лишний десяток лет успел вывариться в капиталистическом котле. Их было бы больше, если бы местная буржуазия успела по образцу, например, китайской настроить фабрик, заводов и выжатую из наемных рабов прибавочную стоимость перечеканить в звонкие лозунги и призывы зрелого национально-революционного движения, «перезревающего» в рабоче-крестьянское. Но если «первым шагом революции в колониях должно быть свержение иностранного капитализма», а «самой главной и необходимой задачей является создание коммунистической организации крестьян и рабочих, чтобы можно было вести их с собой к революции и основанию советской республики», (том XIX, стр. 272), то величайшее преимущество в смысле «экономии» исторических сроков и народных страданий получил перед другими колониями и полуколониями—Туркестан: иностранный капитализм оказался в нем свергнут, далеко не истощив своих колониальных «возможностей», и к республиканско-советскому строю народы Туркестана пришли с мощной поддержкой русских рабочих и крестьян.

Капиталистический строй в Европе будет свергнут отделением колоний и пролетарской революцией у себя дома—писал Ленин.

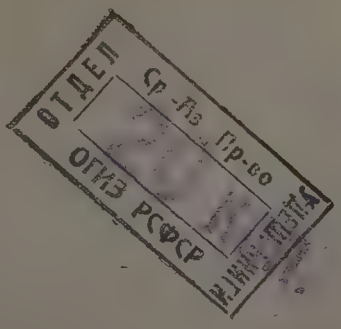
Власть капитала в России была свергнута напором пролетарской революции—колонии не успели втянуться в борьбу. 1916 год в Туркестане был только грозным предупреждением. Колонии царской России, пройдя лишь начальную стадию капиталистического развития, вплотную подошли к социализму. Ленинские слова: «... в отсталых странах народные массы будут приобщены к коммунизму не через капиталистическое развитие, а путем развития классового самосознания, под руководством сознательного пролетариата передовых стран» —эти слова звучат, как призыв и предсказание, поскольку относятся к колониальным зарубежным странам. Для нашей страны эти слова констатируют уже совершившийся факт. Народные массы Туркестана строят коммунизм в тесном контакте и сотрудничестве с рабочими и крестьянами России под руководством единой Всесоюзной Коммунистической Партии.

СССР—форпост мирового коммунизма. Наша партия в течение 10 лет остается единственной партией, не только боровшейся, но и победившей в борьбе за диктатуру рабочего класса. Октябрьские дни будут жить в памяти революционеров и тружеников всего мира с неувядаемой силой. Угнетенные классы и угнетенные народы идут к своему Октябрю.

Гниющая громада капитализма лежит поперек пути развития человечества, угрожая бойней и голодом, возвратом к варварству и такими «научными» методами эксплоатации и истребления, от которых в панике шарахаются назад к варварству иные представители буржуазной интеллигенции. Пролетариат не знает дороги назад. В гниющую колоду капитализма вбит советский клин. В борьбе соединяются пролетарии всех стран и трудящиеся всех народов. От пассивной веры—к знанию и борьбе, от Иерусалима и Мекки, где хозяйничают колонизаторы, угнетенным, трудящимся путь—к рабочей Москве. Колыбель великих религий—Азия, становится колыбелью великих революций.

За рубежами предстоят еще суровые дни борьбы. Советскому Востоку предстоят дни строительства, начатого, но еще далеко не законченного. Вкладывая камень за камнем в фундамент нового социалистического хозяйства и новой социалистической культуры—Советский Восток—Средняя Азия продолжает великое дело Октября. На рубежах Китая, Индии, Афганистана, Персии поднимается крепость социализма.

Замеченные искажения и опечатки

Стран.	Строка	Напечатано	Следует читать
11	14 снизу	И марксизм требует **изучения конкретного...**	А марксизм требует и изучения конкретного...
12	16 свер.	большой широтой	большей широтой
18	12 снизу	Западной Европы	Западной Европы»
24	6 снизу	**перебрасываясь в казармы**	перебрасываясь в казармы
26	1 сверху	правильней	правильным
46	9 снизу	единовластие буржуазии	единовластие буржуазии»
49	10 снизу	у Шура-Исламия	в Шура-Исламии
52	16 снизу	трудящихся	трудящихся»
53	9 снизу	Ленин *) Вы хотите	Ленин *): «Вы хотите
54	1 сверху	вот еще крепче.	А вот и еще крепче:
56	19 снизу	«Освободить его от возложенных обязанностей	«Освободить его от возложенных обязанностей».
56	24 сверху	о комитете в целом и не в разрезе общих требований	о комитете в целом и не в разрезе отдельных фактов (вроде назначения Тризны), а в разрезе о б щ и х требований.
59	18 снизу	еще не думали	не думали
61	19 сверху	двухсмысленность	двусмысленность
63	24 сверху	«поражен и возмущен	«поражен и возмущен»
66	11 сверху	дело империалистической буржуазии	дела империалистической буржуазии
69	9 снизу	С большими остатками социалистической совести	С бо́льшими остатками социалистической совести
72	3 сверху	вооружены»	вооружены» (Ленин)
87	21 сверху	«если это не искусный	если это не искусный
89	7 снизу	оппортунисты от с-д и с-р, юнкера проявляют колебание	оппортунисты от с-д и с-р. Юнкера проявляют колебание
	7 сверху	за давностью выборов, перестав	за давностью выборов перестав
	17 снизу	от телеграммы вплоть	от телеграмм вплоть
	13 сверху	«смута и анархия» водворившаяся	«смута и анархия водворившиеся

Цена 40 коп.